

У. 98. 3/6
421

ПРЕДВИДѢНІЯ

Г. УЭЛЬСЪ

ПРЕДВИДѢНІЯ

ПРЕДВИДѢНІЯ

О

ВОЗДѢЙСТВІИ ПРОГРЕССА МЕХАНИКИ И НАУКИ
НА ЧЕЛОВѢЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ
И МЫСЛЬ.

Г. УЭЛЬСА

АВТОРА РОМАНА „БОРЬБА МІРОВЪ“ И ДРУГ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ШЕСТОГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ
А. НАРРИНЪ.

МОСКВА.

Дозволено цензурою. Москва, 20 сентября 1902 г.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1902.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Мы предлагаемъ читателямъ переводъ книги которая представляетъ замѣтное явленіе въ текущей литературѣ. При первомъ же появленіи этого произведенія, въ концѣ прошлаго года, въ англійскомъ журналѣ „Fortnightly Review“ какъ публика, такъ и критика отнеслись къ нему внимательно, а потомъ и отдѣльное его изданіе имѣло большой успѣхъ. Приступая къ переводу этой книги на русскій языкъ, мы считаемъ нужнымъ оговориться, что мы далеко не признаемъ заключающагося въ ней прогноза будущаго безошибочнымъ и не сочувствуемъ во многомъ личнымъ взглядамъ автора. Нельзя однако не признать, что его выводы изъ данныхъ положеній логичны и фактично обоснованы съ его точки зрѣнія. Уэльсъ составилъ себѣ имя въ литературѣ беллетристическими произведеніями; онъ написалъ нѣсколько фантастическихъ романовъ также на темы изъ далекаго будущаго, но на эти романы, крайне сенсационные, серьезная критика не обратила большого вниманія, хотя въ нихъ сказался не только яркій повѣствовательный талантъ, но и серьезная научная основа. Но беллетристическая форма не удовлетворяла автора; онъ задумалъ написать этюдъ будущаго

общества, построенный на строго научномъ методѣ. Взявъ точкой отправленія ту фазу прогресса, на которой кончился XIX вѣкъ, онъ логически развиваетъ ее черезъ новое столѣтіе и пытается представить себѣ и читателю нравы, быть, социальныя условія и вѣрованія людей въ 2000 году.

Какъ бы ни были спорны многія изъ личныхъ воззрѣній автора, во всякомъ случаѣ книга его представляетъ большой интересъ и, несмотря на нѣкоторую сухость изложенія, уже выдержала въ Англіи цѣлый рядъ изданій и переведена на иностранные языки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
I. Пути сообщения въ XX вѣкѣ	I
II. Вѣроятное расширение большихъ городовъ	29
III. Развитие общественныхъ элементовъ.	60
IV. Нѣкоторыя социальныя реакціи	94
V. Исторія демократіи	132
VI. Война въ XX вѣкѣ	162
VII. Конфликтъ языковъ	198
VIII. Общій синтезъ	226
IX. Вѣра, мораль и общественная политика новой республики	256

ПРЕДВИДѢНІЯ

I

Пути сообщенія въ XX вѣкѣ

Въ этой книгѣ предполагается изложить въ настолько стройномъ порядкѣ, насколько это допускается разнообразіемъ сюжета, нѣкоторыя соображенія о направленіи различныхъ общественныхъ силъ въ настоящее время. Сводъ этихъ соображеній поможетъ составить себѣ если и не совершенное и очень гипотетическое, то все же вѣроятное представленіе о томъ, что несетъ человечеству новый вѣкъ ¹. До сихъ поръ такія заглядыванія въ будущее обыкновенно преподносились читателю въ формѣ романовъ, авторы которыхъ рѣдко могли устоять передъ искушеніемъ вдаться въ сатиру ². Мы чувствовали, что беллетри-

¹ Въ первыхъ главахъ будетъ обращено особенное вниманіе на вѣроятное развитіе цивилизованныхъ націй вообще. Впослѣдствіи эти обобщенія будутъ измѣнены соответственно главнымъ различіямъ расъ, обычаевъ и религій.

² Совершенно серьезныхъ индуктивныхъ предсказаній будущаго очень немного. Намеки на нихъ есть у Спенсе-

стическая форма все менѣе и менѣе подходитъ къ серьезной спекулятивной индукціи, и въ этой книгѣ окончательно отказались отъ этой формы въ видахъ соединенія точныхъ изслѣдованій съ логическими выводами. Конечная цѣль наша набросать въ главныхъ чертахъ эскизъ будущаго, показать, къ чему должны привести въ грядущіе годы соединенныя усилія человѣчества. Читатель и его наслѣдники—будущіе акціонеры, а понравится имъ или нѣтъ будущій балансъ,—это другой вопросъ. По причинамъ, которыя будутъ выясняться по мѣрѣ развитія нашей задачи, мы считаемъ умѣстнымъ начать съ предположеній о вѣроятныхъ успѣхахъ и переменѣхъ въ системѣ сухопутныхъ сообщеній. Всякій, кто изучалъ гражданскую исторію XIX вѣка, хорошо знаетъ, къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ ведутъ измѣненія этой системы. Слѣдившіе за военными операціями генераловъ Буллера и Девета въ южной Африкѣ могли убѣдиться, что отъ средствъ транспорта и передвиженій зависятъ нерѣдко важнѣйшіе результаты въ политикѣ и войнѣ. Прогрессивный ростъ нашихъ большихъ городовъ, быстрое возрастаніе народонаселенія Америки, включеніе Китая въ сферу европейской политики,—все это явныя и прямыя послѣдствія новыхъ способовъ передвиженія. И въ то вре-

ра, у Кидда въ его „Соціальной эволюціи“, у Арчделя Рейда, Гартмана и др. Романовъ же, предсказывающихъ будущее, насчитывается болѣе сотни. Но большая часть ихъ имѣетъ не столько *проницательный*, сколько полемическій или идеалистическій характеръ; въ нихъ только комментируется недовольство настоящимъ.

мя, какъ столь многое зависитъ отъ развитія этихъ способовъ, самое это развитіе сравнительно независимо—по крайней мѣрѣ, въ настоящее время—отъ большей части вызываемыхъ имъ переворотовъ. Оно зависитъ отъ ряда идей, опытовъ и законовъ политической экономіи, почти столь же незыблемыхъ, какъ и законы природы. Даже такіе важные перевороты, какъ возвращеніе западной Европы въ лоно римской церкви или ниспроверженіе Британской имперіи Германіей, или наводненіе Европы желтой расой, предположивъ возможность ихъ,—даже и они могли бы повліять лишь на нѣкоторыя частности, такъ сказать, на дверныя ручки и вентиляторы, или на поверстную плату, но едва ли повліяли бы на существенныя черты эволюціи системы передвиженія. Эволюція эта имѣетъ чисто историческое отношеніе къ народамъ западной Европы. Она уже не зависитъ отъ нихъ, не находится исключительно въ ихъ рукахъ. Малаецъ отправляется теперь на богомолье въ Мекку на желѣзномъ пароходѣ увеселительныхъ экскурсій; первобытный по нравамъ индусъ ѣздитъ на базаръ по желѣзной дорогѣ, и въ Японіи, Австраліи, Америкѣ нашлось бы довольство рукъ и умовъ, чтобы замѣнить европейцевъ, если бы они выпустили изъ своихъ рукъ процессъ развитія системы передвиженія.

Начало XX вѣка совпадаетъ съ весьма интересной фазой въ этомъ великомъ процессѣ развитія способовъ сухопутнаго передвиженія, бывшемъ отличительной чертой XIX вѣка (въ матеріальномъ отношеніи). Когда этотъ вѣкъ займетъ свое мѣсто

въ ряду другихъ вѣковъ въ хронологической таблицѣ будущаго, онъ, вѣроятно, будетъ изображаться символически паровозомъ, несущимся по рельсамъ. Въ этотъ вѣкъ входятъ и первые опыты, и первоначальное развитіе, и полная выработка этого способа передвиженія; почти всѣ главные черты исторіи XIX вѣка прямо или косвенно опредѣляются этимъ процессомъ. Бросивъ свѣтъ на новыя фазы въ способахъ сухопутныхъ сообщеній, не мѣшаетъ начать прозрѣніе въ будущее краткимъ ретроспективнымъ обзоромъ исторіи возникновенія и развитія парового передвиженія.

Здѣсь представляется любопытный и не лишній вопросъ: почему передвиженіе съ помощью пара явилось въ указанное время, а не раньше, въ исторіи міра?

Потому что оно не было раньше изобрѣтено. Но почему же не было? Конечно, не по недостатку великихъ умовъ, такъ какъ ни одинъ изъ многихъ людей, трудившихся надъ усовершенствованіемъ парового двигателя, не былъ умомъ безпримѣрнымъ въ прошломъ, какъ Ньютонъ, Шекспиръ или Дарвинъ. И не потому также, что потребность въ паровомъ двигателѣ явилась вдругъ, а спросъ вызываетъ предложеніе. Это одно изъ самыхъ ошибочныхъ понятій. Бываетъ какъ разъ наоборотъ. Правда, настоящаго спроса на такія вещи раньше не существовало; европейцы и въ 1800 г. еще вполне довольствовались экипажами и мальпостами. Но каждый умный администраторъ въ Римской или Китайской имперіяхъ несомнѣнно ощущалъ недостатокъ въ болѣе быстрыхъ средствахъ со-

общенія, чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ. Не было также появленіе паровоза и результатомъ внезапнаго открытія дѣйствія пара. Возможность механическаго движенія при помощи пара была извѣстна уже за двѣ тысячи лѣтъ назадъ еще до христіанской вѣры. Пользовались паромъ для накачиванія воды и для устройства игрушекъ. Намъ могутъ возразить, что прогрессъ, достигнутый въ примѣненіи пара, былъ плодомъ новаго, болѣе систематическаго обращенія съ наукой, начало которому было положено лордомъ Бэкономъ и поддержано англійскимъ Королевскимъ Обществомъ. Но, повидимому, это не совсѣмъ такъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что и новый образъ мысленія, распространившійся отъ этого центра, сыгралъ въ процессѣ парового движенія свою роль. Но люди, имена которыхъ главенствуютъ въ исторіи развитія парового двигателя, изобрѣтали большею частью чисто эмпирически. Паровозъ Тревисика ходилъ по рельсамъ и пароходъ Эвона разсѣкалъ волны Гудсона за четверть вѣка раньше, чѣмъ Карно отстаивалъ во Франціи примѣненіе пара. Мы не видимъ здѣсь, какъ въ исторіи электричества, такихъ выводовъ практики изъ принципа, которые позволяли бы приписывать изобрѣтеніе паровика научному импульсу. Нельзя также непосредственно выводить это открытіе и изъ явившейся возможности замѣнить въ желѣзодѣлательной промышленности дерево каменнымъ углемъ, дающимъ болѣе сильный жаръ. Въ Китаѣ каменный уголь употреблялся уже много вѣковъ при плавленіи и ковкѣ желѣза. Несомнѣнно, что это

условіе значительно содѣйствовало распространенію парового двигателя, но одно оно не могло вызвать этого изобрѣтенія. Вызвано оно было цѣлымъ рядомъ новыхъ, очень сложныхъ причинъ, и введеніе въ промышленность каменнаго угля сдѣлалось только косвенно рѣшающимъ факторомъ въ дѣлѣ примѣненія пара. Одна особенность каменноугольной промышленности въ Англіи дала какъ разъ то условіе, котораго недоставало двѣ тысячи лѣтъ въ группѣ условій, которыя необходимо должны были предшествовать появленію парового двигателя.

Недостающимъ условіемъ была потребность въ сравнительно простой машинѣ, къ которой могли бы быть примѣнимы основные принципы парового движенія. Изучая детально „Ракету“ Стефенсона, начинаешь понимать, что такой сложный механизмъ не могъ появиться на свѣтъ вдругъ, какъ бы ни нуждалось въ немъ человѣчество. Въ маленькой Англіи, имѣющей особенно влажную почву, каменный уголь, которымъ пришлось замѣнить переводимые лѣса, лежитъ въ глубокихъ бассейнахъ подъ известковымъ пластомъ, а не образуетъ, какъ, напримѣръ, въ Китаѣ или въ области Аллеганскихъ горъ, верхній слой, который можно разрабатывать, какъ и мѣловые пласты въ Англіи. Фактъ этотъ вызвалъ необходимость въ изобрѣтеніи какого-нибудь новаго насоса, и тутъ практические умы напали на возможность примѣненія пара, которымъ такъ долго пренебрегали. Вѣтеръ, при своемъ непостоянствѣ въ этомъ краю, представлялъ крайне неудобный двигатель при выка-

чиваніи воды изъ копей, да притомъ же невыгодный, такъ какъ рабочимъ приходилось по цѣлымъ недѣлямъ сидѣть у входа въ шахту, выжидая, когда поднимется вѣтеръ, или когда вода спадетъ. Впрочемъ, паровые насосы уже существовали въ Англіи въ одномъ или двухъ имѣніяхъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, хотя болѣе въ видѣ забавы, чѣмъ дѣла. Но уже и эти попытки сдѣлали очевидной необходимость прибѣгнуть къ пару¹. Савери, Ньюкоменъ и цѣлый рядъ другихъ работниковъ вплоть до Уатта, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ и дѣлая по временамъ новыя открытія, преобразовали игрушечный паровикъ въ настоящій, сдѣлали паровыя помпы предметомъ торговли, создали литейные заводы и новый родъ механики и такимъ образомъ почти безсознательно подготовили паровое передвиженіе. Наконецъ, послѣ того, какъ цѣлое столѣтіе прошло въ улучшеніи механическихъ помпъ, осталось только поставить усовершенствованную машину на колеса и пустить ее въ ходъ по бѣлому свѣту.

Въ XVIII вѣкѣ неоднократно дѣлались попытки пустить по дорогамъ паровозъ, но всѣ онѣ оканчивались неудачей. Такъ, еще въ 1769 г. на одной изъ большихъ дорогъ во Франціи появилось нѣчто въ родѣ ископаемаго чудовища. Но уже въ началѣ XIX вѣка задача была почти рѣшена. Въ 1804 г. Тревисикъ сдѣлалъ локомотивъ, безспорно способный двигаться. Въ началѣ онъ ходилъ медлен-

¹ То же самое было бы и въ Италіи еще въ первомъ вѣкѣ нашей эры, если бы не страсть римлянъ къ грандіознымъ сооруженіямъ, побуждавшая ихъ проводить акведуки.

но, но при Стефенсонѣ ходъ его все болѣе и болѣе ускорился. Эта машина называлась паровозомъ, но въ сущности была паровымъ насосомъ, приспособленнымъ къ новой цѣли. Въ ея первобытной стадіи къ вопросу о вѣсѣ относились безразлично и это повело къ послѣдствіямъ, сильно вредившимъ желѣзнодорожному движенію пассажировъ и транспортовъ; и въ настоящее время съ ними мирятся лишь потому, что вѣрятъ въ ихъ необходимость на практикѣ. Паровозъ, слишкомъ громоздкій для движенія по обыкновеннымъ дорогамъ, пришлось пустить по рельсамъ, и въ настоящее время паровая машина и желѣзная дорога такъ слились въ нашемъ представленіи и въ обиходной рѣчи, что подъ послѣдней подразумѣвается и первая. Однако въ сущности, если мы еще путешествуемъ по рельсамъ, то это лишь вслѣдствіе случайныхъ препятствій и устранимыхъ затрудненій. Это не болѣе какъ компромиссъ. Идеальнымъ средствомъ передвиженія былъ бы для пассажировъ легкій экипажъ, способный быстро ходить въ любомъ направленіи и съ желаемой быстротой по обыкновеннымъ дорогамъ и улицамъ и снабженный при надобности направляющими рельсами. Такая система передвиженія была бы гораздо предпочтительнѣе существующей и для перевозки всякаго сорта легко портящихся товаровъ. Вдобавокъ при этомъ существовала бы возможность постепеннаго усовершенствованія механическихъ экипажей, которое почти совсѣмъ остановилось, благодаря стереотипнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Можно было бы пускать по дорогамъ

машины любого образца безъ помѣхи для установленныхъ сообщеній. Если бы такой идеалъ имѣлся въ виду съ самаго начала, то теперь люди совершали бы дальнія путешествія, дѣлая по 70 и болѣе миль въ часъ, безъ пересадки, безъ ожиданій, безъ лишней траты денегъ и времени на переѣзды отъ дома или гостиницы до станціи. Достиженіе такого идеала было, по меньшей мѣрѣ, возможно для умнаго человѣка за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, если бы къ нему стремились рѣшительно, вмѣсто того, чтобы бросаться отъ компромисса къ компромиссу, какъ люди всегда дѣлали и, вѣроятно, будутъ дѣлать еще много вѣковъ.

Но былъ другой путь, яснѣе видимый и непосредственно болѣе дешевый, и вотъ этимъ-то путемъ и пошелъ близорукій прогрессъ XIX вѣка, не заботясь о возможности уткнуться въ стѣну. Первые паровозы, помимо своей традиціонной тяжести, были тяжелы и неуклюжи, какъ и вообще пробныя машины. Изобрѣтатели ихъ, какъ люди недостаточно вѣрующіе въ науку, вмѣсто того, чтобы добиться сначала легкости и гибкости движеній, поторопились поставить эти машины на рельсы коночнаго движенія, въ ту пору уже существовавшія, главнымъ образомъ, для перевозки тяжелыхъ кладей. Это обстоятельство привело къ очень любопытному результату.

Рельсы трамвая естественно имѣли ширину обыкновенной телѣги, т.-е. ширину, принаровленную къ силѣ одной лошади. Немногіе видѣли въ паровозѣ нѣчто большее, чѣмъ болѣе выгодный замѣнъ лошадиной силы; немногіе находили нелѣ-

пымъ принаравливаніе размѣровъ машины къ размѣрамъ лошади. Никого не удивляло, что пассажиры набиваются въ вагоны, какъ сельди въ боченокъ. Въдѣ точно также напихивались они и въ мальпосты, и люди сочли бы утопіей — самую страшную вещью для нашихъ дѣдовъ, если бы имъ предложили путешествовать, не тѣсясь. Указанная мѣра телѣги, 4 фута 8 $\frac{1}{2}$ дюймовъ, установилась въ цѣломъ мірѣ, ограничивая и комфортъ, и силу, и быстроту. Можно сказать, что передъ каждымъ паровозомъ бѣжитъ тѣнь замѣненной имъ лошади, рѣшительно отказываясь пробѣгать болѣе 50 миль въ часъ, пугаясь и грозя катастрофой на каждомъ поворотѣ. Эти 50 миль въ часъ составляютъ, по мнѣнію большинства компетентныхъ лицъ, предѣльную скорость желѣзнодорожнаго движенія при существующихъ условіяхъ. Для повышенія ея нужно или перестроить всѣ рельсовые пути, или же придумать какой-нибудь новый способъ передвиженія.

Мы смотримъ на желѣзныя дороги, какъ на нѣчто, столь же неизмѣнное, какъ море и небо. Мы родились въ желѣзнодорожномъ мірѣ и рассчитываемъ и умереть въ немъ. Но если бы люди могли отдѣлаться отъ самаго ослѣпляющаго изъ вліяній, — отъ вліянія привычки, они ясно увидѣли бы, что наша обширная желѣзнодорожная система, связывающая всѣ части міра, есть въ сущности система конокъ и мальпостовъ, только влекомыхъ по рельсамъ паровыми насосами на колесахъ. Несмотря на огромную распространенность этой системы, едва ли можно предположить, что она оста-

нется господствующей хотя бы еще одно столѣтіе.

Однако въ желѣзныя дороги современнаго типа вложены такіе колоссальныя капиталы, и народы такъ привыкли къ этому типу, что едва ли въ немъ произойдетъ когда-нибудь коренная перемѣна въ смыслѣ увеличенія скорости хода и легкости управленія, если не явится сильный конкуррентъ этому типу. Но, спрашивается, много ли времени пройдетъ, прежде чѣмъ этотъ конкуррентъ вступитъ въ дѣйствіе, если онъ когда-нибудь и явится?

Посмотримъ, не представляется ли возможнымъ какой-нибудь другой способъ передвиженія. Вернемся къ предначертанному нами идеалу и посмотримъ, какія препятствія стоятъ на пути къ его осуществленію. Безчисленные опыты съ автомобилями, производимые въ настоящее время, такъ возбуждаютъ воображеніе и такъ много людей трудятся надъ ихъ усовершенствованіемъ, что не вѣрится, чтобы неудобства этихъ экипажей—ихъ толчки, неуклюжесть и во многихъ случаяхъ оставляемый ими за собой непріятный запахъ—не могли быть вскорѣ устранены ¹.

¹ Въ настоящее время въ этихъ машинахъ употребляются взрывчатые вещества, соединенія газа съ нефтью, но пока этого рода двигатель еще не вышелъ изъ стадіи опытовъ. Впрочемъ опыты направлены болѣе къ цѣлямъ войны, къ усиленію дѣйствія оружія, чѣмъ къ примѣненію въ механикѣ. Между тѣмъ легко переносимые вещества, разлагаемые воздухомъ или водой, и развивающія надлежащую энергію въ формѣ ли послѣдовательныхъ толчковъ или электрическаго тока, были бы гораздо удобнѣе, чѣмъ громоздкіе котлы или ящики. Многіе уже скло-

Разъ это будетъ достигнуто, разъ явятся легкія и сильныя машины, имѣющія мягкій, сравнительно безшумный ходъ, и не оскорбляющія чувства обонянія, занимающая насъ задача быстро подвинется къ рѣшенію. Посмотримъ, въ какомъ направленіи должно послѣдовать развитіе новѣйшихъ моторовъ. Какое вліяніе будетъ оно имѣть на желѣзнодорожное движеніе, и къ чему должно привести въ концѣ-концовъ.

Пока оно обѣщаетъ развитіе въ трехъ различныхъ направленіяхъ.

Прежде всего войдетъ въ употребленіе моторная платформа для тяжелой клади. Такія платформы уже появились и развозятъ товары и тюки. Не подлежитъ сомнѣнію, что удобства этой системы приведутъ раньше или позже къ организаціи обширныхъ перевозочныхъ компаній, которыя будутъ развозить клади на такихъ моторахъ по всѣмъ большимъ дорогамъ. Для такихъ компаній будетъ удобно, съ одной стороны, устраивать магазины и ремонтные пункты для моторовъ, которыми публика будетъ пользоваться на обоюдывыгодныхъ условіяхъ; съ другой, содѣйствовать различными способами издѣлію автомобилей того или другого типа. Параллельно съ моторной платформой будутъ входить въ употребленіе наемные и частные автомобили. Они прибавятъ ко всѣмъ другимъ мелкимъ удобствамъ первоклассныхъ пассажировъ желѣзныхъ дорогъ еще и пріятное

няются въ пользу этой системы, а разъ, что будетъ доказана ея возможность, вѣку пара и каменнаго угля наступитъ конецъ.

чувство личной независимости, за исключеніемъ очень далекихъ путешествій. На автомобиляхъ можно будетъ дѣлать до 300 и болѣе миль въ день задолго до того времени, когда они достигнутъ такого совершенства, какое пока можно только предугадывать. Они не потребуютъ остановокъ на станціяхъ для запаса топливомъ; мѣнять въ нихъ придется развѣ только машиниста. Пассажиръ будетъ обѣдать гдѣ и когда ему вздумается; спѣшить, если ему это нужно; спать или бодрствовать; выходить изъ экипажа, чтобы рвать цвѣты; останавливаться, чтобы ночевать въ постели, если онъ не предпочтетъ спать въ экипажѣ ¹.

¹ XIX вѣкъ принято называть „вѣкомъ демократическимъ“, и можно подумать, что подъ этимъ названіемъ подразумѣвается противоположность вѣкамъ аристократическимъ. Но это не такъ. Люди, эволюціонируя въ глубь заблужденій, стали употреблять терминъ „демократія“ въ смыслѣ стадности въ противоположность „личности“. Благодаря этому, старая „аристократія“ т.-е. общественная организація, направленная къ прославленію и обереганію отдѣльныхъ лицъ, представляется сравнительно какъ бы свободой. Будущій историкъ, называя XIX вѣкъ вѣкомъ „демократическимъ“, будетъ подразумѣвать подъ этимъ терминомъ тотъ безпримѣрный фактъ, что люди все дѣлали стадно: читали эпидемически однѣ и тѣ же книги, въ одеждѣ слѣдовали одной и той же модѣ, строили и меблировали свои дома по одному и тому же шаблону. Символомъ этого вѣка будетъ служить желѣзнодорожный вагонъ 3-го класса, переполненный людьми, изъ которыхъ иные стоятъ и всѣ читаютъ наиболѣе распространенную газету... Но я надѣюсь показать въ дальнѣйшихъ главахъ, что этотъ „демократическій“ или стадный способъ жизни есть только переходная ступень къ лучшей общественной организаціи .

Дальнѣйшею ступенью будетъ появленіе моторнаго омнибуса и образованіе компаній для эксплуатаціи городскихъ и подгородныхъ сообщеній. Все это можно уже теперь смѣло предсказывать. Слѣдующая фаза развитія этихъ новыхъ средствъ сообщеній будетъ состоять въ разработкѣ различныхъ техническихъ задачъ. Моторныя компаніи, вступивъ въ конкуренцію съ подгородными желѣзными дорогами и встрѣтивъ препятствія для быстрой ѣзды своихъ экипажей въ болѣе медленномъ кончномъ сообщеніи, вѣроятно добьются, хотя и не безъ борьбы въ законодательныхъ сферахъ, права строить частныя дороги новаго образца, по которымъ экипажи ихъ получатъ возможность развивать свою наибольшую быстроту. Тогда эти частныя дороги несомнѣнно сдѣлаются путями торговаго обмѣна. Весьма вѣроятно, что обособленіе моторныхъ дорогъ отъ кончныхъ и пѣшеходныхъ начнется еще въ текущемъ десятилѣтіи и, разъ начавшись, конечно, пойдетъ быстро. Компаніи моторныхъ сообщеній, конкурируя въ быстротѣ доставки съ желѣзнодорожными ускоренными поѣздами, вѣроятно вступятъ въ кооперацію съ компаніями подгородныхъ омнибусовъ и наемныхъ экипажей для проведенія главныхъ линій моторнаго движенія. Почти незамѣтно состоится въ высшей степени выгодное соединеніе болѣе длинныхъ путей, какъ напримѣръ, изъ Лондона въ Брайтонъ. Пока въ отсталой Англіи все это еще будетъ происходить въ видѣ исключеній и опытовъ, мирный англійскій гражданинъ съ удивленіемъ прочтетъ въ одинъ

прекрасный день, въ какомъ-нибудь иллюстрированномъ журналѣ 1910 г., что въ Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ уже имѣются налицо многія тысячи миль моторныхъ дорогъ. И тогда, послѣ патріотическаго размышленія, онъ, быть можетъ, стряхнетъ съ себя свою апатію.

Рискнемъ вдаться въ нѣкоторыя подробности этихъ новыхъ путей. Они будутъ совсѣмъ несхожи съ макадамами; ходить по нимъ будутъ только легкіе экипажи; ни лошадиныхъ копытъ, ни лошадиного навоза, ни неуклюжихъ колесъ груженыхъ телѣгъ, ничего этого на нихъ не будетъ и слѣда. Возможно, что поверхность ихъ будетъ подобна трекамъ для велосипедныхъ состязаній, хотя въ виду дѣйствія вѣтра и дождя, вѣроятно же, что эти дороги будутъ строиться изъ хорошаго асфальта съ легкимъ наклономъ для стока воды, или же для мощенія будетъ употребляться какое-нибудь совсѣмъ новое вещество, твердое или смолистое. Дороги эти будутъ очень широки и, если бы первыя оказались слишкомъ узкими, то, за отсутствіемъ всякой указной мѣры, въ послѣдующихъ этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ.

Передвиженія по нимъ въ противоположныхъ направленіяхъ будутъ, вѣроятно, точно разграничены, но, конечно, и тутъ окажутся неизбежными обычныя нарушенія сложныхъ и неудобовыполнимыхъ правилъ, предписываемыхъ въ интересахъ желѣзныхъ дорогъ такими официальными учрежденіями, какъ департаментъ торговли. Устроители, безъ сомнѣнія, будутъ принимать во вниманіе окрестныя желѣзнодорожныя сообщенія и возмож-

ныя затрудненія со стороны городской полиціи; пересѣченіе существующихъ путей сообщенія будетъ устроено не на уровнѣ ихъ, а при помощи мостовъ. Понятно, что какъ скоро явятся подобныя дороги, ими свободно будутъ пользоваться для ѣзды на велосипедахъ и автомобиляхъ всякаго сорта, а не только на тѣхъ, которые будутъ принадлежать компаніи, строившей дорогу. Съ проведеніемъ этихъ дорогъ, получится возможность дѣлать опыты съ повозками, далеко превосходящими ширину обыкновенныхъ дорогъ, опредѣляемую размѣрами повозки, которую въ состояніи тащить лошадь.

Множество разнообразныхъ обстоятельствъ будетъ, конечно, вліять на это дѣло. Предполагаютъ, напримѣръ, можетъ быть опрометчиво, — что желѣзнодорожныя управленія будутъ враждебно относиться къ этимъ новшествамъ, и постараются, чтобы повсюду была примѣнена система выдачи билетовъ на право ѣзды на велосипедѣ. Конечно, въ первое время слѣдуетъ ожидать большихъ усложненій при такомъ столкновеніи интересовъ, но какъ скоро одна изъ этихъ новыхъ линій сообщенія начнетъ функціонировать, возможно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ желѣзнодорожныхъ компаній не замедлятъ замѣнить колеса вагоновъ, снабженные ребордами, колесами съ резиновыми шинами; уберутъ рельсы, расширятъ выемки и насыпи, поднимутъ мосты и вообще перейдутъ къ новой системѣ передвиженія. Или же, онѣ найдутъ возможнымъ уменьшить плату за проѣздъ, увеличить ширину пути, умень-

шить уклонъ, измѣнить стрѣлки и закругленія и привлекать пассажировъ посредствомъ великолѣпно устроенныхъ и пышно обставленныхъ вагоновъ,—вообще роскошью и удобствами клуба. Для многихъ будетъ безразлично ѣхать изъ Парижа въ Лондонъ часомъ или двумя далѣе, если путешествіе по желѣзной дорогѣ, не только не безпокойно, но и не скучно. Можно быть достаточно терпѣливымъ въ дорогѣ, если не испытывать качки, не слышать шума, не подвергаться дѣйствію сквозного вѣтра и не покрываться густымъ слоемъ грязной угольной пыли; если есть возможность безпрепятственно писать за удобнымъ столомъ, читать газеты, пользоваться услугами парикмахера, обѣдать съ комфортомъ. Ни одно изъ названныхъ удобствъ не возможно въ настоящее время, хотя ни одно изъ нихъ не требуетъ какихъ-нибудь новыхъ изобрѣтеній, коренныхъ переворотовъ или чего-нибудь, кромѣ разумнаго примѣненія существующихъ средствъ и извѣстныхъ принциповъ. Наша страсть къ скорымъ поѣздамъ, въ особенности при дальнихъ путешествіяхъ, въ значительной степени зависитъ отъ неудобствъ, испытываемыхъ во время пути. При ежедневныхъ путешествіяхъ въ городскихъ поѣздахъ наименьшая трата времени, зависящая отъ скорости передвиженія, наиболѣе желательна; а какъ разъ здѣсь-то условія для достиженія этого совершенно неблагоприятны. Не должно забывать, что желѣзныя дороги имѣютъ то преимущество передъ автомобилями, что движеніе по нимъ производится оптомъ, т.-е. требуется одна машина

для большого числа вагоновъ, чѣмъ сокращаются расходы по движенію. Это обстоятельство не можетъ увеличить удобствъ пассажировъ I класса, но очень важно для пассажировъ III класса. Впрочемъ, сокращеніе расходовъ при желѣзнодорожномъ сообщеніи уравнивается неизбѣжными замедленіями сравнительно не довольно частыхъ отправленій и эта компенсація возрастаетъ съ теченіемъ времени тѣмъ больше, чѣмъ короче совершаемые переѣзды. Возможно, что многія желѣзнодорожныя компаніи, не будучи въ состояніи передѣлать свои дороги въ моторныя, или предоставить пассажирамъ желаемыя удобства и роскошь, найдутъ все-таки выгоднымъ, несмотря на потерю многихъ преимуществъ прежней дѣятельности, заниматься перевозкой грузовъ изъ извѣстныхъ пунктовъ и удешевить пассажирскій тарифъ. Къ этому назначенію желѣзныя дороги наиболѣе пригодны, а сокращеніе пассажирскаго движенія приспособило бы ихъ къ нему еще болѣе. Трудно себѣ представить, чтобы какія бы то ни было дороги могли конкурировать съ желѣзными въ перевозкѣ угля, лѣса и тому подобныхъ матеріаловъ, которые забираются прямо отъ шахты или пристани, и оптомъ доставляются къ мѣстнымъ центрамъ распредѣленія.

Во всякомъ случаѣ даже удачная конкуренція съ такой могучей организаціей, какъ желѣзнодорожная, можетъ вызвать исчезновеніе этихъ дорогъ не ранѣе, какъ черезъ значительный промежутокъ времени. Первое время будетъ періодомъ только преобразованія и приспособленія. Предва-

нительно извѣстная часть богатства, представляемаго желѣзнодорожною собственностью, должна исчезнуть безвозвратно. Но хотя въ силу успѣшной конкуренціи капитальная цѣнность желѣзныхъ дорогъ, несомнѣнно, упадетъ и будетъ продолжать падать до размѣра, еле покрывающаго расходы по эксплуатаціи, а земли подъ желѣзнодорожными сооруженіями въ смыслѣ доходности снизойдутъ до степени неособенно выгодныхъ площадей для построекъ, тѣмъ не менѣе желѣзныя дороги, вѣроятно, будутъ дѣйствовать до послѣдней возможности. Пылкому воображенію можетъ представиться такая картина умиранія какой-нибудь желѣзнодорожной линіи, находящейся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ: по заросшей травой насыпи идетъ, пыхтя и громыхая, машина, потускнѣвшая, съ облупившейся и вспучившейся пузырями краской, какъ бы въ заплаткахъ... Управляетъ ею старый, усталый машинистъ. Черезъ трубу выдѣляется въ воздухъ удушливый дымъ, производимый сожиганіемъ отбросовъ топлива въ топкѣ. Позади тянется огромный поѣздъ, нагруженный всякимъ городскимъ хламомъ, который везутъ къ какому-нибудь отдаленному мѣсту, гдѣ онъ выгружается и сожигается для извѣстныхъ техническихъ цѣлей. Но мы рисуемъ эту трагическую картину лишь какъ нѣчто возможное.

Почти навѣрное можно предсказать, что существующія желѣзныя дороги будутъ развиваться и измѣняться въ томъ или иномъ направленіи, въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыя будутъ вліять на нихъ. Вѣроятно и черезъ сто лѣтъ еще

желѣзнодорожныя линіи будутъ существовать и выполнять различнаго рода функціи, несмотря на множество дорогъ новой системы, появленіе которыхъ я предсказываю. На самомъ дѣлѣ мы должны имѣть въ виду не столько окончательное вытѣсненіе желѣзныхъ дорогъ, сколько ихъ измѣненія и специализацію въ различныхъ направленіяхъ, а также и необычайное развитіе конкурирующихъ съ ними дополнительныхъ способовъ передвиженія. Рядомъ съ этимъ будетъ развиваться и скорость паромныхъ сообщеній по внутреннимъ морямъ при помощи улучшеній турбинныхъ машинъ.

Всѣ наши соображенія относились пока лишь къ большимъ дорогамъ и къ дальнимъ разстояніямъ. Но, разбирая всѣ вопросы, касающіеся сухопутнаго передвиженія, мы должны будемъ, наконецъ, придти къ узловымъ пунктамъ сѣти линій сообщеній—къ центральнымъ частямъ городовъ, густо заселенныхъ, огромныхъ современныхъ городовъ съ ихъ тѣсными, уже почти непроходимыми улицами и высокою стоимостью земли.

Впослѣдствіи я надѣюсь дать нѣкоторыя основанія для предсказанія, что центростремительная сила по отношенію къ городамъ нашего времени можетъ быть въ концѣ-концовъ весьма ослаблена; но въ теченіе, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ десятилѣтій существующія условія будутъ преобладать, ибо въ каждомъ городѣ есть очагъ человѣческой дѣятельности, гдѣ скопляются конторы, гостиницы и магазины, и относительно этого очага центробѣжная сила, которую я предсказываю, ко-

нечно, не будетъ имѣть мѣста. Въ настоящее время улицы многихъ большихъ городовъ, особенно такихъ старинныхъ, какъ въ Лондонѣ, въ центральной части наиболѣе узки и чрезвычайно людны. Будущій историкъ англійскаго народа, обозрѣвая наше время съ своей точки зрѣнія благоустройства и комфорта, найдетъ нынѣшнія улицы Лондона едва ли даже не болѣе отвратительными, чѣмъ какими кажутся нашему просвѣщенному уму грязныя норы и темныя, узкія улицы семнадцатаго столѣтія. И безъ сомнѣнія историкъ задастъ себѣ тотъ же вопросъ, который и мы задаемъ: какъ могли люди выносить это? Его сразу поразитъ повсемѣстное присутствіе грязи, мѣсимой лошадиными копытами и колесами въ дождливую погоду и постоянно подбавляемой безчисленными лошадьми. Вообразите себѣ его описаніе перехода черезъ улицу молоденькой барышни около Мраморной арки въ Лондонѣ въ дождливый сентябрьскій день. „Запыхавшись, въ мокрыхъ ботинкахъ, обрызгиваемая съ ногъ до головы грязью несущихся экипажей, она спѣшитъ добратся до тротуара, и счастье ея, если доберется, поплатившись только одеждой!..“ „Именно тамъ,—напишетъ онъ,—гдѣ велосипедъ могъ доставлять здоровое физическое упражненіе на открытомъ воздухѣ безчисленнымъ клеркамъ и прочему люду, занятому въ центральной части города и ведущему сидячую жизнь,—именно тамъ пользованіе имъ было невозможно вслѣдствіе опасности поскользнуться въ этой неистовой толчѣ“. И дѣйствительно, что можетъ быть нелѣпѣе настоящаго положенія дѣлъ,

когда клерки и приказчики, классы, буквально лишены всякаго физическаго упражненія, обязаны тратить ежегодно сумму стоимости велосипеда на сезонные желѣзнодорожные билеты вслѣдствіе неудобствъ и опасности велосипедной ѣзды въ городѣ?

Въ какую же сторону долженъ прежде всего направиться прогрессъ? Первою и очевиднѣйшею надобностью, которой и теперь пытаются отвѣчать, только слишкомъ недостаточными мѣрами, явится расширеніе существующихъ улицъ и проведеніе новыхъ артерій. Но каждая новая артерія создаетъ новые „водовороты“, что всякій наблюдательный лондонскій житель можетъ самъ изучить, напри-мѣръ, на перекресткѣ Thafisbury Avenue и Oxford Street'a, и если не будутъ устроены высокіе и не слишкомъ крутые поперечные мосты, то чѣмъ больше будетъ скрещивающихся новыхъ улицъ, тѣмъ ужаснѣе водовороты. Представьте себѣ на мѣстѣ парижской площади Согласія лондонскій Regent-Circus! При этомъ нужно еще принять въ расчетъ цѣнность земли. Всякое расширеніе путей сообщенія поднимаетъ цѣнность урѣзанныхъ клочковъ земли въ петляхъ этой сѣти. Дошло бы до того, что даже мощеніе улицъ золотомъ оказалось бы неважною надбавкой къ стоимости такихъ „улучшеній“.

Есть, впрочемъ, другой способъ облегчить переполненіе улицъ: это урегулированіе движенія. Въ Лондонѣ къ нему уже начали прибѣгать, въ видѣ попытокъ воспретить ползаніе по улицѣ свободныхъ кэбовъ. Кромѣ того, въ лондонскій город-

ской совѣтъ внесена дополнительная статья къ городскому уложенію, воспреещающая движеніе тяжелыхъ экипажей по городскимъ улицамъ съ десяти часовъ утра до семи вечера.

Эти первые шаги могутъ сдѣлаться началомъ ограниченій, которыя пойдутъ далеко. Многіе изъ нашихъ современниковъ, выросшихъ среди исключительныхъ и вѣроятно временныхъ условій нашего времени, конечно, считаютъ движеніе экипажей по улицамъ большихъ городовъ входящимъ въ естественный порядокъ вещей и столь же неизбѣжнымъ, какъ тѣснота на тротуарахъ. А въ дѣйствительности всѣ главные элементы въ этомъ потокѣ экипажей—кэбы, кабріолеты, телѣги, омнибусы и пр., за исключеніемъ частныхъ экипажей,—суть отличительныя черты XIX вѣка, точно такъ же, какъ желѣзная дорога и телеграфъ. Улицы большихъ городовъ древности и среднихъ вѣковъ, какъ и улицы на востокѣ, предназначались не для коннаго движенія, а главнымъ образомъ для пѣшеходовъ. Такъ будетъ, я думаю, и въ каждомъ идеальномъ городѣ. Въ теоріи, по крайней мѣрѣ, городъ есть мѣсто, гдѣ люди прогуливаются, какъ около своего дома или въ своемъ саду, только одѣваясь понаряднѣе. На улицахъ, если не грязно и не дурная погода, люди дѣлаютъ покупки, назначаютъ свиданія, обѣдаютъ, бражничаютъ, учатся, смотрятъ зрѣлища. Только большое расширеніе городовъ сдѣлало необходимой ѣзду экипажей, такъ изгадившую улицы.

Но по зрѣломъ размысленіи нельзя не признать, что, за исключеніемъ грузового движенія,

эти движущіяся массы экипажей пока существенно необходимы въ такихъ большихъ городахъ, какъ, напримѣръ, Лондонъ. Всѣ эти кэбы и омнибусы, сокращающіе путь, представляютъ въ сущности приспособленіе конныхъ сообщеній по большимъ дорогамъ къ нуждамъ города. Кэбу служила прототипомъ карета, омнибусу—мальпость, а подземныя и электрическія желѣзныя дороги являются неособенно хитро придуманнымъ приспособленіемъ къ городу большихъ рельсовыхъ путей. Все это пока еще вещи новыя, экспериментальныя, измѣняющіяся и долженствующія измѣниться еще болѣе въ наступающемъ періодѣ спеціализаціи.

Вѣроятно ближайшимъ шагомъ впередъ будетъ измѣненіе формы омнибуса и вагона-трамвая. Въ этихъ способахъ сообщеній частыя отправленія представляютъ такую же важность, какъ и быстрота хода. Сколько времени тратится теперь на скучное ожиданіе и на приспособленіе своихъ приготовленій къ недовольно частому отходу и приходу поѣздовъ.

Чѣмъ чаще мѣстное обслуживаніе желѣзной дорогой, тѣмъ вѣрнѣе можно полагаться на него.

Другой важный пунктъ, закрѣпляющій за омнибусомъ большое преимущество передъ желѣзной дорогой,—это возможность входить и сходить въ любомъ мѣстѣ, или на возможно большемъ числѣ пунктовъ; но это требуетъ остановокъ и потому вредитъ быстротѣ. Есть однако одинъ способъ городского передвиженія, не только быстрый, но и непрерывный: это движущаяся платформа, опытъ съ которой былъ сдѣланъ въ каррикатурѣ во вре-

мя послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ. Такая платформа позволяетъ входить или сходить безъ остановки на любомъ пунктѣ и можетъ быть приспособлена ко многимъ нынѣшнимъ улицамъ. Она можетъ быть также поднята надъ улицей или же спущена въ туннель. Представимъ себѣ подземную поясную желѣзную дорогу, приспособленную къ такому плану. Предполагается, что читатель знакомъ съ устройствомъ парижской подвижной мостовой. Поясной желѣзнодорожный туннель имѣетъ, скажемъ, 24 фута ширины. Если предположить, что шесть подвижныхъ платформъ занимаютъ пространство въ три фута ширины и одна (самая быстроходная) въ шесть футовъ и если каждая платформа движется на четыре мили въ часъ быстрѣе нижней (сдѣланный въ Парижѣ опытъ доказалъ, что такая быстрота вполне удобна и безопасна), то верхняя платформа обойдетъ кругъ съ быстротой 28 миль въ часъ. Охотникъ до путешествій, представивъ себѣ этотъ темный, наполненный запахомъ сѣры туннель провѣтреннымъ, очищеннымъ и освѣщеннымъ, съ платформой, идущей гораздо быстрѣе нынѣшнихъ подземныхъ поѣздовъ и обставленной удобною мебелью, станками съ книгами и пр., пожалуй пожалѣетъ, что онъ живетъ въ наше время, а не тридцатью или сорока годами позже.

Я предположилъ устройство движущейся мостовой въ туннелѣ лондонской поясной желѣзной дороги, потому что этотъ туннель уже существуетъ и для англійскаго читателя этотъ примѣръ нагляднѣе; но въ Лондонѣ выполненіе такого плана

едва ли возможно, потому что къ лондонской подземной дорогѣ примыкаетъ много другихъ рельсовыхъ линій, какъ, напримѣръ, сѣверо-западная. Гораздо практичнѣе было бы, какъ пойметъ всякій американецъ, устроить движущіяся платформы надъ улицами, какъ устраиваются виадуки воздушныхъ желѣзныхъ дорогъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ устройство туннелей на значительной глубинѣ оказалось бы болѣе удобнымъ и дешевымъ.

Будетъ ли это отвлеченіе широкаго движенія омнибусовъ на воздухъ и подъ землю и отведеніе спеціальныхъ дорогъ и часовъ для грузового движенія единственною перемѣной въ наружномъ видѣ улицъ будущаго вѣка? Я долженъ признать, рискуя удивить многихъ, что я считаю продолженіе процесса, начавшагося *исключеніемъ* грузового движенія на лондонскихъ улицахъ, неизбежнымъ и обѣщающимъ въ будущемъ полное исчезновеніе на нихъ лошадиныхъ копытъ и лошадинаго навоза. Тогда улицы, лучше дренированныя и прекрасно приспособленныя для ѣзды легкихъ наемныхъ автомобилей и цѣлаго потока велосипедовъ, примутъ совсѣмъ новый видъ. Надъ тротуарами, вѣроятно, будутъ устроены зонты для защиты пѣшеходовъ отъ дождя и зноя или такія арки, какъ въ Туринѣ. Мало того, ничто, кромѣ нынѣшней грязи, не мѣшаетъ устраивать прозрачныя *velaria*, которыя выдвигались бы надъ улицами въ дождь или зной. По всей вѣроятности, это было бы сопряжено съ меньшими затрудненіями, чѣмъ настоящая постоянная борьба съ грязью и

пылью. Съ дождемъ приходится мириться, только пока онъ облегчаетъ нѣкоторое очищеніе улицъ...

Однако, довольно объ этомъ предметѣ. Я показалъ въ общихъ чертахъ, какія будутъ въ XX вѣкѣ улицы и дороги, надземныя и подземныя, но рисовать болѣе реальную картину этихъ улицъ пока откладываю¹. Предварительно нужно ознакомиться не только съ интересами людей будущаго, съ ихъ характеромъ и занятіями, съ будущей одеждой нашихъ дѣтей и внуковъ, которые станутъ толпиться на этихъ улицахъ но и съ украшеніями, вывѣсками и объявленіями, которыя будутъ отвѣчать ихъ вкусамъ, съ магазинами, въ которыхъ они будутъ дѣлать закупки. Ко всему этому мы еще придемъ; въ слѣдующей главѣ я надѣюсь доказать, что ко всѣмъ этимъ болѣе интимнымъ подробностямъ будущей общественной жизни удобнѣе перейти, ознакомившись предварительно съ вѣроятными механическими усовершенствованіями.

¹ Говоря въ этой главѣ о средствахъ передвиженія, я умолчалъ о будущемъ изобрѣтеніи летающей машины. Но я сдѣлалъ это не по невѣрію въ возможность такого изобрѣтенія и не потому, что упустилъ изъ виду его будущее вліяніе на судьбу человѣчества. Я не считаю только вѣроятнымъ, что воздухоплаваніе способно вызвать существенныя перемѣны въ системѣ транспортовъ и сообщеній, о которой шла главнымъ образомъ рѣчь въ этой главѣ. Человѣкъ—не пингвинъ, а земное двуногое, весьма склонное утомляться и заболѣвать отъ чрезмѣрнаго движенія; и сколько бы онъ ни воспарялъ въ мечтахъ, а жить все-таки долженъ на землѣ. Мы должны строить наше зданіе будущаго снизу вверхъ, о летаніи же по воздуху будетъ рѣчь въ свое время.

Впослѣдствіи мы рискнемъ высказать наши предположенія и относительно вѣрованій и надеждъ, образа мысли и рѣчи еще не родившагося общества, а равно и дальнѣйшаго будущаго, которое ожидаетъ его. Но сперва напомнимъ тѣмъ, кто найдетъ, быть можетъ, „пущенную въ ходъ“ механику въ этой главѣ слишкомъ пространной, что прежде, чѣмъ играть пьесу, нужно построить сцену и обставить ее декораціями.

II

ВЪРОЯТНОЕ РАСШИРЕНІЕ БОЛЬШИХЪ ГОРОДОВЪ

Быстрота передвиженія человѣка и его вещей по земному шару сама по себѣ не представляетъ большой важности, но съ нею связаны нѣкоторыя другія условія, имѣющія почти основное значеніе для человѣческаго общества. Мы посвятимъ эту главу выясненію связи между общественнымъ порядкомъ и существующими средствами сообщенія и попытаемся вывести изъ выясненныхъ началъ грядущія фазы необычайнаго распространенія, смѣшенія и внутренняго распредѣленія населеній въ послѣднее столѣтіе.

Въ общемъ характерными чертами XIX вѣка можно считать необыкновенный ростъ большихъ городовъ и опустѣніе деревень. Такое разростаніе городовъ, такія скопленія людей въ одномъ мѣстѣ, доходящія до 4 и 5 милліоновъ душъ, безпримѣрны внѣ предѣловъ Китайской имперіи. Ни одинъ городъ внѣ долинъ при трехъ главныхъ китайскихъ рѣкахъ, за исключеніемъ Рима и, пожалуй, Вавилона (что, впрочемъ, сомнительно), никогда не насчитывалъ въ прежнія времена выше одного милліона жителей. Позволительно сомнѣваться, что и населеніе Рима превышало про-

должительное время одинъ миллионъ, хотя оно и брало дань пищевыми продуктами со всего бассейна Средиземнаго моря. Теперь же въ десяти городахъ цифра населенія перевалила за миллионъ; еще 20 городовъ обѣщаютъ достигъ этой цифры въ слѣдующее десятилѣтіе и множество другихъ разрослись до четверти миллиона или около того. Мы продолжаемъ называть эти центры городами, но въ сущности они представляютъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ города XVIII вѣка. Параллельно скопленію людей въ этихъ центрахъ шло, какъ увѣряютъ, опустѣніе деревень и мелкихъ городовъ. Но статистика показываетъ, что опустѣніе далеко не такъ замѣтно, какъ ростъ большихъ городовъ, хотя относительно и оно довольно замѣтно.

Но является ли, дѣйствительно, какъ иные увѣряютъ, это разрастаніе большихъ городовъ результатомъ развитія желѣзнодорожныхъ сообщеній или это просто результатъ совпавшей съ нимъ перемѣны обстоятельствъ? Довольно бросить общій взглядъ на условія распредѣленія народонаселенія, чтобы убѣдиться въ вѣроятности перваго предположенія; а это наводитъ въ общемъ на такое заключеніе: *распредѣленіе населенія по странъ всегда непосредственно зависитъ отъ болѣе или менѣе удобныхъ сообщеній*. Чтобы иллюстрировать этотъ примѣръ въ общихъ чертахъ, представимъ себѣ обыкновенную общину и вникнемъ въ ея жизнь. Возьмемъ для примѣра пахотный клочокъ земли, населенный народомъ, достигшимъ извѣстнаго уровня земледѣльской цивилизаціи, не подверженнымъ болѣе постояннымъ непріятель-

скимъ нашествіямъ и разселеннымъ семьями или группами на большомъ пространствѣ. Эти люди могли бы и продолжать такъ жить, если бы даже самый примитивный земледѣльческій народъ не находилъ интереса въ торговлѣ. Какой-нибудь пунктъ представляетъ наиболѣе удобствъ для мѣстной торговли, и на этомъ пунктѣ зарождается городъ. Вначалѣ это не болѣе, какъ мѣсто сходовъ, рыночная площадь, гдѣ неизбѣжно появляются гостиница и кузница, иногда и молельня, а если народъ имѣетъ письменность, то и школа. Въ такомъ центрѣ должна находиться подъ рукой вода и къ нему долженъ быть легкій доступъ для окрестныхъ фермеровъ.

Если же разстояніе отъ какой-нибудь фермы превышаетъ извѣстную норму и фермеру неудобно возить туда свои продукты и совершать тамъ свои торговые операціи, то онъ предпочитаетъ избрать какой-нибудь ближайшій пунктъ для торговаго обмѣна и для болтовни съ сосѣдями или, за недостаткомъ такового, сидитъ дома. Изъ этого слѣдуетъ, что между подобными центрами должно быть опредѣленное разстояніе. Въ Англіи, гдѣ долгіе вѣка существовали только конныя сообщенія, между провинціальными городами установилось, соотвѣтственно удобству дорогъ, разстояніе отъ 8 до 15 миль; жители же безлошадные, рабы, или сельскіе батраки и батрачки ограничивались торговымъ обмѣномъ въ промежуточныхъ деревняхъ. Если же случалось, что торговые пункты возникали ближе показаннаго разстоянія одинъ къ другому, то они вступали въ конкуренцію и

въ концѣ-концовъ тотъ или другой поглощаль конкурента. Такимъ образомъ распредѣленіе торговыхъ центровъ въ Англіи мѣстами замѣчательно однообразно. Въ земледѣльческихъ округахъ города находятся на разстояніи около 8 миль одинъ отъ другого, а въ луговыхъ оно достигаетъ до 15 миль ¹.

Такимъ образомъ мѣстоположеніе городовъ и селъ всецѣло зависѣло отъ средней нормы коннаго или пѣшаго пути въ оба конца. Третьимъ, почти рѣшающимъ факторомъ въ распредѣленіи городовъ до существованія желѣзныхъ дорогъ была близость морскаго порта или судоходной рѣки. Разростаніе портовъ зависѣло какъ отъ доступности береговъ, такъ и отъ численности прибрежнаго населенія, и отъ качества и количества добываемыхъ имъ продуктовъ. По близости къ портамъ, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, возникли промышленные города до-желѣзнодорожной эпохи, въ которыхъ процвѣталъ тотъ родъ промышленности, какой вызывался мѣстными продуктами. Въ эпоху войнъ, когда грозила постоянная опасность непріятельскаго нападенія, города лежа-

¹ Здѣсь подразумѣваются города, представляющіе ясно опредѣленные границы населенія, *зависяшія отъ минимума годовой производительности района, которому они служатъ центромъ*. Если они переступаютъ эту границу, то голодъ и слѣдующее за нимъ физическое ослабленіе вызываютъ усиленную смертность, которая уравнивается потомъ естественнымъ стремленіемъ человѣчества къ размноженію. Граница расширилась бы съ повышеніемъ умственнаго развитія населенія и при болѣе законченной организаціи городовъ.

ли въ однодневномъ разстояніи отъ берега, а по минованіи опасности разрослись до самаго берега. Торговые приморскіе города, какъ Брюгге, Венеція, Коринѣ, Лондонъ, были самыми большими городами былыхъ эпохъ; однако населенность ихъ, за исключеніемъ Китая, рѣдко превышала четверть милліона жителей, даже когда эти города служили резиденціей двора и войсковой квартирой. Но въ Китаѣ, при колоссальной системѣ рѣкъ и каналовъ, пересѣкающихъ необычайно плодородныя равнины, возникло много городовъ съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ милліонъ душъ, а въ Ханькоу, представляющемъ три большихъ города провинціи, слившихся вмѣстѣ, числилось даже свыше 5 милліоновъ.

Во всѣхъ такихъ случаяхъ мѣстоположеніе города и предѣлы его населенности опредѣлялись легкостью его сообщеній съ округомъ, для котораго онъ служилъ торговымъ центромъ. То же самое относится и къ городамъ, служившимъ политическими центрами; выборъ мѣста для нихъ опредѣлялся стратегическими соображеніями, значить, также путями сообщеній. Теперь для читателя, быть можетъ, лучше выяснилось значеніе предшествовавшей главы, въ которой мы доказывали возможность путешествовать водою съ быстротою 50 миль въ часъ, а сухимъ путемъ съ быстротою 100 миль, и даже въ кэбѣ и въ омнибусѣ дѣлать отъ 30 до 40 миль въ часъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что результатомъ усовершенствованія средствъ сообщенія будетъ только увеличеніе числа громадныхъ

городовъ, которые сдѣлаются возможными въ такихъ мѣстахъ, гдѣ были до сихъ поръ невозможны, и сосредоточеніе въ нихъ торговли громадныхъ районовъ, какъ она сосредоточивается въ приморскихъ портахъ. Можно подумать, что это повело бы только къ распространенію по всему міру того, что мы видимъ въ Китаѣ, гдѣ населеніе уже много вѣковъ скучивается въ городахъ, которые кишатъ нищими, существующими общественною благотворительностью, и ведетъ ожесточенную борьбу за существованіе. Мы столько наслышались о „вопросѣ большихъ городовъ“, статистика такъ наглядно показываетъ намъ ростъ ихъ, вѣра въ неизбежность все большихъ и большихъ скопищъ въ будущемъ такъ распространена, что можно подумать, будто только желаніе быть оригинальнымъ способно внушить мысль, что не только эти „гиганты-города“ достигнутъ въ начавшемся столѣтіи максимума своего развитія, но что, по всѣмъ вѣроятіямъ, они, равно какъ и восточные прототипы ихъ, подвергнутся въ измѣримое число годовъ процессу разложенія и распадѣнія, почти равному уничтоженію, или, по крайней мѣрѣ, изглаженію точки, обозначающей городъ на картѣ.

Высказывая эту мысль, авторъ припоминаетъ съ непріятнымъ чувствомъ, что раньше онъ говорилъ совсѣмъ противоположное. Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ соображеній онъ покажетъ, какъ произошла эта перемѣна. Вначалѣ онъ считалъ несомнѣннымъ—и ему вѣрится, что многіе были того же мнѣнія—что будущность Лондона, напри-
мѣръ, можно опредѣлить на основаніи простого

тройного правила: если въ сто лѣтъ населеніе этого города увеличилось въ семь разъ, то понятно, насколько оно увеличится въ 200 лѣтъ. Авторъ полагалъ, что оно будетъ жить въ громадныхъ меблированныхъ домахъ, на улицахъ подъ стеклянной кровлей, съ подвижными мостовыми (единственный возможный способъ сообщенія при такой густотѣ населенія). Обычаи и нравы будутъ отвѣчать тѣмъ законамъ, которые всегда господствуютъ среди скученнаго человѣчества. Такая скученность дѣйствительно могла казаться вѣроятной, но если вмѣсто тройного правила обратиться къ анализу дѣйствующихъ причинъ, то вѣроятность перваго построенія рухнетъ, уступивъ мѣсто совсѣмъ другому предположенію, составляющему рѣзкій контрастъ съ первымъ. Гораздо вѣроятнѣе, что въ будущемъ города совсѣмъ перестанутъ быть городами въ прежнемъ смыслѣ слова и будутъ представлять совершенно новую фазу разселенія человѣчества.

До настоящаго времени рѣшающимъ факторомъ въ образованіи большихъ городовъ были: пересѣченіе двухъ или болѣе транзитныхъ путей, сліяніе двухъ или болѣе рѣкъ и легкій способъ сообщеній. Границей пространства и значенія большого города былъ районъ его торговаго вліянія и производительность этого района, то-есть обиліе торговыхъ притоковъ города. Около точки соединенія такихъ условій группировалось и населеніе согласно законамъ, *предписываемымъ удобствами транзита*. Вотъ что я упустилъ изъ вида въ моихъ прежнихъ пророчествахъ.

Экономическимъ центромъ города, разумѣется, служатъ набережная и пристани, а въ городахъ, питаемыхъ желѣзными дорогами, станціи, гдѣ высаживаются пассажиры и выгружаются, складываются въ магазины и распредѣляются товары. Административный и торговый персоналъ: купцы, фабриканты, чиновники, писцы и пр., должны находиться по близости этого центра, равно какъ и семьи ихъ, слуги, приказчики и поставщики различныхъ увеселеній. Въ извѣстной стадіи развитія города, тѣснота въ центрѣ его становится слишкомъ тягостной для семейной жизни и какое-нибудь вѣдомство, или общественная группа переноситъ свои канцеляріи или конторы за городскую черту. За этими двумя зонами возникаетъ предмѣстье, заселяемое тѣми, кто не имѣетъ ежедневныхъ сношеній съ городскимъ центромъ. Но и тутъ выборъ мѣста для поселенія опредѣляется скоростью сообщенія съ какимъ-нибудь второстепеннымъ центромъ — литературнымъ, общественнымъ, политическимъ или военнымъ. Эти второстепенные центры, возникающіе вокругъ первоначальнаго торговаго, не измѣняютъ, а только усложняютъ установленный нами принципъ. Всѣ они должны находиться на опредѣленномъ разстояніи отъ границъ своего округа. По непреложному въ человѣческой жизни закону день состоитъ изъ 24 часовъ и до настоящаго времени почти всѣ дѣла и сношенія между людьми берутъ опредѣленные часы времени, прерываемые ночами. Кроме того, большая часть дѣловыхъ сношеній требуетъ присутствія заинтересованныхъ лицъ въ

томъ мѣстѣ, гдѣ эти сношенія происходятъ. Поэтому границы разростанія городовъ всегда опредѣлялись скоростью сообщеній жителей съ тѣми пунктами, куда они призываются своими дѣлами, чѣмъ и создавалась всегда та весьма нежелательная скученность, которая только теперь, впервые въ исторіи міра, не представляется болѣе неизбѣжной.

Насколько можно судить, не зарываясь въ статистику, на ростъ городовъ всегда вліяло, да, вѣроятно, и будетъ вліять разстояніе отъ жилища до совѣта, конторы, или мастерской, которое должно брать не болѣе двухъ часовъ пути въ оба конца. На основаніи этого правила можно точно опредѣлить максимумъ пространства, занимаемаго городомъ того или другого типа. Скопленіе пѣшаго населенія, какъ въ Китаѣ, или какъ было и въ большинствѣ европейскихъ городовъ до XIX столѣтія, не замедлило бы разсѣяться на радіусъ мили въ четыре около промышленнаго или торговаго центра. При такихъ обстоятельствахъ, тамъ, гдѣ площадь земли, кормящей населеніе города, была очень широка, скопленіе людей вѣроятно достигало своего крайняго предѣла¹. При судоходной рѣкѣ торговый центръ можетъ вытягиваться, принимать форму эллипса съ длиннымъ діаметромъ, иногда значительно длиннѣе восьми миль, какъ, на примѣръ, въ Ханькоу.

¹ Нужно замѣтить, что въ 1801 году населеніе лондонскаго Сити было въ полтора раза гуще населенія даже самаго „трущобнаго“ изъ его нынѣшнихъ кварталовъ.

Если въ распоряженіи жителей имѣется лошадиная сила, то радіусъ удлинняется до 6 или 8 миль отъ центра. На этомъ болѣе широкомъ районѣ селятся со своими домочадцами и работниками люди, ѣздящіе въ экипажахъ, на извозчикахъ или въ омнибусахъ; это позволяетъ имъ оставаться гражданами города. Къ такой границѣ Лондонъ вѣроятно приближался при вступленіи на престолъ королевы Викторіи, и это былъ абсолютный предѣлъ возможнаго роста его, пока не явился паровозъ, дѣлающій болѣе восьми миль въ часъ.

Когда пришла пора желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, первыя разомъ открыли для торговли громадныя пространства, а вторые увеличили въ огромной мѣрѣ безопасность и дешевизну сообщеній по старымъ водянымъ путямъ. Нѣкоторое время ни одно изъ этихъ новыхъ изобрѣтеній не служило нуждамъ внутреннихъ городскихъ сообщеній, оставаясь только орудіемъ центроостремительной силы. Оба способа сообщенія служили лишь общему развитію торговли въ странѣ и только увеличивали скопленіе людей въ городскихъ центрахъ. Поэтому социальная исторія средней и послѣдней трети XIX вѣка, не только въ Англіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ есть исторія колоссальнаго прилива населеній въ магическій радіусъ, большею частью въ четыре мили, чтобы испытывать въ тѣснотѣ всевозможныя физическія и нравственныя страданія, болѣе ужасныя, чѣмъ голодъ и чума, хотя и менѣе острыя. Джорджъ Гиссингъ, въ одномъ изъ своихъ рома-

новъ, мѣтко назвалъ Лондонъ XIX вѣка „водоворотомъ“. Это дѣйствительно водоворотъ: втягивающій, оглушающій и закручивающій до смерти.

Но не вѣчно большіе города будутъ представлять собою такія пучины. Новыя силы, пока еще вызывающія неудержимую центростремительность, общають въ будущемъ центробѣжное вліяніе, которое въ концѣ концовъ положить конецъ скупченности въ центрахъ. Границей города въ дожелѣзнодорожныя времена была мѣра силы человека или лошади. Эта мѣра уже превышена и каждый день приближаетъ насъ къ тому времени, когда населеніе городовъ раскинется, съ чувствомъ огромнаго облегченія, по всѣмъ направленіямъ за предѣлами городовъ.

Покуда единственнымъ дополненіемъ пѣшеходныхъ и конныхъ сообщеній служатъ подгородныя желѣзныя дороги, позволяющія дѣлать въ часъ 10 или 12 миль отъ дома до центра, впрочемъ, только въ наиболѣе благопріятныхъ мѣстностяхъ. Звѣздообразныя контуры нынѣшнихъ городовъ, раскинувшихъ руки по всѣмъ линіямъ, удобнымъ для желѣзной дороги, — руки узловатыя, со станціей на каждомъ узлѣ, — достаточно ясно показываютъ, что прежняя тѣснота уже облегчилась. До послѣдняго вѣка большіе города имѣли округленныя контуры и росли подобно дождевикамъ. Нынѣшній же абрисъ большого города показываетъ, что онъ прорвалъ стѣснявшую его оболочку и разлился въ видѣ ручьевъ. Но, какъ мы уже выяснили въ первой главѣ, подгородныя желѣзныя дороги служатъ только переходнымъ средствомъ

къ болѣе быстрымъ и удобнымъ способамъ передвиженія.

Народная перепись 1901 года ясно показала, что мы находимся въ первоначальной стадіи великаго центробѣжнаго движенія. Если, какъ мы показали, городъ съ пѣшеходными сообщеніями неизбѣжно ограничивается радіусомъ въ 4 мили, а при конномъ радіусѣ возрастаетъ до 7 или 8 миль, то ясно, что при возможности проѣзжать по 30 миль въ часъ и радіусъ городской окружности увеличивается до 30 миль. А въ виду всѣхъ соображеній, изложенныхъ въ этой и предшествовавшей главахъ, позволительно смѣло предположить, что въ 2000 году, если еще не ранѣе, получится возможность даже для простаго поденщика жить на гораздо болѣе дальнемъ разстояніи отъ города, чѣмъ даже 30 миль; а уже и этотъ радіусъ даетъ площадь въ 2.000 кв. миль, т.-е. почти четвертую часть Бельгіи. Но 30 миль—очень умѣренная мѣра быстроты и читатель, ознакомившійся съ предшествовавшей главой, я полагаю, согласится, что нынѣшнимъ счастливымъ обладателямъ сезонныхъ билетовъ будетъ доступенъ районъ, имѣющій радіусъ болѣе чѣмъ во сто миль, т.-е. почти равный цѣлой Ирландіи. Еще болѣе широкое пространство откроется для тѣхъ гражданъ города, которые и въ настоящее время имѣютъ возможность жить въ его окраинныхъ предмѣстіяхъ. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ 2000 году гражданинъ Лондона будетъ имѣть возможность считать почти всю Англію и княжество Уэльское къ югу отъ Ноттингэма и къ востоку отъ Эксете́ра

предмѣстіями Лондона; а въ Америкѣ еще раньше все пространство отъ Вашингтона до Олбэни сдѣлается возможнымъ мѣстопробываніемъ для гражданъ Нью-Йорка и Филадельфіи, имѣющихъ постоянныя занятія въ городѣ.

Это отнюдь не значитъ, однако, что нынѣшніе города разростутся до такихъ размѣровъ. Предположивъ даже, что населеніе ихъ будетъ продолжать расти въ теперешней пропорціи, такое огромное расширеніе пространства, на которомъ будутъ въ состояніи селиться занятые въ городахъ люди, дастъ полную возможность простора. Но, хотя большая часть большихъ городовъ, вѣроятно, еще не достигла максимума своей населенности, хотя сѣтъ желѣзныхъ дорогъ еще не охватила Африку и Китай, и огромныя площади земли еще далеко не достигли возможной степени производительности за недостаткомъ земледѣльческаго населенія, однако все же не слѣдуетъ забывать, что всякій большой городъ, безотносительно къ размѣрамъ района его вліянія, можетъ имѣть только опредѣленный максимумъ населенія. Каждый большой городъ питается производительностью и торговлей нѣкоторой части земной поверхности,— того пространства, надъ которымъ онъ господствуетъ въ торговомъ отношеніи. Разростаніе его сверхъ этой мѣры является результатомъ какого-нибудь временнаго болѣзненнаго процесса, который въ концѣ-концовъ излѣчивается голодомъ или безпорядками. Это ограниченіе произойдетъ задолго до того, какъ населеніе будущаго Лондона, съ его внутреннимъ округомъ, равнымъ третьей части Бель-

гій, дойдетъ до своей старинной скученности. Даже при значительномъ увеличеніи производства пищевыхъ продуктовъ чрезмѣрному разростанію городовъ все же есть предѣлъ.

Однако, хотя и можно найти основанія предсказывать, что какой-нибудь данный городъ переростетъ другой, или вообще вдаваться на этотъ счетъ въ какія-нибудь прорицанія, но опредѣлить абсолютную норму возможнаго населенія того или другого города слишкомъ трудно. По крайней мѣрѣ авторъ этой книги не берется сдѣлать такого опредѣленія. Относительно Лондона, Петербурга и Берлина можно смѣло предположить, что населеніе ихъ можетъ перерости 20 милліоновъ, населеніе же Нью-Йорка, Филадельфіи и Чикаго, вѣроятнo,—а населеніе Ханькоу навѣрное—дойдетъ и до 40 милліоновъ. Но даже и 40 милліоновъ жителей на 31 тысячѣ кв. миль территоріи представляетъ, сравнительно съ 4 милліонами на площади въ 50 кв. миль, широкое расселеніе.

Какимъ же образомъ совершится оно? Разсмотримъ сперва отношеніе къ этому вопросу тѣхъ классовъ, которые могутъ слѣдовать въ этомъ случаѣ собственному выбору; тогда намъ легче будетъ предугадать будущій бытъ другихъ болѣе многочисленныхъ классовъ, которымъ образъ жизни ихъ предписывается практическою необходимостью. Какія силы будутъ вліять на зажиточную семью, съ главой—работникомъ, имѣющимъ около 400 и болѣе фунтовъ годового заработка? Будетъ-ли то въ общемъ выводѣ сила центростремительная или центробѣжная? Будутъ-ли эти семьи, въ

разросшемся Лондонѣ 2000 года, какъ и теперь, предпочитать жизнь въ группѣ предмѣстій, на столько близкихъ къ Лондону, на сколько это соотвѣтствуетъ общепринятому обычаю въ извѣстномъ классѣ имѣть около своего дома садъ и достаточное пространство для вольнаго воздуха? Или же они предоставятъ свои когда-то блестящія виллы и выхоленные сады менѣе независимымъ людямъ? Возвѣсимъ прежде всего притяженіе центробѣжной силы. Во-первыхъ, тутъ дѣйствуетъ любовь къ природѣ, къ горамъ, воздуху, морю,—любовь, преобладающая у многихъ въ настоящее время и выражающаяся, если не прямо, то въ видѣ страсти къ спорту: игрѣ въ гольфъ, рыболовству, охотѣ, ѣздѣ на велосипедѣ, плаванію на яхтѣ. Во-вторыхъ, изъ городовъ манить людей наслажденіе, доставляемое садоводствомъ, уходомъ за деревьями, за цвѣтами. Къ этому чувству примѣшивается пріятное сознаніе какъ бы своего господства надъ природой. Третьимъ, и едва-ли не самымъ сильнымъ побужденіемъ удалаться изъ городовъ служить свойственное людямъ,—особенно народамъ ниже-германской расы, господствующей теперь въ мірѣ — склонность имѣть „свой клочокъ земли“. Именно женщинамъ, матерямъ будущаго, свойственна инстинктивная потребность имѣть свой домашній очагъ, свое хозяйство, которое онѣ могли бы устраивать и вести по своему, а полное удовлетвореніе этого чувства возможно только въ деревнѣ. Если прибавить къ этому пользу деревенской жизни для здоровья дѣтей, равно какъ и пользу удаленія ихъ отъ всего, что раздражаетъ

аппетиты, преждевременно возбуждаетъ впечатлительность и заражаетъ порчей нравовъ въ людныхъ центрахъ, то главныя причины центробѣжнаго стремленія будутъ найдены, и этихъ причинъ не ослабитъ никакой техническій прогрессъ. Но чѣмъ же вызывается центростремительная сила, которая нейтрализуется этими причинами?

Начать съ того, что существуетъ группа силъ, которая со временемъ ослабѣютъ. Въ настоящее время удобнѣе дѣлать покупки въ лавкахъ, лежащихъ ближе къ городскому центру,—условіе очень важное для многихъ хозяекъ и матерей. Внутренніе кварталы и предмѣстья Лондона запасаются въ огромной пропорціи различными предметами домашняго хозяйства изъ громадныхъ складовъ домашней утвари, бакалеи и суконнаго товара, принадлежащихъ какой-нибудь полдюжинѣ торговыхъ фирмъ. Въ виду дороговизны и неудобствъ доставки по почтѣ каждая изъ этихъ фирмъ выработала свою болѣе удобную систему принятія заказовъ и доставки товаровъ. Эти крупныя фирмы монополизировали подгородную торговлю и составляютъ положительно общественное зло, вытѣсняя не только мелкихъ купцовъ въ предмѣстіяхъ, но и торгующихъ спеціальными товарами въ центральныхъ кварталахъ. Въ настоящее время жители предмѣстій получаютъ вина и романы, мебель и пищевые продукты, предметы одежды и развлеченій изъ громадныхъ складовъ разнообразнаго товара средняго качества, годнаго для домашняго обихода, но очень вредящаго развитію вкуса и индивидуальности. Сомнительно однако,

чтобы организація этихъ складовъ продержалась долѣе бляхъ на право торговли прошлаго вѣка. Какъ эти бляхи вышли изъ обычая, такъ выйдетъ и нынѣшняя доставка заказныхъ товаровъ; частная предприимчивость можетъ удовлетворять общественнымъ нуждамъ лишь отчасти и при дешевой и надежной организаціи доставки, которая смѣнитъ нынѣшній сложный, ненадежный, бессмысленный и баснословно дорогой хаосъ почтовыхъ, желѣзнодорожныхъ и конныхъ сообщеній; торговцы всякою всячиной снова уступятъ мѣсто специальнымъ складамъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, какими робкими, экспериментальными и дорогими остаются еще почтовые и телефонныя службы даже въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, и какое неизгладимое противорѣчіе существуетъ въ этихъ двухъ вѣдомствахъ между нуждами фиска, общественными выгодами и удобствами съ одной стороны и потребностью въ отдыхѣ и достоинствомъ чиновниковъ съ другой. Чѣмъ, какъ не плохую организаціей можно объяснить тотъ фактъ, что вызовъ по телефону изъ одного пункта въ другой въ такой маленькой странѣ, какъ Англія, стоитъ гораздо дороже, чѣмъ почтовый бланкъ! Чѣмъ объяснить, если не конкуренціей между желѣзнодорожными компаніями и посредничествомъ въ торговлѣ—препятствіями, которыя способные и дѣятельные люди рано или поздно устраняютъ,—чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что почта не доставляетъ посылки въ любой пунктъ на пространствѣ радіуса въ 100 миль черезъ два-три часа и за плату по 1 пенни или

менѣе съ фунта; не кладетъ газетъ въ почтовые ящики прямо изъ типографіи и вообще не доставляетъ всѣхъ нужныхъ цивилизованной семьѣ предметовъ непосредственно, за исключеніемъ, пожалуй, мяса, угля, овощей и питей. Къ болѣе широкому развитію почтовой дѣятельности не представляется неустранимыхъ препятствій, и я полагаю, что въ первую же половину XX вѣка все то, на что мы указали, будетъ дѣлаться почтой, а тогда и центростремительная сила перестанетъ дѣйствовать.

Вторымъ важнымъ стимуломъ къ дѣйствию ея въ наше время является желаніе дать своимъ дѣтямъ хорошее образованіе и имѣть подъ рукой врачебную помощь. Теперь удаленіе отъ большихъ центровъ и здоровый сельскій воздухъ покупаются выгодами хорошаго образованія дѣтей или разлукой съ ними. Задача соединенія доступа въ хорошія школы съ жизнью въ здоровомъ воздухѣ можетъ быть разрѣшена только быстротой сообщенія и мы полагаемъ, что въ будущемъ эти двѣ главныя нужды: школа и врачъ, заставляющія жителей стремиться въ большіе центры, будутъ согласованы съ группировкой около второстепенныхъ центровъ. Это могутъ быть совсѣмъ новые центры, какъ, напр., Гиндгэдъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, наиболѣе живописные и здоровые въ климатическомъ отношеніи городки въ Англіи получаютъ тогда небывалое развитіе. Уже и теперь когда-то фактически автономныя подгородныя мѣстечки, какъ Гвильдфордъ, Тонбриджъ, Уэльсъ и Годальмингъ, сдѣлались въ экономическомъ отношеніи центрами слабо свя-

занныхъ съ Лондономъ предмѣстій. То же самое ждетъ вѣроятно въ будущемъ Шрюсбери, Стратфордъ, Эксетеръ и другіе еще болѣе отдаленные отъ центра небольшіе города. Дробясь, центростремительная сила сдѣлаетъ только то, что самоуправляющіяся предмѣстія Лондона и большихъ городовъ въ Ланкаширѣ, Йоркширѣ и Шотландіи замѣнятъ еще до конца этого вѣка лѣтніе морскіе курорты съ меблированными домами и распрястятся вдоль всѣхъ береговъ Великобританіи. Каждая нагорная плоскость, каждая долина заселится—но не слишкомъ густо—группами домовъ зажиточныхъ гражданъ около центра, въ которомъ будутъ находиться рынокъ, школа, врачъ, техники и библіотека.

Не такъ-то легко будетъ устранить третью причину центростремительной силы, составляющую прямой противовѣсъ любви къ горамъ и полямъ. Эту силу можно назвать влеченіемъ къ толпѣ. Съ нимъ тѣсно связана страсть къ театру, привязывающая столько людей къ лондонскому Странду. Къ этому вліянію, влекущему людей въ толпу, примѣшиваются другія болѣе эгоистичныя побужденія, сильныя въ молодости, но не проходящія и съ годами: страсть къ нарядамъ, къ затмеванію другихъ, къ выставкѣ себя въ толпѣ. Въ этомъ случаѣ много значитъ „расовый“ характеръ; изъ національностей особенно выдаются этою склонностью неаполитанцы, парижане, современные римляне, какъ говорятъ индусы и тотъ новый, интересный типъ, который представляетъ собою богатый, эмансипированный еврей, вышедшій изъ

своего гетто и имѣющій теперь полную возможность показать, изъ какого матеріала онъ созданъ. Эта группа стремлений можетъ до извѣстной степени повести къ образованію на „доступномъ“ пространствѣ и второстепенныхъ музыкальных центровъ, въ которыхъ будутъ сосредоточиваться сливки моды и утонченности, изящества и роскоши; но для огромнаго большинства людей въ мірѣ, не имѣющихъ средствъ жить на два хозяйства, притяженіе къ городамъ останется еще на много лѣтъ во всей своей силѣ и будетъ удерживать ихъ на томъ радіусѣ отъ центра, который отвѣчаетъ разстоянію, какое можно нынѣ проѣхать въ лондонскомъ кэбѣ за два шиллинга.

Естественно, что для всѣхъ, кто не можетъ дѣлать свои закупки по телефону или по почтѣ, необходимость селиться поближе къ торговымъ центрамъ останется въ силѣ. Люди же, дѣлающіе закупки, нуждаются въ отдыхѣ и въ подкрѣпленіи силъ, т.-е. въ ресторанахъ, а приманками къ ресторанамъ служатъ увеселенія. Такимъ образомъ Бондъ-Стритъ и Реджентъ-Стритъ, бульваръ Капуциновъ, Корсо и Бродуэй останутся еще на много лѣтъ блестящими и людными центрами даже и при предвидимомъ нами широкомъ разселеніи,—быть можетъ, даже болѣе блестящими и людными, когда будетъ отсутствовать конное сообщеніе по этимъ центральнымъ артеріямъ. Но самый тотъ фактъ, что эти старые центры останутся лучшими мѣстами для международной торговли, гдѣ будутъ находиться модные и художественные магазины, театры и банки, такъ подниметъ цѣ-

ны земли и жилищъ въ нихъ, что массы неизбежно отхлынуть на окраины.

Пока люди не имѣютъ другихъ средствъ передвиженія, кромѣ кѣба, желѣзной дороги или омнибуса, единственной причиной, побуждающей ихъ избирать для своего мѣстопробыванія мѣста, близкія къ центру, можетъ быть только необходимость въ сбереженіи времени и дороговизна средствъ сообщенія, уравнивающая разницу цѣнъ на жилища. Но мы уже предсказали, что съ существующими средствами сообщеній съ предмѣстьями вскорѣ вступить въ конкуренцію новый способъ, быстрый и разнообразный. И тогда, хотя центръ, вѣроятно, попрежнему останется „городомъ“, но въ сущности онъ будетъ базаромъ съ рядами магазиновъ, ресторановъ и увеселительныхъ мѣстъ, съ пѣшеходнымъ сообщеніемъ, съ подвижными тротуарами, лифтами и стеклянной кровлей отъ непогоды, — словомъ, это будетъ огромный, блестящій центръ народной дѣятельности.

Мы сказали достаточно для того, чтобы очертить общій характеръ расширенія большихъ городовъ въ будущемъ, поскольку это касается наиболѣе зажиточныхъ классовъ. Это будетъ не правильнымъ распространеніемъ, подобнымъ распространенію газоваго свѣта, а скорѣе процессомъ расселенія отдѣльныхъ хозяйствъ и раздѣленія различныхъ типовъ народа. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно почти навѣрное предсказать безпримѣрное разнообразіе подгородныхъ мѣстечекъ и округовъ. Но этой стороной дѣла мы займемся

въ послѣдней главѣ нашей книги. Ясно, что въ расселеніи жителей будетъ играть важную роль ихъ расовый и національный характеръ. Мы близимся къ концу великой демократической, гуртовой фазы въ исторіи міра,—фазы дѣленія человѣчества на однородныя массы. Въ будущемъ всѣ націи—и страстные спортсмены англичане, и общительные французы, и энергичные американцы—будутъ распространять свои города каждая на свой манеръ.

Посмотримъ теперь, какъ отзовется предполагаемое нами усовершенствованіе средствъ сообщенія на тѣхъ классахъ, чьи условія жизни предписываются экономическими законами. Расселеніе замѣтнаго числа людей менѣе независимыхъ классовъ, разумѣется, возможно только при расселеніи большой массы зажиточныхъ и сравнительно независимыхъ классовъ. Въ новообразованномъ центрѣ поселятся: врачъ, учитель, купцы, торгующіе свѣжей провизіей, пекарь, бакалейщикъ, мясникъ; а если они уже жили въ этомъ центрѣ, то начнутъ богатѣть и обставляться всѣми новѣйшими приспособленіями комфорта и примѣненіями электричества и механики: велосипедами, автомобилями, фотографическими аппаратами и фонографами. Вся эта обстановка привлечетъ въ новый городъ армію техниковъ, классъ которыхъ растетъ и обѣщаетъ играть весьма замѣтную роль въ общественномъ развитіи XX вѣка, такъ какъ люди все болѣе и болѣе нуждаются въ ихъ знаніяхъ. Усовершенствованныя почтовые и телефонныя службы также внесутъ интеллигентные ингредиенты въ это

зерно будущаго городка, въ которомъ возродится нѣчто среднее между старой деревней и провинціальнымъ городомъ. Изъ сыновей сельчанъ этого района выйдутъ искусные огородники и садовники, опытные коневоды, знакомые съ ветеринарной наукой, и другіе ремесленники, для которыхъ найдутся и занятія, и средства къ жизни. А на удобныхъ мѣстахъ вдоль новыхъ дорогъ—былыхъ шоссе-ныхъ, на мѣстѣ пустующихъ гостиницъ, для которыхъ избирались самые живописные пункты,—явятся рестораны, чайныя, склады автомобилей и велосипедовъ, со всѣми приспособленіями для ремонта ихъ. Такое распространеніе всѣхъ подобныхъ заведеній окажется практически необходимымъ.

Тогда многіе изъ жителей Лондона предпочтутъ перенести изъ этого города свои конторы и заведенія въ города съ болѣе пріятнымъ мѣстоположеніемъ. Такое дѣло, напримѣръ, какъ книгоиздательство, не имѣетъ никакой необходимости оставаться въ районѣ высокой квартирной ренты и кишачихъ народомъ улицъ. Времена, когда финансовый успѣхъ книги зависѣлъ отъ поддержки вліятельныхъ лицъ въ ограниченной общественной сферѣ, уже прошли. Теперь ни издатели, ни авторы, какъ общественный классъ, не зависятъ отъ такъ называемаго „общества“, и фактическая доступность редакцій необходима лишь для нѣкоторыхъ формъ рекламы. Центральное положеніе редакціи не требуется также и необходимостью личныхъ сношеній между издателями и многообразной пишущей братіей. Издатели могутъ жить теперь

въ любомъ мѣстѣ, и ничто не мѣшаетъ имъ перетянуть туда же и своихъ типографщиковъ, иллюстраторовъ и переплетчиковъ... Вотъ вамъ типичный примѣръ, какимъ способомъ отрасль промышленности, въ настоящее время городская, можетъ оторваться отъ города. Это только одинъ примѣръ изъ многихъ другихъ подобныхъ отраслей торговли, для которыхъ съ развитіемъ и удешевленіемъ средствъ сообщенія будетъ вполне удобно и выгодно перенести свое дѣло во второстепенный центръ. Все зависитъ отъ упомянутыхъ средствъ. Ограниченіе ихъ вынуждаетъ городъ сжиматься, расширеніе позволяетъ ему разбрасываться. Всѣ наши планы широкаго расселенія людей основаны на гипотезѣ, что перевозка людей и товаровъ сдѣлается легче, быстрее и будетъ лучше организована, чѣмъ въ настоящее время.

Телефонъ почти несомнѣнно сдѣлается весьма сильнымъ пособникомъ въ этомъ дѣлѣ. Въ настоящее время это удобство обходится въ Великобританіи очень дорого. Вдобавокъ скандально нелѣпый конфликтъ между телефонной компаніей и почтой тормозитъ, усложняетъ и дѣлаетъ телефонныя сношенія непомерно дорогими; но и при такихъ невыгодныхъ условіяхъ телефонныя сношенія входятъ въ обычай даже у нынѣшнихъ дачниковъ.

Сообразите, что это сулитъ въ будущемъ. Возьмемъ прежде всего домашнюю и общественную жизнь. Уже и въ настоящее время почти весь трудъ хожденія по лавкамъ можетъ быть избѣг-

нута. Всякаго рода товаръ можетъ быть заказанъ и присланъ полностью или въ образцахъ въ любое мѣсто на разстояніи сотни миль отъ Лондона, и въ тотъ же день разсмотрѣнъ, испробованъ и, въ извѣстномъ случаѣ, возвращенъ. Благодаря телефону, хозяйка дома имѣетъ подъ рукой всѣ мѣстныя лавки, всѣ крупныя лондонскіе магазины, общественную библіотеку, театральную контору, почтамтъ, извозчичью биржу, институтъ нянекъ и врача. Телефонныя сообщенія навѣрное усовершенствуются, но и теперь телефонъ передаетъ рѣчь ясно и отчетливо за нѣсколько миль. Черезъ него можно назначать свиданія, разсылать приглашенія; за плату отъ одного пенни до двухъ шиллинговъ всякій можетъ—даже находясь за двѣсти миль отъ своего дома—днемъ и ночью сообщаться со своей семьей. Если бы не общественное зло, какимъ служитъ фактическій контроль надъ почтовыми сообщеніями несмѣняемыхъ чиновниковъ, совершенно игнорирующихъ общественныя нужды, то уже и въ настоящее время можно было бы сноситься, въ случаѣ неотложной надобности, со всѣми частями свѣта во всякое время дня и ночи. Такъ и будетъ, вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ, и этому врядъ ли помѣшаетъ даже священное учрежденіе чиновничества. Тогда купецъ будетъ имѣть возможность, сидя дома въ своемъ кабинетѣ, торговаться, обсуждать, обѣщать, намекать, угрожать и лгать такъ, какъ онъ не рѣшился бы лгать письменно; словомъ, дѣлать все то, для чего раньше необходимо было личное присутствіе.

Уже и теперь во многихъ отрасляхъ коммерческихъ и финансовыхъ дѣлъ нѣтъ болѣе необходимости, чтобы контора находилась въ Лондонѣ, и если она останется тамъ, то по привычкѣ, въ силу традиціи или какихъ-нибудь побочныхъ соображеній. Постоянное удешевленіе и улучшеніе почтовыхъ и телефонныхъ сообщений и доставки товаровъ позволяетъ предвидѣть, что разорительный обычай держать контору въ Лондонѣ и утомлять себя ежедневными поѣздками туда постепенно отойдетъ въ область преданій. Другими словами: то, что въ экономическомъ отношеніи будутъ продолжать называть „городомъ“, въ отличіе отъ „земледѣльческаго района“, вѣроятно, распространится далеко за предѣлы ежедневнаго часового пути. По крайней мѣрѣ, можно ожидать, что расселеніе войдетъ въ обычай въ зажиточныхъ классахъ, не привязанныхъ къ главному центру большими заведеніями, требующими личного надзора.

Распространяясь, зажиточный, независимый и правящій классъ повлечетъ за собою большое число рабочихъ классовъ. Центры ихъ занятій раскинутся по разнымъ мѣстамъ и для нихъ увеличится возможность жить поблизости къ своему дѣлу. Поведетъ ли это къ обогащенію страны узкими, мрачными улочками, труппными деревнями въ родѣ Бэкфастлея въ Девонѣ, или же поселенія рабочихъ примутъ какой-нибудь новый видъ, этого мы пока не беремся рѣшать. Одно можно сказать: нищета и безобразіе, выставленные вдоль проѣзжихъ дорогъ, будутъ громче взы-

вать о помощи къ людямъ зажиточнымъ, чѣмъ спрятанныя въ тѣснотѣ городскихъ трущобъ.

Мы уже довольно сказали въ доказательство того, что „городъ“ въ прежнемъ смыслѣ станетъ такимъ же отжившимъ учрежденіемъ, какъ и „малъ-постъ“. Для новыхъ районовъ, которые вырастутъ изъ старыхъ городовъ, нужно какое-нибудь названіе, и наиболѣе подходящимъ кажется намъ названіе „городской районъ“. Практически, процессомъ сліянія всей южной части Хайлэндовъ суждено, повидимому, образовать одинъ городской районъ, перерѣзанный по всѣмъ направленіямъ не только желѣзными дорогами и телеграфными проволоками, но и тѣми новыми путями, о которыхъ была рѣчь въ первой главѣ, а также и частою сѣтью телефоновъ, подземными трубами для доставки посылокъ, и прочими связующими артеріями.

Это будетъ несомнѣнно любопытный и разнообразный районъ, гораздо менѣе монотонный, чѣмъ нынѣшнія англійскія графства. Въ менѣе заселенныхъ мѣстахъ онъ останется лѣсистымъ; возможно, что лѣса даже будетъ больше, такъ какъ между группами домовъ повсюду явятся сады и парки. Можно предположить, что тогда перестанутъ считать за правило слѣдовать шаблонной архитектурѣ нынѣшнихъ подгородныхъ виллъ; каждый будетъ избирать для своего дома тотъ стиль, который ему нравится, не спрашиваясь мнѣнія строительной комиссіи. Многіе дома, вѣроятно, будутъ собственностью жильцовъ, построенные ими для себя, какъ строились замки временъ Тю-

доровъ, быть можетъ даже отвѣчающіе этимъ замкамъ и въ эстетическомъ отношеніи. Можно, впрочемъ, ожидать, что каждый округъ будетъ отличаться своими особенностями стиля и типа. Проѣзжая по открытому луговому району, глазъ путешественника всюду будетъ встрѣчать бѣлыя ворота и палисады. Въ садовыхъ округахъ онъ увидитъ себя среди розовыхъ кустовъ, домовъ съ остроконечными кровлями, дроковыхъ изгородей, изумрудныхъ луговъ. На холмистыхъ мѣстахъ, поросшихъ верескомъ, онъ найдетъ уютныя дачи, съ приспособленіями для игры въ гольфъ; въ прирѣчныхъ мѣстахъ на него будутъ выглядывать изъ камыша ярко выкрашенныя будки на пристаняхъ. Встрѣтятся иногда болѣе тѣсная группа домовъ съ общественнымъ садомъ, откуда донесутся звуки оркестра, или небольшой воздѣланный островокъ, съ плантаціями хмеля или съ грядами земляники и сѣрыхъ артишоковъ, съ бѣлыми палисадами фруктовыхъ садовъ или съ опрятными птичниками. По всѣмъ этимъ разнообразнымъ мѣстностямъ пройдутъ новыя, широкія дороги, мѣстами разрѣзая горный гребень, мѣстами пересекая долину въ видѣ колоссальнаго вѣдука,— дороги, по которымъ будутъ сновать по всѣмъ направленіямъ блестящія, проворныя (а не неуклюжія) машины, и черезъ всѣ поля и лѣса протянутся отъ столба къ столбу телеграфныя и телефонныя проволоки. Мѣстами будутъ встрѣчаться группы коттеджей (въ которые вскорѣ мы заглянемъ ближе) при заводѣ или при фабрикѣ, дымящія трубы которыхъ замѣнятся ярко выкрашенными

вѣтряными или водяными мельницами, собирающими и запасаящими силу для машинъ. Будутъ встрѣчаться и небольшіе города съ неизбѣжной старинной базиликой или церковью, со школой и музеемъ, съ желѣзнодорожной станціей, вѣроятно, и съ пожарнымъ депо, гостиницами и ресторанами, и съ телеграфной конторой, куда будутъ сходиться всѣ линіи, соединяющія этотъ пунктъ съ окрестностями. Все, что такъ манитъ насъ теперь въ деревню, можетъ быть сохранено и при новомъ порядкѣ, такъ какъ нѣтъ причины къ исчезновенію главныхъ пріятностей деревенской жизни. Новыя дороги не исключаютъ нынѣшнихъ большихъ дорогъ, которыя будутъ, какъ и теперь, служить для ѣзды на лошадахъ и для доставки товаровъ. Изгороди и аллеи, лѣсныя тропинки и полевые цвѣты сохранятъ свою красу въ неприкосновенности. Недоставать будетъ развѣ только уединенія и вывѣсокъ. Будутъ ли встрѣчаться въ этихъ ландшафтахъ бросающіяся въ глаза вывѣски?..

Но перо мое забѣгаетъ впередъ; воображеніе, склонное создавать реальныя построенія, стремится преждевременно нарисовать цѣлую картину. Нужно много взвѣсить, прежде чѣмъ перейти отъ обобщенія къ архитектурѣ будущихъ домовъ и къ будущимъ общественнымъ вкусамъ. Мы показали въ общихъ чертахъ каковы будутъ сухопутные и морскіе пути начинающагося вѣка, предсказали возникновеніе „городскихъ районовъ“, и пока этого довольно.

А что же будетъ со страной, лежащей внѣ этихъ районовъ? Тотъ же путь логическаго разви-

тія положеній, который ведетъ къ утвержденію, что города расширятся, обнимутъ широкія пространства и получатъ большое сходство съ деревней, заимствовавъ у нея ея отличительныя черты: обиліе лѣса и свѣжій воздухъ, заставляеть предполагать, что и деревня, съ своей стороны, усвоить многія характерныя черты города. Прежніе контрасты исчезнутъ, границы постепенно сотрутся; вся разница будетъ заключаться въ большей или меньшей населенности. Чѣмъ шире будетъ развито садоводство и земледѣліе въ округѣ, тѣмъ ближе подойдетъ къ нему названіе „городского района“. По всей поверхности земного шара между полярными поясами, пройдутъ желѣзныя дороги и новыя безопасныя и удобныя пути, и переплетется сѣтъ телеграфныхъ сообщеній. Полученіе газетъ на нѣсколько часовъ позже обыкновеннаго или опозданіе на одинъ день заказаннаго товара будетъ считаться крайнею отсталостью, допустимою только въ сообщеніяхъ съ отдаленнѣйшими островами или мѣстностями, доступъ къ которымъ затруднителенъ. Петли въ этой обширной сѣти дорогъ образуютъ деревни въ смыслѣ отличія ихъ отъ городскихъ районовъ, и характеръ деревень будетъ самымъ разнообразнымъ не только по различію почвы, климата, системы землевладѣнія, но также и по расовымъ и національнымъ различіямъ населенія. Въ слѣдующихъ главахъ читатель долженъ имѣть въ виду это чисто относительное приравниваніе новаго сорта города къ новому сорту деревни, населенныхъ людьми новаго же сорта, съ жизнью которыхъ мы сейчасъ познакомимся.

(Я долженъ повторить, рискуя надоѣсть, что до сихъ поръ я умышленно не принималъ въ расчетъ никакихъ международныхъ границъ, или существованія на свѣтѣ иностранцевъ. Я считаю за лучшее продолжать эту методу, пока мы не дойдемъ до такихъ перемѣнъ, которыя, вѣроятно, будутъ всемірными или всеобщими; а главнымъ образомъ, пока не дойдемъ до вѣроятныхъ перемѣнъ во взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ силъ, общественныхъ механизмовъ и внутреннихъ политическихъ системъ. Тогда мы приступимъ къ вопросамъ о языкахъ, о національностяхъ, о международныхъ конфликтахъ,—приступимъ, вооруженные такимъ запасомъ возможныхъ и вѣроятныхъ предположеній, который позволитъ намъ дѣлать выводы, гораздо болѣе близкіе къ дѣйствительности, чѣмъ мы могли бы сдѣлать теперь.)

III

РАЗВИТІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЭЛЕМЕНТОВЪ

Уже однѣ перемѣны въ густотѣ населенія и въ удобствахъ сообщеній, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, поведутъ къ достаточно замѣчательнымъ послѣдствіямъ, которыя отразятся на внѣшней сторонѣ общественнаго тѣла. Но есть и болѣе широкія черты будущаго общественнаго порядка, не такъ тѣсно связанныя со средствами передвиженія, и объ этихъ чертахъ мы будемъ теперь говорить. Это главнымъ образомъ плоды колоссальнаго развитія техники, составлявшаго главную черту XIX вѣка. Это развитіе, измѣнивъ методы и размѣры почти всѣхъ людскихъ предпріятій ¹, абсолютно измѣнило и отношенія и характеръ сгруппированныхъ около нихъ людей.

Въ продолженіе сорока вѣковъ наиболѣе цивилизованныя общества всегда представляли, подѣ значительными внѣшними различіями, нѣкоторыя общія черты. Всегда въ основѣ общественнаго зданія лежалъ классъ земледѣльческихъ работниковъ, крестьянъ, крѣпостныхъ или рабовъ. Съ

¹ Даже характерныя условія писательства, этой наименѣ механической изъ профессій, глубоко измѣнились съ изобрѣтеніемъ пишущей машины.

придачей нѣкотораго количества силы, даваемой вѣтромъ или водой, лошадыю или муломъ, этотъ классъ поставлялъ весь трудъ, необходимый общинѣ. Его же мышцами создались и города. Фактически этотъ классъ былъ при старомъ порядкѣ—да и теперь еще остается до извѣстной степени—живой машиной, которая возила, пахала, жала, строила и дѣлала все. Этой живой машиной управлялъ, а временами и владѣлъ, другой высшій классъ, считавшій трудъ безчестіемъ. Иногда это были воины, иногда ученые; въ Англіи—аристократы, въ большей части европейскихъ странъ—дворянство; въ Индіи это была каста „дважды рожденныхъ“; въ Китаѣ, гдѣ существовала философски задуманная и наиболѣе прочно организованная изъ соціальныхъ системъ стараго міра—господствующимъ классомъ были различной степени мандарины, выѣзжавшіе не на коняхъ, а на достаточной по старымъ понятіямъ эрудиціи. Эти два первобытныхъ класса людей во многихъ случаяхъ усложнились подраздѣленіями. Крестьяне распались на фермеровъ и землепашцевъ; дворянскій классъ подраздѣлился на различныя степени: на королей, герцоговъ, графовъ и т. п., но въ общихъ чертахъ различіе между двумя классами сохранилось, словно оно лежитъ въ самой природѣ вещей ¹.

¹ Къ двумъ первобытнымъ классамъ присоединились самые сложные общественные организмы. Таковы: духовенство, бывшее въ до-желѣзнодорожный періодъ составною частью и функционирующимъ органомъ почти всякаго общественнаго порядка; затѣмъ юристы и врачи. А въ

Отъ начала исторіи до появленія машинъ въ XVIII вѣкѣ это схематическое дѣленіе наблюдалось во всѣхъ общественныхъ организахъ, за исключеніемъ дикарей. Существенной чертой исторіи до этой эпохи было стремленіе такого рода соціальныхъ системъ во всѣхъ странахъ упрочить эту форму вопреки двумъ непримиримымъ врагамъ застою: изобрѣтеніямъ и непрерывному росту населенія, насколько это позволялось безопасностью жизни. Несовершенство путей сообщенія дѣлало политическія единицы съ радіусомъ длиннѣе ста миль очень неустойчивыми. То былъ міръ мелкихъ государствъ. Имперіи, слабо сплоченныя, возникали и вскорѣ исчезали; въ сущности это были союзы автономныхъ государствъ подъ общимъ *раз.* Между государствами часто велись войны. Собственно это были конфликты одного эксперимента соціальной организаціи съ другимъ. Въ продолженіе всей исторіи два главныхъ класса людей, дворяне и простой народъ, реагировали одинъ на другой; каждая личность въ обоихъ классахъ, движимая общимъ всѣмъ желаніемъ жить и дѣйствовать, стремилась обезпечить себя на счетъ другихъ. До изобрѣтенія пороха всадникъ въ бронѣ былъ непобѣдимъ въ открытомъ полѣ. Всюду на открытыхъ равнинахъ, гдѣ уже завелась торговля, господствовалъ всадникъ, а за

городахъ вышло изъ рабочаго класса сословіе собственно гражданъ, освободившееся до нѣкоторой степени отъ прямого контроля дворянства: это ремесленники, купцы, судохозяева, образовавшіе средній классъ между двумя главными.

спиной его—монахъ. Такія страны были аристократическими; тамъ возникали касты. Ремесленникъ искалъ защиты у патрона или въ гильдіи и за стѣнами городовъ, а земледѣлецъ былъ крѣпостнымъ. Имъ владѣлъ баронъ или его кредиторъ,— въ происхожденіе дворянства никто особенно не вникалъ. Но въ странѣ гористой или лѣсистой, или изобилующей рѣками и болотами, человѣкъ, вооруженный копьемъ, мечомъ или лукомъ, могъ постоять за себя, и въ такихъ странахъ чувствовалось демократическое вѣяніе. Такъ, въ Италіи, въ Греціи, въ альпійскихъ долинахъ, въ Нидерландахъ и въ Великобританіи двѣ главныя силы стараго порядка, аристократія и вилэны, находились въ продолженіе всего историческаго періода въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Всякая перемена въ подробностяхъ борьбы за существованіе нарушала равновѣсіе. Изобрѣтеніе оружія, болѣе пригоднаго для одного класса, чѣмъ для другого, нѣкоторое поднятіе уровня образованія приводили къ важнымъ историческимъ результатамъ: къ перемѣнамъ династій, къ паденію имперій.

Но въ общемъ, организація человѣчества не измѣнилась. Всматриваясь въ конечные результаты, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, какъ мало произошло существенныхъ и окончательныхъ перемѣнъ въ условіяхъ общественной жизни до XIX вѣка. Какъ много общаго мы видимъ, напримѣръ, между концомъ XVIII вѣка и временемъ Горация! Въ извѣстномъ смыслѣ римская литература была живою картиной XVIII вѣка; она примѣнялась ко всѣмъ сторонамъ его, не противорѣчила никакимъ

существеннымъ фактамъ. Но все это разомъ перемѣнилось. Въ тѣ времена было принято думать, что въ жизни все повторяется, совершая опредѣленный кругъ, что подъ солнцемъ не бываетъ ничего новаго. Но цѣпь эта вдругъ порвалась и люди настоящаго отлетѣли въ сторону. Со внезапнымъ развитіемъ механики, начавшей играть замѣтную роль въ половинѣ XVIII вѣка, совпало выступленіе на сцену народныхъ массъ, призванныхъ къ совершенно новымъ функціямъ и новымъ отношеніямъ къ соціальному тѣлу. Рядомъ съ этимъ началось такое сокращеніе, урѣзываніе, измѣненіе старыхъ классовъ, которое предсказывало полное распаденіе старой системы. Внѣшній видъ соціальнаго механизма измѣнился и—какъ я надѣюсь доказать—продолжаетъ измѣняться въ такомъ направленіи, которое неотразимо ведетъ къ полному разрушенію стараго зданія и возведенію на его мѣстѣ новаго.

Изъ новыхъ классовъ наиболѣе выступаетъ на первый планъ классъ владѣльцевъ акцій, совершенно новаго рода собственности въ исторіи міра.

До XVIII вѣка единственною собственностью, имѣвшею серьезное значеніе, была собственность недвижимая—земля и зданія. Это было „реальное“ богатство. За этимъ слѣдовали скотъ, крѣпостные, обстановка недвижимой собственности, запасы, корабли, различныя орудія и семитическое изобрѣтеніе—деньги. Всю такую собственность владѣлецъ долженъ былъ держать въ своихъ рукахъ и лично управлять ею, отвѣчая за нее. Лишь съ большимъ

рискомъ могъ онъ поручать свои дѣла управляющему или повѣренному, тѣмъ болѣе, что пересылка къ нему доходовъ на значительное разстояніе была сопряжена съ большими затрудненіями и обходилась дорого. Въ предупрежденіе постоянныхъ смуть изъ-за дѣлежа и упраздненія собственности, въ виду отсутствія организованнаго агентства, которое могло бы принимать упраздненную собственность на свою отвѣтственность, право наслѣдственности, и еще болѣе право первородства, представляло явное удобство, и старая общественная организація всегда клонила въ пользу этихъ учрежденій. Вся система ростовщичества основывалась на землѣ и на ожидаемыхъ продуктахъ земли.

Ростовщичество и безгласное товарищество акціонерныхъ компаній, система которыхъ вступила въ дѣйствіе въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, ввели въ обращеніе небывалое дотолѣ количество денежныхъ знаковъ и создали новый родъ собственности и новый классъ собственниковъ—акціонеровъ. Особенность этого класса нетрудно объяснить. Акція представляетъ такого рода собственность, которою можно владѣть издалека—предположивъ въ людяхъ достаточно чувства чести—и которая приноситъ доходъ владѣльцу безъ всякаго труда и хлопотъ съ его стороны. Это вещь, не возлагающая на владѣльца абсолютно никакой отвѣтственности; подобной собственности не знавалъ старый міръ. Тѣмъ не менѣе законы о наслѣдїи, вызванные нуждами стараго порядка вещей, были безъ возраженій примѣнены

и къ этому новому роду собственности; вѣдь она представляетъ вѣчное, прочное богатство, только колеблющейся цѣнности, смотря по переменамъ въ экономическомъ положеніи дѣла. Такой же характеръ абсолютной безотвѣтственности носить и другой классъ, выросшій съ ростомъ большихъ городовъ,—классъ землевладѣльцевъ, живущихъ земельной рентой. Судя по всѣмъ признакамъ, этотъ безотвѣтственный, независимый и богатый общественный элементъ, не чувствующій никакой надобности въ напряженіи силъ, никакого давленія специальныхъ обязанностей, еще только разростается и власть его надъ другими классами можетъ еще долго расти. Вліяніе его затмеваетъ вліяніе фактическаго хозяина земли или реальнаго торговаго дѣла. Къ этимъ двумъ классамъ акціонеровъ и землевладѣльцевъ принадлежитъ большинство членовъ старинныхъ аристократическихъ фамилій, потомковъ рыцарей и феодаловъ.

Классы эти не носятъ никакихъ отличительныхъ чертъ, кромѣ развѣ той, что они, владѣя собственностью и присущими ей выгодами, не дѣлаютъ для этого ничего. Въ сущности акціонеры даже не составляютъ отдѣльнаго класса. Они незамѣтно входятъ во всѣ другіе классы общества, образуя въ нихъ какъ бы золотыя жилы въ глыбѣ кварца. Къ новому классу принадлежатъ: и снобъ-милліонеръ, и политиканъ-плутократъ, и богатый эпикуреецъ, и тароватый, религіозный фанатикъ, и „благотворитель“, и широковѣщательный тупица, и вся армія робкихъ существъ, думающихъ лишь о томъ, чтобы обезпечить себя отъ житейскихъ невзгодъ:

путешественники, второстепенные поэты, офицеры, спортсмены и всякаго сорта прожигатели жизни. Люди же, принадлежащіе къ этому классу только отчасти, доходы которыхъ зависятъ не отъ однихъ дивидендовъ, но и отъ личной дѣятельности, встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Кельнеръ, живущій подачками, вѣроятно имѣетъ сотню акцій въ какой-нибудь отдаленной компаніи; духовная знаменитаго реформатора обнаруживаетъ благоразумно распределенныя серіи акцій; епископъ ведетъ торговлю чаемъ или каменнымъ углемъ, или, по крайней мѣрѣ, получаетъ прибыль отъ торговли другихъ этими предметами, и прибыль эта помогаетъ ему поддерживать собственную скромную торговлю хлѣбомъ. Число людей, извлекающихъ крупные доходы всецѣло изъ своей общественной дѣятельности, очень невелико. Въ прежнія времена владѣніе собственностью обусловливалось, за рѣдкими исключеніями, какою-нибудь дѣятельностью, честною и безчестною, трудомъ, насиліемъ или обманомъ. Но акціонерный ингредиентъ современнаго общества не нуждается ни въ силѣ, ни въ мудрости. Безчисленные, неуловимые владѣльцы акцій въ наше время представляютъ нѣчто въ родѣ Меровинговъ. Акціонеръ владѣетъ міромъ *de jure*, въ силу общепризнаннаго права собственности; обязанность же приобрѣтать знанія, примѣнять ихъ, трудиться всецѣло падаетъ на другіе классы. Акціонеръ не сѣетъ, не жнетъ, онъ механически избавленъ отъ непріятности неудачи и пожинаетъ въ нашемъ грѣшномъ мірѣ всѣ практическія

блага золотого вѣка, безъ всякихъ нравственныхъ ограниченій.

Не мѣшаетъ разобраться въ предположеніяхъ, относящихся къ далеко не ясному вопросу: устоитъ ли черезъ сто лѣтъ въ общественномъ организмѣ этотъ факторъ незаслуженнаго богатства? Читателю безъ сомнѣнія понятно, что условія пріобрѣтенія акцій не допускаютъ возможности соединенныхъ дѣйствій акціонеровъ для защиты интересовъ своего класса. Такъ какъ между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ надежды на дивидендъ, такъ какъ это могутъ быть люди всякаго класса, всякой степени, образованія и способностей, всякаго характера, — люди, не имѣющіе причины читать однѣ и тѣ же газеты, собираться въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ и не связанные никакимъ взаимнымъ сочувствіемъ, кромѣ обыкновеннаго сочувствія между существами одного рода, то, въ случаѣ рѣшительной непріятельской атаки на нихъ, они врядъ ли будутъ въ состояніи принять какія-нибудь совмѣстныя мѣры для защиты доходовъ, извлекаемыхъ ими изъ общества. Прямое и рѣзкое отрицаніе существенныхъ принциповъ ихъ существованія, провозглашенное соціалистами, конечно встрѣчаетъ среди акціонеровъ широкую, хотя и неорганизованную оппозицію; но противъ тонкихъ, разнообразныхъ подтачиваній силой вещей въ ихъ средѣ не найдется ни коллективнаго пониманія, ни организованнаго сопротивленія. Масса акціонеровъ слишкомъ хаотична и разбросана для фактической самообороны, и поэтому рѣшеніе вопроса о продолжительности существованія этого, сравни-

тельно новаго общественнаго элемента въ настоящей или въ измѣненной формѣ зависитъ всецѣло отъ такъ называемыхъ естественныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ общественномъ организмѣ. Если законы эти будутъ благопріятствовать существованію массы акціонеровъ,—она устоитъ; если же нѣтъ,—она разсѣется, какъ туманъ подъ лучами солнца.

Если не считать нѣкоторыхъ старинныхъ корпорацій, которыя по существу были ростовщическими, но подѣ неограниченною отвѣтственности, то появленіе класса акціонеровъ слѣдуетъ отнести къ XVII вѣку; но полнаго своего развитія этотъ классъ достигъ лишь въ половинѣ XIX в.. Было ли появленіе его вызвано поднятіемъ извѣстной степени общественнаго кредита или же какою-нибудь другою силой? Повидимому, послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Судя по многимъ фактамъ, акціонерныя компаніи были вызваны къ жизни успѣхами механики. До того времени единственнымъ заемщикомъ былъ фермеръ; потомъ купецъ нашелъ, что міръ слишкомъ широкъ для силъ одного человѣка, а затѣмъ вдругъ и всякаго сорта ремесленники и возчики нашли, что они нуждаются въ примѣненіи новыхъ массовыхъ силъ, которое сулитъ имъ новое открытіе. Но обзаведеніе этими силами стоило дорого, и такимъ образомъ развитіе механики вызвало къ жизни акціонерныя компаніи, которыя однако свою настоящую форму получили только съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ. Классы ремесленниковъ и купцовъ, бывшіе до того времени хотя и необходимыми, но подчи-

ненными, получили новое оружіе, новыя силы; значеніе ихъ стало расти и доросло до главенствующей роли въ общественномъ организмѣ. Но прежде чѣмъ это новое оружіе попало въ ихъ руки, прежде чѣмъ установился этотъ новый богатый классъ, ему пришлось купить право нарушить установленный общественный порядокъ, и дивидендъ акціонера сдѣлался данью новой предприимчивости богатству. Акціею машина откупалась на волю. Въ сущности акціонеръ замѣнилъ отвѣтственнаго хозяина-собственника стараго порядка въ переходной фазѣ.

Если бы великій матеріальный прогрессъ XIX вѣка былъ окончательнымъ, если бы онъ представлялъ прямо революцію, а не только освобожденіе отъ опредѣленныхъ условій, въ которыхъ вращаются человѣческія дѣла, мы уже свели бы теперь наши счеты съ Мерovingами, какъ хотятъ свести ихъ социалисты. Но матеріальный прогрессъ не былъ окончательнымъ, и пока нѣтъ еще и признаковъ, что онъ скоро станетъ такимъ. Изобрѣтенія слѣдуютъ одно за другимъ и подчиняютъ насъ своему вліянію; каждое стремится упрочиться на относительномъ или абсолютномъ исключеніи предшествовавшаго. Государственный человѣкъ ищетъ въ социальной организаціи не устойчивости, а роста. И пока матеріальный прогрессъ растетъ, дань за нарушеніе стараго порядка надо продолжать уплачивать. Этотъ отливъ назадъ будетъ неизбѣжно продолжаться, пока течетъ рѣка прогресса. Даже если мы „муниципализируемъ“ всякаго сорта предпріятія, то и тогда не измѣнимъ

фактовъ существенно, а только замѣнимъ акціонеровъ, разсѣянныхъ во всей массѣ народа, корпорацией, которой будутъ принадлежать всѣ акціи. Сравненіе съ „водоворотомъ“ здѣсь очень умѣстно. Предпріятія будутъ возникать и исчезать; относительная цѣнность всякаго рода богатствъ будетъ мѣняться; старыя формы, старыя компаніи, отживая свое время, будутъ утрачивать значеніе; отдѣльныя личности изведутъ свои средства къ существованію; семьи и цѣлыя группы людей вымрутъ; нѣкоторое количество акцій во всемъ мірѣ будетъ сосредоточено искусными операціями въ немногихъ рукахъ; возможно, что иныя семьи и группы будутъ разорены повышаемыми налогами на наслѣдство и подоходнымъ налогомъ, но и послѣ подобныхъ перемѣнъ акціонерный элементъ не изведется, пока общество находится въ своей настоящей экспериментальной и прогрессивной стадіи. Самое разнообразіе, разбросанность и слабость общаго акціонернаго элемента, мѣшающая ему организоваться для защиты своихъ интересовъ или выработать какія-нибудь опредѣленные традиціи и положительный характеръ,—самая эта разбросанность не позволитъ ему препятствовать возникновенію все новыхъ и новыхъ предпріятій и новыхъ акціонеровъ на мѣсто прежнихъ...

На противоположномъ полюсѣ отъ акціонеровъ находится другой классъ людей, появленіе которыхъ также было неизбѣжнымъ результатомъ крупнаго перехода отъ прежняго застоя ко всеокушающему прогрессу. Этимъ вторымъ плодомъ его было появленіе большого числа людей, не имѣ-

ющихъ никакой собственности и никакой видимой функціи въ общественномъ организмѣ. Этотъ новый элементъ, особенно замѣтный въ городахъ, и называется „городской бѣднотой“, хотя отличительныя черты его встрѣчаются и въ деревняхъ. Въ большинствѣ случаевъ эта категорія людей состоитъ изъ преступниковъ, паразитовъ, живущихъ на счетъ другихъ классовъ, но чаще изъ людей, трудящихся за такую плату, которая, въ безнадежной конкуренціи съ машиной, не покрываетъ необходимѣйшихъ нуждъ человѣческаго существованія, хотя трудъ этихъ людей пока еще дешевле машиннаго труда. Это, по народному выраженію, „затонувшая“ часть общественнаго тѣла, толпа безъ вождя, безъ цѣли, которую неотразимо влечетъ въ пропасть. Это люди, не успѣвшіе ни за что ухватиться въ измѣнившемся порядкѣ вещей, созданномъ появленіемъ машины. Одни изъ нихъ выброшены ею за бортъ, или потеряли работу потому, что извѣстная отрасль промышленности перенесена по новооткрытому пути въ какую-нибудь отдаленную часть свѣта; другіе родились въ такихъ условіяхъ, которыя не дали имъ случая подготовиться къ настоящему труду. Въ пропасть, вырытую машиной, валятся всѣ отбросы измѣнившихся условій промышленности. Люди эти женятся и плодятся; къ нимъ присоединяются промотавшіеся жуиры, неудачники и неспособные изъ высшихъ классовъ.

Такъ какъ въ прежнія времена этотъ классъ, сравнительно болѣе сливавшійся съ другими, былъ не такъ замѣтенъ въ массахъ, какъ теперь, то

появленіе его дало поводъ къ заключенію, что эта наименѣе желательная часть общества стала черезчуръ плодovитой, и возникъ вопросъ о „быстромъ распложеніи неприспособленныхъ къ жизни“. Но, какъ извѣстно каждому врачу, практикующему въ трущобахъ, жизнь въ общественной „пропасти“ ведетъ къ вымиранію расы вслѣдствіе болѣзней взрослыхъ и слабости дѣтей, или безплодія, послѣдствія разврата. Это классъ, пополняющійся вербовкой, а не естественнымъ приростомъ. Къ какимъ бы средствамъ ни прибѣгали для улучшенія или замаскированія существеннаго характера этого общественнаго элемента, онъ будетъ существовать въ каждомъ прогрессирующемъ обществѣ, образуя собою контингентъ смерти. Человѣчество идетъ къ болѣе совершенной и болѣе требовательной организации, и пока оно—путемъ неопостижимой для моего ума предусмотрительности—не найдетъ средства предупреждать въ каждомъ поколѣніи рожденіе неспособныхъ, бесполезныхъ или просто лишнихъ людей, безсильная борьба за существованіе въ низахъ человѣчества будетъ въ большей или меньшей степени продолжаться. Существенные придатки человѣческаго общества: трущоба, тюрьма и богадѣльня, будутъ продолжать существовать въ той или другой формѣ.

Повсюду, гдѣ явились сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ Чикаго и въ Нью-Йоркѣ, какъ и въ Лондонѣ и Парижѣ, это движеніе совпало съ появленіемъ на общественномъ тѣлѣ неустранимыхъ наростовъ,—порочныхъ, безпомощныхъ, нищенствующихъ массъ. Есть полное основаніе предполагать,

что эта армія безработныхъ—собственно, и не способныхъ къ работѣ — будетъ существовать какъ классъ, пока цивилизація остается прогрессивной и экспериментальной въ ея настоящемъ направленіи. Отдѣльные личности будутъ погибать, но постоянно замѣщаются новыми. Ихъ жалкая жизнь будетъ какъ-нибудь утилизироваться; ихъ суровая доля—какъ-нибудь смягчаться¹; они могутъ сильно реагировать на соціальный строй, пытающійся вычеркнуть ихъ изъ жизни, но присутствіе и судьба ихъ, какъ мнѣ кажется, неустранимы, по крайней мѣрѣ еще въ продолженіе многихъ поколѣній. Они входятъ какъ составная часть въ физиологическій процессъ механики жизни,—часть, столь же неизбежная въ социальномъ организмѣ, какъ неизбежны отбросы въ фабричномъ производствѣ или отмираніе клѣточекъ въ организмѣ здороваго и дѣятельнаго человека.

Появленіе въ обоихъ концахъ общества этихъ двухъ бесполезныхъ классовъ, хотя и составляетъ

¹ Очень важнымъ факторомъ смягченія будутъ филантропическія заботы праздныхъ богачей. Въ обществѣ все разрастается классъ энергичныхъ людей — организаторовъ, секретарей, проповѣдниковъ, — дающихъ пищу филантропическимъ инстинктамъ богачей. Они доставляютъ своимъ богатымъ кліентамъ случаи испытать то чувство внутренняго удовлетворенія, которое дается сознаніемъ сдѣланнаго добра. Это одно изъ невинныхъ удовольствій праздной жизни. Но попытки пристроивать бѣдняковъ къ занятію посредствомъ субсидированныхъ мастерскихъ только отнять хлѣбъ у другихъ работниковъ и въ конечномъ результатѣ врядъ ли приведутъ къ какому-нибудь улучшенію.

наиболѣе яркую черту въ послѣдствіяхъ новой фазы развитія механики, но не есть существенный элементъ ея прогресса. Съ появленіемъ этой черты совпало исчезновеніе нѣкоторыхъ другихъ. Я уже сказалъ, что широкое и неправильное развитіе богатаго и безотвѣтственнаго класса людей все болѣе поглощало и ассимилировало старый классъ землевладѣльцевъ всякой степени. Прежній высшій классъ, какъ функционирующее орудіе въ государственной системѣ, растворился въ массахъ; а прежній низшій классъ, эта широкая и необходимая база соціальной пирамиды,—состоящая изъ невѣжественныхъ крестьянъ и рабочихъ, съ развитіемъ механики, уменьшающимъ надобность въ рабочихъ рукахъ, начала распадаться и обваливаться по частямъ въ пропасть. Но рядомъ съ этими двумя процессами идетъ третій, еще болѣе важный: это преобразование и широкое размноженіе того класса, который въ прежнее время считался среднимъ. Теперь онъ не средній болѣе. Вѣрнѣе будетъ сказать, что всѣ отдѣльные классы старой системы смѣшались и растворились ¹, и въ этой огромной смѣси появились люди всякаго сорта; одни плаваютъ на массахъ безотвѣтственной собственности; другіе прикрѣплены къ небольшимъ буямъ; нѣкоторые отчаянно цѣпляются за ничтожные атомы; большая и разнородная толпа плаваетъ безъ всякой поддержки или съ очень незначительной сравнительно съ ея собственными усиліями, а

¹ Авторъ оговаривается, что онъ оставляетъ въ сторонѣ духовенство.

другая не менѣе разнохарактерная масса пловцовъ цѣпляется за богатыхъ, сжимаетъ пустые кулаки и идетъ ко дну. Такова типичная картина современнаго общества. Она можетъ быть примѣнима и къ Соединеннымъ Штатамъ, и къ любому изъ западно - европейскихъ государствъ; и недалеко время, когда развитіе средствъ сообщенія и акціонернаго метода веденія дѣлъ распространять ее по всему міру, за исключеніемъ нѣсколькихъ острововъ и неприступныхъ мѣстностей. При великомъ разнообразіи языковъ, при множествѣ противорѣчивыхъ моральныхъ и религіозныхъ традицій, при разнообразіи расовыхъ темпераментовъ, внукамъ бѣлыхъ и черныхъ, краснокожихъ и коричневыхъ людей придется искать, болѣе или менѣе сознательно, возможности къ пониманію другъ друга во взаимныхъ сношеніяхъ при такихъ новыхъ, небывалыхъ общественныхъ условіяхъ. Но самая перемѣна эта не будетъ поддаваться контролю ихъ ума; всемірная быстрота сообщеній, исчезновеніе границъ городовъ и селъ, расплывчатость общественныхъ классовъ будутъ казаться процессами, столь же независимыми отъ коллективнаго человѣческаго разума и мѣстныхъ особенностей и предразсудковъ, какъ независимы вѣтеръ и морскіе приливы...

Само собою разумѣется, что интересъ этихъ соображеній сосредоточивается по преимуществу на среднемъ классѣ народа, въ который не входятъ ни пассивно разбогатѣвшіе нѣмые члены акціонерныхъ компаній, ни люди безнадежно выброшенные изъ этого процесса обогащенія. Съ нашей точки зрѣнія — изслѣдованія грядущаго—эти

бездѣйствующія массы не представляли бы никакого интереса, если бы онѣ не обладали огромною возможностью реагировать на активно живущую часть общественного организма. На первый взглядъ и эта часть кажется такою же расплывчатою по составу, какъ и праздные собственники, плавающие на поверхности, или безработные, идущіе ко дну. Прежнія опредѣленные подраздѣленія среднего класса измѣнились и границы ихъ стерлись. Такъ, напримѣръ, мелочной торговецъ, когда-то представлявшій однородный классъ во всей Европѣ, превратился въ приказчика огромныхъ компанейскихъ складовъ всякаго товара и бьется изъ того, чтобы сдѣлаться торговымъ агентомъ или комиссіонеромъ, ищетъ мѣста или валится въ пропасть. Но всматриваясь въ эту массу ближе, можно замѣтить, чего не замѣтно въ двухъ другихъ элементахъ, — то, что рядомъ съ процессомъ распаденія и нерѣдко подъ видомъ его, происходятъ другіе процессы, благодаря которымъ люди самаго различнаго происхожденія, съ самыми несхожими традиціями, образуютъ множество новыхъ группъ, отличающихся большими особенностями характеровъ и идеаловъ.

Такъ, напримѣръ, существуютъ міриады неорганизованныхъ группъ, подходящихъ подъ общее названіе „механиковъ и инженеровъ“, если употреблять его въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время невозможно даже представить себѣ универсальный типъ инженера или механика. Вылѣзающій изъ машинной камеры человѣкъ съ чернымъ, лоснящимся лицомъ, пожалуй, могъ

бы служить такимъ типомъ, если бы мы не знали механика по санитарной части съ его фаянсовыми и свинцовыми орудіями, электротехника съ его маленькими чашками и проволоками, горного и желѣзнодорожнаго инженера, фабриканта автомобилей, эксперта по ирригаціи. Даже взявъ какую-нибудь специальную отрасль изъ этой массы новыхъ профессій, принесенныхъ развитіемъ механики, все-таки приходится разбираться въ непереваримой смѣси. Взглянемъ, напримѣръ, какая армія техниковъ понадобилась для издѣлія и починки только одного нового изобрѣтенія: велосипедовъ! Велосипедные мастера, часовщики, кузнецы, мастера, изготовляющіе музыкальные инструменты, починяющіе швейныя машины, странствующие приказчики, торговцы желѣзными издѣліями, представители всѣхъ старыхъ ремеслъ захвачены прогрессомъ и служить, съ болѣе или менѣе недостаточными знаніями и подготовкой, въ новыхъ отрасляхъ промышленности. Но останется ли при дѣлѣ такая армія? Отъ всей этой разнокалиберной массы обществу нужны лишь извѣстные элементы, и кто не сумѣетъ дать ихъ въ этой конкурирующей массѣ, тотъ будетъ замѣненъ другимъ и столкнутъ въ пропасть. Даже самый послѣдній изъ этихъ работниковъ долженъ понимать устройство машины, издѣлію или починкѣ которой онъ содѣйствуетъ, а каждая машина не только очень сложна сама по себѣ, но еще существуетъ въ различныхъ образцахъ, которые, кромѣ того, постоянно измѣняются и обѣщаютъ измѣняться и въ будущемъ благодаря усовершенствованію той или другой части ихъ. Огра-

ниченнѣй запасъ знанія, какого достаточно столярѣ или конюхѣ, здѣсь не вывезетъ. Механикѣ долженъ быть уменъ и смѣтливъ; онъ долженъ быть всегда готовъ встрѣтить новыя формы, новыя требованія; и въ то же время долженъ понимать то главное, основное, что не измѣняется практическими пріемами. Другими словами, механикѣ долженъ быть образованъ, а не только обученъ на практикѣ подобно старымъ ремесленникамъ. Массѣ этихъ послѣднихъ грозитъ теперь нашествіе автомобилей, сулящее новыя затрудненія, новую конкуренцію и новое вознагражденіе за знаніе. Плохо будетъ тѣмъ работникамъ, которые не приготовлены считаться съ задачами, обѣщающими возникнуть! Въ продолженіе всего будущаго столѣтія этотъ особый корпусъ механиковъ будетъ набирать новыхъ рекрутовъ и исключать неспособныхъ. Вѣроятно, съ годами въ немъ выработаются общія черты и общее сознаніе необходимости научной подготовки, по крайней мѣрѣ въ отрасли механики и химіи, а также сознаніе необходимости умственнаго развитія всѣхъ до самой низшей ступени.

Но производители и ремонтеры велосипедовъ и автомобилей составляютъ во всякомъ случаѣ лишь небольшую спеціальную часть общаго корпуса техниковъ и инженеровъ. Ежегодно новыя изобрѣтенія создаютъ новыя отрасли дѣятельности, и частыя перемѣны ихъ характера и методовъ, не позволяя образоваться рабочимъ стараго типа, дѣйствующимъ по навыку и рутинѣ, призываютъ къ дѣлу свѣжія силы—рабочихъ-охотниковъ, изъ которыхъ должны выработаться контингенты спо-

собныхъ и знающихъ механиковъ. Я желаю указать здѣсь главнымъ образомъ на то, что этотъ новый, многочисленный и все расширяющійся корпусъ техниковъ и инженеровъ во всѣхъ своихъ степеняхъ и развѣтвленіяхъ, начиная отъ организаторовъ большихъ предпріятій до помощника хозяина мѣстной ремонтной лавки, стремится сдѣлаться классомъ образованныхъ и приспособленныхъ къ своему дѣлу техниковъ въ противоположность прежнимъ ремесленникамъ, не бывшимъ ни тѣмъ, ни другимъ. Насколько въ дѣйствительности способенъ подняться общій уровень научнаго и практическаго образованія этого класса и насколько можно разсчитывать на инициативу его низшихъ рядовъ,—это вопросъ сложный, зависящій отъ разнообразныхъ условій, которыя мы рассмотримъ впослѣдствіи. Но и теперь уже намѣчены, по крайней мѣрѣ, первоначальныя условія возникновенія новаго, многочисленнаго, интеллигентнаго и приспособленнаго къ дѣлу общественнаго элемента.

Посмотримъ, въ чемъ состоятъ главныя препятствія на пути къ выдѣленію въ наступающее столѣтіе изъ существующаго хаоса такого элемента, снабженнаго всѣми знаніями, организованнаго и сознающаго свою роль и свои опредѣленные цѣли. Прежде всего является препятствіемъ духъ рабочихъ союзовъ, консервативная зараза старой ремесленной системы. Рабочіе союзы возникли по традиціи этой системы, когда въ каждой отрасли промышленности существовалъ антагонизмъ между нанимателемъ и рабочимъ, какъ спеціальныи примѣръ отношеній вообще между бариниомъ, или че-

ловѣкомъ интеллигентнымъ, не поставляющимъ на общество физическаго труда, и простолюдиномъ, поставляющимъ только такой трудъ. Интересъ нанимателя состоялъ въ томъ, чтобы выжать какъ можно больше работы изъ своихъ наемниковъ; для рабочаго же, у котораго не было другихъ перспективъ въ жизни, кромѣ труда до гробовой доски, дополнительною цѣлью жизни было дать этого труда какъ можно меньше. Чтобы держать необходимаго работника въ повиновеніи, политика предписывала лишать его образованія и держать насколько возможно ближе къ положенію вьючнаго скота. Работники же, чтобы сдѣлать свою жизнь сколько-нибудь сносною въ виду постоянного размноженія народонаселенія, поощряемаго законами страны, были вынуждены, въ предохраненіе отъ абсолютной нищеты, придумать правила, которыя ограничивали бы условія труда,—правила, только усложнившія эти условія, не мѣшая сторонамъ уклоняться отъ нихъ. Въ старѣйшихъ отрасляхъ труда, какъ, напримѣръ, въ строительномъ дѣлѣ, традиціонный антагонизмъ интересовъ сторонъ, подкрѣпленный невообразимо нелѣпыми правилами, фактически затормозилъ всякій прогрессъ ¹. Тѣ

¹ Авторъ предвидитъ въ будущемъ вѣкѣ полную революцію въ строительномъ искусствѣ. Возведеніе каменныхъ стѣнъ въ настоящее время требуетъ сложной и кропотливой работы, а результаты ея очень непрочны. Подъ вліяніемъ сырости, холода и солнца всѣ матеріалы, изъ которыхъ строятся каменные стѣны, подвергаются химическимъ реакціямъ, вредящимъ ихъ прочности. Человѣчество все еще придерживается монументальныхъ tradi-

же вліянія отражаются и въ новѣйшихъ отрасляхъ труда. Даже въ такихъ, въ которыхъ новыя условія вызвали къ жизни новый типъ рабочихъ ¹ и открыли путь къ образованію группъ рабочаго люда съ болѣе высокимъ образовательнымъ цензомъ, даже и въ нихъ старыя традиции все еще преобладаютъ. Свинцовыхъ дѣлъ мастеръ въ Англіи дорожитъ своимъ положеніемъ простаго рабочаго, какъ добродѣтельная женщина своею честью; онъ охраняетъ себя отъ всякихъ улучшеній въ своемъ ремеслѣ, работаетъ строго опредѣленные часы и специально опредѣленными способами въ томъ основательномъ предположеніи, что безъ этихъ ограниченій каждый глупецъ сумѣетъ дѣлать и прокладывать водопроводныя трубы не хуже его. Всему, что онъ знаетъ, онъ выучился отъ другого водопроводчика въ свои ученическіе годы, и теперь до конца жизни будетъ стараться только о томъ, чтобы работать какъ можно медленнѣе, и сокращать рабочіе часы какъ можно болѣе. Новыя изобрѣтенія не только неспособны поощрить его, но всякое улучшение въ санитарномъ дѣлѣ—въ Англіи, по крайней мѣрѣ,—тормозится вопросомъ, „поймутъ ли его водопроводчики“. Будь Англія одна на свѣтѣ, я думаю, что всякій шагъ впередъ въ механикѣ или инженерномъ искусствѣ велъ бы къ такому же застою на той степени

цій пирамидъ, тогда какъ, по мнѣнію автора, можно бы строить здоровые, переносные и вполне удобные дома изъ желѣзнаго остова, обтянутаго проволокою съ тѣью, выложенной войлокомъ и обитой непромокаемой бумагой.

¹ Какъ, на примѣръ, газо- и водопроводчики.

развитія, которая позволяетъ трэдъ-юніону платить жалованье своему секретарю. Но Англія не одна на свѣтѣ, и строительная промышленность не можетъ служить типомъ другихъ отраслей, такъ какъ ей принадлежитъ монополія, какой никакая охранительная система не въ состояніи закрѣпить за другими отраслями. Намъ надо строить домъ тамъ, гдѣ мы живемъ, а вызовъ рабочихъ изъ другого мѣста сопряженъ съ неудобствами и обходится дорого; поэтому, если мы не можемъ имѣть такой домъ, какой желали бы, мы довольствуемся наименѣе неудобнымъ. Но велосипедъ, автомобиль, желѣзныя издѣлія, мебель, машины, рельсы, суда можно привезти изъ другого мѣста. Поэтому община, которая будетъ прилагать наименѣе стараній для образованія такихъ механиковъ и инженеровъ, которые отступали бы отъ старой и рабской промышленной рутины, будетъ обладать, въ годы предстоящаго прогресса, несоразмѣрнымъ количествомъ бросоваго рабочаго элемента, промышленность уйдетъ изъ нея въ другое мѣсто и общинѣ останется только огромный контингентъ кандидатовъ для пропасти.

Мы имѣемъ въ виду не специальную, а типичную цивилизованную общину 2000 года (оставляемъ пока въ сторонѣ судьбы государствъ и имперій), а въ этой будущей общинѣ, гдѣ бы она ни была, вѣроятно, явится, взамѣнъ нынѣшнихъ рабочихъ классовъ, огромный и почти однородный корпусъ механиковъ и инженеровъ, болѣе или менѣе талантливыхъ, но безъ всякихъ разграничительныхъ чертъ. Для принадлежности къ это-

му классу, который явится новымъ общественнымъ корпусомъ, новою силой въ исторіи міра, будетъ требоваться извѣстный минимумъ образованія и развитія.

Появленіе такого корпуса обусловливается существованіемъ въ наличности болѣе чѣмъ зародышеваго зерна инженеровъ и обученныхъ механиковъ. Такъ какъ этотъ новый классъ будетъ образованнымъ, то надо предположить, что явятся и учителя, отвѣчающіе его надобностямъ. Нынѣшніе жалкіе англійскіе учителя, духовнаго или полудуховнаго званія, съ ихъ обрывками латинской и греческой учености, крохами математики, полнымъ невѣжествомъ въ педагогіи и комическимъ чванствомъ, далеки отъ того типа учителя, какой понадобится этому новому классу. Такъ какъ у него будутъ свои коллективные интересы и свои идеи, то, конечно, онъ создастъ и свою литературу съ новымъ типомъ писателя и съ новыми элементами печати. Все это поведетъ къ полной реформѣ школьнаго дѣла и къ перевороту въ положеніи тѣхъ классовъ, которые иначе могли бы остаться тѣмъ, что они представляютъ собою теперь, напримѣръ, въ старшемъ поколѣніи ремесленниковъ.

Процессъ обновленія этимъ не ограничится; распространеніе все болѣе и болѣе научнаго способа труда и приспособленныхъ къ нему рабочихъ поведетъ къ примѣненію такихъ приѣмовъ въ земледѣліи, о какихъ пока можно только мечтать; и распространеніе по странѣ новаго класса рабочихъ—предположивъ, что высказанныя мною во вто-

рой главѣ предсказанія осуществляются—будетъ рычагомъ движенія, которымъ создадутся улучшенныя школы земледѣлія. Старыя, фактически автономныя фермы, вѣроятно, уступятъ мѣсто большому разнообразію способовъ культуры съ соответственными машинами, сберегающими трудъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, будущее сулитъ разнообразіе. Фактическое уничтоженіе разстояній сдѣлаетъ то, что въ каждомъ округѣ будутъ выращиваться только тѣ продукты, для которыхъ почва его болѣе благоприятна, и въ производствѣ его будетъ соблюдаться возможно большая экономія труда посредствомъ примѣненія новѣйшихъ изобрѣтеній науки. Главное препятствіе къ такой системѣ встрѣтится въ странахъ, гдѣ развито мелкое арендаторство. Населеніе мелкихъ фермеровъ, положеніе которыхъ достаточно унрочено, представитъ безнадежно неподвижную стѣну передъ прогрессивной эволюціей. Аркадская простота и здоровье этихъ фермеровъ, и польза, которую они извлекаютъ даже изъ маленькихъ рукъ въ своей семьѣ, естественно доводятъ населеніе ихъ клочка земли до такого предѣла размноженія, за которымъ остается лишь одна возможность существованія. Фермеръ уклоняется отъ образованія и живетъ одной семьей со своими дѣтьми и животными. У него никто не долженъ сидѣть праздно, и даже бабушка полетѣть траву въ огородѣ. Чистая прибыль его меньше, чѣмъ въ хозяйствахъ, поставленныхъ на широкую ногу, но валовой доходъ относительно больше и обыкновенно часть его заложена. Куры этихъ фермеровъ

будутъ еще много десятковъ лѣтъ клевать зерна, а дѣти просить милостыню при новыхъ дорогахъ, проведеніе которыхъ мы предсказали. Эта аркадская жизнь на вольномъ воздухѣ скоро дастъ свои плоды въ сѣверной Франціи и Бельгіи, какъ дала ихъ въ Ирландіи, въ формѣ многихъ голодныхъ годовъ. Она съ незапамятныхъ временъ ведется въ Китаѣ вмѣстѣ съ обычаемъ убиванія дѣтей женскаго пола; а теперь нѣкоторые почтенные господа пытаются ввести ее и въ Англіи. Неизбѣжно въ томъ же направленіи будутъ развиваться и фермы на Капѣ, гдѣ британское правительство предоставило каффрама въ неотъемлемую аренду небольшіе клочки земли. Въ южныхъ изъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ такимъ же образомъ сидятъ на землѣ и плодятся негры. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти стоячія воды перенаселенности, которыя будутъ кишѣть ею до тѣхъ поръ, пока общественный умъ не дорастетъ до пониманія необходимости дренажа, предоставятъ въ XX вѣкѣ нѣчто подобное—только въ большихъ размѣрахъ—городскимъ трущобамъ XIX вѣка, которымъ скоро суждено исчезнуть. Но все же я полагаю, что эти сельскія гнѣзда могутъ создавать только мѣстныя задержки преобразованію земледѣлія и садоводства на болѣе широкихъ экономическихъ началахъ, которыя допускаются прогрессомъ механики, и не могутъ помѣшать появленію типа земледѣльца, такого же умнаго, дѣятельнаго, умѣлаго и чуждаго предразсудковъ, какъ и будущій инженеръ.

Еще одинъ большой классъ общества — воен-

ный—также будетъ захваченъ въ кругъ эволюціи и подвергнется глубокимъ измѣненіямъ. О вѣроятномъ развитіи военнаго дѣла мы будемъ говорить въ одной изъ позднѣйшихъ главъ, здѣсь же ограничимся лишь указаніемъ на то, что уже и теперь механика открываетъ солдату обширные горизонты, хотя, правда, еще туманные. Пока фактическимъ пріобрѣтеніемъ его служатъ только ружья, изъ которыхъ онъ не умѣетъ цѣлиться, и пушки, которыми онъ еще не выучился управлять. Весьма возможно, что и моряки находились бы до сихъ поръ въ такомъ же положеніи, если бы не исключительныя условія, создавшія броненосцы во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Наука предлагаетъ солдату транспортныя средства, которыми онъ не пользуется; ландкарты, съ которыми онъ не знакомится; усовершенствованныя траншеи, способы проведенія дорогъ, рекогносцировки съ воздушныхъ шаровъ, переносные пищевые запасы, предохранительныя средства отъ болѣзней, тысячи способовъ гарантировать себя противъ страшныхъ случайностей войны. Но нынѣшній солдатъ—я подразумѣваю не только англійскаго—считаетъ всѣ эти новшества только аксесуарами, да и то ненадежными, ко многовѣковой военной рутинѣ. Онъ, какъ и водопроводчикъ, дорожитъ своею неповинностью въ техническихъ знаніяхъ.

Всѣ европейскія арміи организованы по старому шаблону, въ основѣ котораго лежитъ дѣленіе на конницу и пѣхоту, отвѣчающее дѣленію чело-вѣчества на дворянъ и простолюдиновъ. Все еще

существуютъ офицеры, со всѣми традиціями стараго дворянства, и солдаты, представляющіе собою механическую силу, основу арміи. Англійская армія, напимѣръ, все еще вѣритъ въ традицію, что солдаты ея—абсолютные невѣжды, которымъ втемяшиваются кое-какія познанія въ военномъ искусствѣ посредствомъ горланья и усиленной маршировки на плацъ-парадахъ. Почти всѣ разсужденія о военныхъ дѣлахъ вертятся на нелѣпомъ предположеніи, что существуетъ только два рода войскъ, кавалерія и пѣхота. „Велосипедисты принадлежатъ къ пѣхотѣ“ объявило, въ виду наступающаго переворота, англійское военное министерство въ инструкціи, изданной въ 1900 г. Желѣзныя дороги существуютъ уже полвѣка, а въ обществѣ, въ которомъ военные интересы играютъ такую важную роль, все еще нѣтъ организованнаго корпуса искусныхъ специалистовъ, умѣющихъ строить, исправлять, перестраивать эти дороги и руководить такимъ важнымъ элементомъ въ новомъ социальномъ механизмѣ, какъ желѣзнодорожная система. И такое дѣло будетъ наугадъ ввѣрено, въ будущей европейской войнѣ, какому-нибудь невѣждѣ, принадлежащему къ тому или другому изъ двухъ доисторическихъ родовъ оружія... Впрочемъ я считаю настоящее положеніе дѣлъ переходнымъ. Возможно, что и послѣ нѣсколькихъ новыхъ, большихъ и кровопролитныхъ войнъ между европейскими державами, въ военномъ искусствѣ, коренящемся въ старыхъ условіяхъ, не произойдетъ существенныхъ перемѣнъ; но рано или поздно—быть можетъ въ борьбѣ, которая послѣдуетъ за

падениемъ одной изъ старыхъ тяжелыхъ и тупыхъ боевыхъ силъ—явится новый типъ военнаго человека: хладнокровный, здравомыслящій, свѣдущій въ механикѣ, не считающій себя болѣе джентльменомъ, чѣмъ его подчиненный или всякій другой человекъ, сознающій свое человѣческое достоинство...

Взглянемъ теперь вскользь на нѣкоторые побочные вопросы, представляющіе интересъ, которые, впрочемъ я оставляю безъ отвѣта. Какъ будетъ реагировать напримѣръ, появленіе большой массы образованныхъ и интеллигентныхъ элементовъ на положеніе и качество медицинской профессіи и какое вліяніе окажутъ новыя нужды этой массы на юридическую профессію? Преобразуетъ ли оно существующій корпусъ юристовъ или вызоветъ къ жизни параллельный корпусъ болѣе опытныхъ и гибкихъ факторовъ, которые будутъ служить руководителями и помощниками въ дѣловыхъ операціяхъ. Говоря объ этомъ послѣднемъ элементѣ, нельзя не коснуться и еще одного класса, противоположнаго во многихъ своихъ существенныхъ чертахъ классу людей способныхъ, которымъ будетъ принадлежать главная роль въ общественномъ организмѣ. Я говорю о постоянно разрастающемся въ обществѣ элементѣ людей дѣятельныхъ, но не производителей, занятыхъ болѣе или менѣе нужными операціями по части организаціи и движенія различныхъ дѣлъ, пропагандирования ихъ и торговли. Къ этому роду людей принадлежатъ люди, ведущіе различныя дѣла, общественныя или частныя; организаторы политиче-

скихъ партій, маклера, комиссіонеры, финансисты различныхъ степеней, включая алчную толпу биржевыхъ игроковъ, случайныхъ и профессиональныхъ, и все сонмище пробавляющихся около нихъ клерковъ, писакъ на машинѣ и всякихъ другихъ помощниковъ. Весь этотъ классъ людей имѣетъ между собою то общее, что трудится для удовлетворенія не основныхъ потребностей общества, вызываемыхъ естественными законами, а случайныхъ, порождаемыхъ предразсудками или эмоціями массъ. Отъ этого рода людей требуются скорѣе осторожность, хитрость, чѣмъ умъ; скорѣе ловкость, чѣмъ сообразительность; они всегда придаютъ болѣе значенія внѣшности, эффекту, чѣмъ реальной сущности вещей. Эта разнокалиберная масса, вѣроятно будетъ стремиться установить культъ своего идеала, политическаго и финансоваго дѣльца, противодѣйствуя тѣмъ силамъ притяженія, которыя будутъ привлекать новыя общественныя массы группироваться вокругъ ученаго инженера... ¹

Вотъ въ главныхъ чертахъ общественные элементы будущаго, какъ они представляются мысленному взору автора: 1) акціонеры, 2) безпомощные бѣдняки, образующіе ту широкую базу необученныхъ рабочихъ, въ которыхъ не будетъ болѣе существенной надобности, 3) классъ болѣе

¹ Любопытные вопросы о будущности прислуги класса и о будущности художниковъ мы считаемъ болѣе удобнымъ рассмотреть въ позднѣйшихъ главахъ, гдѣ мы будемъ въ состояніи подробнѣе говорить о домашней жизни, чѣмъ теперь, когда мы еще не успѣли дать яснаго понятія о сортѣ людей, которые будутъ вести эту жизнь.

или менѣе способныхъ людей, сознательно примѣняющихъ къ общимъ нуждамъ накопляющіеся запасы знанія; стремящійся организовать въ систему взаимно-солидарныхъ образованныхъ классовъ съ общими цѣлями, удача или неудача которыхъ составляетъ вопросъ будущаго; 4) не менѣе многочисленный классъ людей, живущихъ непродизводительнымъ трудомъ, благодаря общественной неурядицѣ.

Всѣ эти элементы смѣшаются, переходя одинъ въ другой незамѣтными градаціями, и разселятся по обширнымъ городскимъ районамъ и промежуточнымъ сельскимъ пространствамъ, эскизъ которыхъ мы набросали въ первыхъ главахъ. Классы эти безсознательно образуются уже и въ настоящее время подъ вліяніемъ прогресса механики, но развитіе ихъ еще стѣсняется старыми традиціями. Законы и правительственныя системы, которымъ они подчинены, вошли въ силу до изобрѣтенія парового двигателя. Административные округа распредѣлены сообразно условіямъ конныхъ сообщеній. Въ Великобританіи, напримѣръ, политическая конституція и соотношеніе сословій и партій еще основаны на компромиссахъ давно исчезнувшаго антагонизма. Палата лордовъ представляетъ собою собраніе отжившихъ свое время феодаловъ, подкрѣпленныхъ епископами и новѣйшими богачами. Палата общинъ служитъ очагомъ борьбы партій, давно утратившей реальное значеніе для текущей общественной жизни. Члены этой палаты избираются путемъ темныхъ партійныхъ махинацій, вліяющихъ на избирателей, корпуса

которыхъ давно стали слишкомъ ограниченными и разнохарактерными, чтобы между ними могли существовать какіе-нибудь общіе взгляды или цѣли. Въ теоріи палата общинъ охраняетъ интересы классовъ, которые въ дѣйствительности распадаются на множество взаимно антагонистическихъ элементовъ. Новый классъ способныхъ людей, типомъ которыхъ служатъ инженеры, — людей, которые будутъ представлять активное начало въ новомъ социальномъ тѣлѣ, вооруженномъ новѣйшими открытіями въ механикѣ, — этотъ классъ находитъ себѣ лишь случайныхъ представителей въ обѣихъ англійскихъ палатахъ. Человѣкъ, посвятившій себя интересамъ общественнаго здоровья, преобразованію арміи, или школьной системы, или улучшенію путей сообщеній, можетъ сдѣлаться членомъ официальныхъ государственныхъ учреждений не иначе, какъ въ качествѣ представителя интересовъ свободныхъ или зависимыхъ избирателей какого-нибудь спеціальнаго округа, который давнымъ-давно не имѣетъ никакихъ спеціальныхъ интересовъ. Китайская устарѣлость официальныхъ учреждений замѣчается не только въ Англіи, но въ большей или меньшей степени и во всемъ мірѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, напримѣръ, гдѣ общество опередило на пути прогресса всѣ другія государства, оно бьется въ желѣзныхъ тискахъ конституціи, основанной на началахъ, выработанныхъ группой маленькихъ земледѣльческихъ государствъ, однородныхъ въ своемъ внутреннемъ составѣ и находившихся въ стадіи развитія Трансвааля до-іоганнесбургскаго періода. Они имѣли

мало сношеній между собою и каждое составляло автономную республику свободныхъ фермеровъ, частію рабовладѣльцевъ. И вообще въ каждой странѣ, если она имѣла какую-нибудь организацію, эта организація была принаровлена къ прочно установленнымъ территоріальнымъ границамъ. Ни въ одной нѣтъ и намека на возможный въ будущемъ переворотъ въ топографіи страны при новыхъ сообщеніяхъ, а разъ человѣчество вступило въ періодъ перемѣнъ, которыхъ мы видимъ пока только начало, то надо ожидать, что въ исторію предстоящихъ годовъ будетъ занесено не мало сознательныхъ или безсознательныхъ усилій приспособить устарѣвшія и обветшавшія формы управленія къ новымъ, постоянно расширяющимся и преобразовывающимся нуждамъ общественнаго организма, а также къ исправленію или устраненію традицій, когда-то разумныхъ, а въ настоящее время только препятствующихъ прогрессу, и къ снесенію границъ, въ которыхъ могли уживаться старыя государства. До золотого вѣка намъ еще далеко. Пока человѣчество еще такъ ограничено умственно, такъ эгоистично, подчинено своимъ страстямъ, невѣжественно и руководится невѣждами,—внутреннія перестройки означаютъ мятежи, революціи, а исправленіе границъ означаетъ войну. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ конфликтамъ и войнамъ, надо разсмотрѣть нѣкоторыя общія соціальныя реакціи.

IV

НѢКОТОРЫЯ СОЦІАЛЬНЫЯ РЕАКЦІИ

Мы можемъ теперь указать и разсмотрѣть нѣкоторые общіе пути, какими разнородные факторы и элементы разлагающагося общества настоящаго времени реагируютъ одинъ на другой, и сообразить, какія окончательныя заключенія можемъ мы вывести, если только это возможно, относительно личнаго характера людей 2000 года на основаніи взаимнаго реагированія тѣхъ общественныхъ классовъ, которые мы попытались очертить.

Начнемъ съ того класса, направленіе развитія котораго въ будущемъ можно предположить съ наибольшею достовѣрностью. Классъ акціонеровъ, этотъ классъ спекуляторовъ, стоящій на дорогѣ къ пропасти, можетъ развиваться въ безчисленныхъ направленіяхъ, смотря по внѣшнимъ вліяніямъ на него. Но въ развитіи центральной, наиболѣе типичной части общественнаго организма: ученыхъ инженеровъ или ученыхъ медиковъ, мы можемъ съ достовѣрностью предположить извѣстное направленіе. У нихъ должны выработаться извѣстные взгляды, извѣстный складъ ума, которые отразятся въ массахъ. Я думаю, можно даже составить

себѣ нѣкоторое понятіе о жилищахъ, въ которыхъ будутъ жить въ непродолжительномъ времени типичные представители этого класса.

Уже и въ наше время званіе инженера или врача заставляетъ предполагать, что человѣкъ получилъ извѣстнаго рода образованіе, а такой человѣкъ долженъ быть знакомъ съ научнымъ толкованіемъ явленій природы, и долженъ обладать положительнымъ и практическимъ образомъ мышленія. Человѣкъ, неспособный къ такому методу мышленія, будетъ стремиться перейти изъ этого центрального общественнаго класса къ какой-нибудь другой профессіи, болѣе отвѣчающей складу его ума. Люди центрального класса почти всегда будутъ проникнуты строгимъ сознаніемъ долга безотносительно къ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ; не будь у нихъ такого императива, они избрали бы родъ жизни, представляющій болѣе заманчивыя перспективы. Что же касается до ихъ религіозныхъ убѣжденій, то они должны быть основаны на какой-нибудь опредѣленной теологической системѣ, въ которую они будутъ искренно вѣрить и съ которою будутъ мириться ихъ научныя знанія; надо полагать, что эмоціи и мистицизмъ будутъ отсутствовать въ ихъ религіозности. Это будутъ существенно нравственные люди, по крайней мѣрѣ, настолько нравственные, чтобы обуздывать себя и вести моральную жизнь. Иначе такой человѣкъ не будетъ въ состояніи отдавать большую часть своей энергіи мысли и дѣлу, т.-е. не будетъ типичнымъ инженеромъ. Если въ человѣкѣ центрального класса

заговорить чувственность, то она будетъ чужда сантиментальности или мистицизма; для него лучше жениться, чѣмъ горѣть страстью; лучше сдѣлать необходимую уступку плоти, чтобы не вредить своей трудоспособности. Если въ нашемъ типичномъ случаѣ человѣкъ не будетъ склоненъ къ такой уступкѣ, или вспышки чувственности будутъ скоро проходящими, то надо предположить, что онъ предпочтетъ оставаться холостякомъ, или женатымъ лишь болѣе или менѣе. Значеніе этого „болѣе или менѣе“ мы обсудимъ впослѣдствіи, а пока для насъ удобнѣе представить человѣка женатымъ по традиціоннымъ правиламъ. Будучи человѣкомъ занятымъ, онъ не захочетъ имѣть женой женщину безпокойную, требовательную, которая отнимала бы у него дорогое время, и станетъ искать дѣвушку здоровую, умную и преданную, которая была бы товаркой мужа въ часы досуга и въ дѣлѣ воспитанія трехъ - четырехъ дѣтей, равно какъ и въ управленіи хозяйствомъ, не уступала бы ему въ техническихъ знаніяхъ. Я предполагаю, что у нихъ будетъ не одинъ ребенокъ, такъ какъ отецъ, при научной закваскѣ своего ума, будетъ склоненъ смотрѣть на жизнь не иначе, какъ на постоянную борьбу за выживаніе рода. Бездѣтная, бесплодная жизнь будетъ казаться ему, хотя и пріятной, но неудавшеюся, извращенной; онъ будетъ считать для себя вопросомъ чести имѣть потомство.

Такая чета, вѣроятно, будетъ одѣваться скромно, но прилично, не увлекаясь прихотями моды, избѣгая кричащихъ контрастовъ въ выборѣ цвѣтовъ

и эксцентрическихъ фасоновъ; эта чета не будетъ принадлежать ни къ записнымъ театрамъ, ни къ посѣтителямъ публичныхъ гуляній. Главнымъ интересомъ ея жизни, конечно, будетъ ея специальное дѣло, а второстепенными интересами: литература, — не слишкомъ сенсаціонная, путешествія, хорошая музыка. Вѣроятно, она будетъ живо интересоваться и общественными вопросами. Я полагаю, что такая семья, состоящая изъ отца, матери и дѣтей, будетъ обходиться безъ прислуги.

Предположеніе мое основано на двухъ достаточно основательныхъ причинахъ: во-первыхъ, семья не будетъ нуждаться въ прислугѣ; во-вторыхъ, прислугу нельзя будетъ найти. Въ современномъ небольшомъ хозяйствѣ она необходима за недостаткомъ нужныхъ качествъ у хозяйки, но главнымъ образомъ, за недостаткомъ надлежащаго устройства домовъ. Прислуга стряпаетъ и исполняетъ различныя домашнія дѣла, которыя хозяйка не умѣетъ, не привыкла или неспособна исполнять съ надлежащей точностью и аккуратностью. Надо однако признаться, что и нынѣшняя прислуга въ небольшихъ семьяхъ не исполняетъ этихъ обязанностей надлежащимъ образомъ, но большая часть ихъ состоитъ въ тяжелой и грязной работѣ, къ которой вынуждаетъ нелѣпое устройство современныхъ домовъ. Въ будущемъ ихъ, вѣроятно, будутъ строить разумнѣе. Возьмемъ, на примѣръ, хотя бы отсутствіе лифтовъ, которые избавляли бы людей отъ совершенно лишняго труда. Метенье и стираніе пыли также было бы легко устранить при разумномъ устройствѣ домовъ. Отсутствіе хоро-

шихъ согрѣвающихъ приспособленій создаетъ необходимость переноски огромнаго количества угля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грязи, которую приходится удалять съ такой большой затратой труда. Въ будущемъ дома, вѣроятно, будутъ нагрѣваться при помощи трубъ, проведенныхъ въ стѣны отъ общаго сильнаго очага тепла, подобно тому, какъ проводится въ настоящее время газовое освѣщеніе въ домахъ. Отсутствие хорошихъ способовъ вентиляціи также способствуетъ общему загрязненію домовъ и накопленію въ нихъ пыли, а газовое освѣщеніе и употребленіе темнѣющихъ металловъ прибавляютъ еще болѣе работы. Впослѣдствіи дома будутъ вентилироваться черезъ трубы въ стѣнахъ, въ которыхъ воздухъ будетъ нагрѣваться, пыль задерживаться, а испорченный воздухъ выводиться простымъ механизмомъ. Остальная очистка дома можетъ быть облегчена въ огромной степени простыми средствами. Въ нынѣшнихъ домахъ карнизы стѣнъ у пола кладутся прямыми углами, и хорошо вымести полъ вдвое труднѣе, чѣмъ было бы въ томъ случаѣ, если бы у людей хватило разсудка закруглять карнизы по угламъ.

Такимъ образомъ часть тяжелаго труда прислуги была бы устранена. Двѣ другія части уже и теперь начинаютъ исчезать. Во многихъ домахъ еще сохраненъ обычай наливать въ лампы керосинъ и чистить ваксой обувь. Въ будущемъ хозяйствѣ керосиновыхъ лампъ не будетъ, а что касается до обуви, то умные люди сознаютъ, какъ неловко носить на себѣ очевидные признаки постоянного чужого труда, и станутъ носить такую обувь,

чистка которой будетъ брать не болѣе минуты. А сколько труда требуетъ теперь наша спальня! Недостатки санитарнаго устройства домовъ не позволяютъ проводить въ спальню холодную и горячую воду, поэтому приходится приносить и выносить воду въ продолженіе цѣлаго дня. Все это прекратится. При каждой спальнѣ будетъ уборная съ умывальникомъ и ванной, которую люди благословитанные и умные будутъ сами прибирать. Такимъ образомъ прислугѣ останется только одно дѣло—прибирать постель, что возьметъ не болѣе пяти минутъ. Массу излишней работы беретъ въ настоящее время и столъ. „Мытье посуды“ означаетъ перемыванье и перетиранье каждаго предмета отдѣльно, тогда какъ можно было бы всю грязную посуду разомъ класть на нѣсколько минутъ въ очищающій растворъ и затѣмъ, сливши его, обсушивать. Такой же растворъ могъ бы служить и для мытья оконъ, если бы не ихъ примитивное устройство въ нашихъ домахъ, заставляющее тереть ихъ безъ конца. Одинъ слуга говорилъ мнѣ, что это нужно для просушки стекла, но я не могу согласиться съ этимъ. Вода не растворяетъ грязи вполнѣ и, при настоящихъ условіяхъ, не можетъ быть употреблена въ надлежащемъ количествѣ. Поэтому если вымытое стекло оставлено сырымъ, то оно высыхаетъ съ пятнами отъ растворившейся грязи въ водѣ. Проще было бы очищать окна соотвѣтственнымъ растворомъ черезъ спринцовку и затѣмъ промывать нѣсколько минутъ чистой водой. Такимъ способомъ для промывки стеколъ цѣлаго сада довольно было бы открыть кранъ водопровода.

Намъ остается еще поговорить о кухнѣ. Въ настоящее время стряпня со всѣми ея аксессуарами составляетъ очень серьезное дѣло. Уголь, зола, страшный жаръ у плиты, горячая посуда, которую нужно вертѣть, безтолковые рецепты кушаній, недостатокъ хорошихъ кухонныхъ снарядовъ и неумѣнье потребовать ихъ или пользоваться ими,— все дѣлаетъ профессію кухарки или повара тяжелой. Нельзя себѣ представить человѣка за стряпней иначе, какъ съ раскраснѣвшимся лицомъ и черными руками. Между тѣмъ опрятный небольшой таганъ, нагрѣваемый электричествомъ, съ заслонками отъ жара, съ термометромъ, позволяющимъ контролировать температуру, могъ бы сдѣлать стряпню не только не труднымъ, но даже пріятнымъ занятіемъ для пожилыхъ дамъ. Это напоминаетъ мнѣ, что нужно прибавить одну подробность къ картинѣ будущаго, нарисованной мною въ предыдущихъ главахъ: трубъ на домахъ не будетъ, за исключеніемъ одной—для отвода чада изъ кухни ¹. Не только трубъ не будетъ торчать на кровляхъ, но послѣднія сдѣлаются опрятнымъ и красивымъ дополненіемъ къ саду.

Не знаю, скоро ли сбудутся всѣ эти предсказанія. Если бы филантропы вздумали построить для опыта и примѣра рядъ домовъ съ приспособленіями къ сбереженію труда, то этимъ былъ бы сдѣланъ огромный шагъ впередъ въ дѣлѣ устройства удобныхъ жилищъ даже въ непосредственномъ буду-

¹ Объ этомъ и другихъ предметахъ говоритъ много интереснаго Джорджъ Сутерландъ въ своей книгѣ: „Twentieth Century Inventions“. (Изобрѣтенія XX вѣка.)

щемъ; но филантропія не принимаетъ у насъ такого практическаго направленія. А если бы и приняла, то филантропы оказались бы слишкомъ чувствительными къ лести, чтобы устоять передъ назойливостью патентованныхъ изобрѣтателей, и слишкомъ щекотливыми, чтобы извлечь пользу изъ критики, рѣдко соединяющей проницательность съ учтивостью. Вѣроятно, пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ расходы на рекламированіе такихъ домовъ уравниваются сбереженіями, въ теоріи возможными въ настоящее время. Но инженеры и врачи, безъ сомнѣнія, раньше всѣхъ оцѣнятъ выгоду избавленія отъ массы лишняго труда, и первые поднимутъ спросъ на дома раціональнаго устройства.

Будущія хозяйки раціональныхъ домовъ, конечно, захотятъ избавиться отъ трудовъ нынѣшней служанки, которую имъ придется замѣнить, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой части ея обязанностей. Съ этимъ хозяйкѣ придется примириться, такъ какъ найти служанку для маленькой семьи будетъ нелегко. Хотя едва-ли многія изъ нынѣшнихъ женщинъ способны протестовать противъ такой системы, при которой грубѣютъ руки и умы другихъ женщинъ, но протестъ — и весьма разумный — встрѣтится со стороны этихъ послѣднихъ, когда быстро распространяющееся просвѣщеніе подниметъ уровень ихъ знаній. Слуги прошлаго и единственные слуги настоящаго суть дѣти слугъ или дѣти стараго рабочаго сословія, лежавшаго въ основѣ общественной пирамиды и до послѣдняго времени сознававшего свое достоинство какъ

необходимаго элемента въ государствѣ. Машина разбила этотъ фундаментъ и разметала обломки; традиции подчиненнаго, но уважающаго себя элемента позабылись. Теперь даже такъ называемая „пропасть“ не хочетъ отпускать своихъ дочерей въ услуженіе. Въ Соединенныхъ Штатахъ не нашлось ни одной мѣстной бѣлой расы, которая поставляла бы слугъ, а молодые негритянки вырождаются въ нѣчто неожиданное, — что служить однимъ изъ многихъ стимуловъ къ мелкой изобрѣтательности, которая можетъ оказать сильное содѣйствіе міровому промышленному господству этой націи. Будущая служанка, если она еще будетъ встрѣчаться въ мелкихъ хозяйствахъ, представитъ собою типъ женщины, сознающей общественную несправедливость и тщетно конкурирующей съ хозяйкой. Слуги же богатыхъ домовъ будутъ приблизительно такъ же услужливы и вѣрны, какъ кельнеры въ гостиницахъ, и будутъ служить на такихъ же условіяхъ. Людямъ средняго класса, которые захотятъ имѣть отдѣльное хозяйство, ничего болѣе не останется, какъ нанять домъ или квартиру, въ которыхъ всѣ службы исполняются механическимъ способомъ, и брать обѣдъ въ ресторанъ или гостиницу.

Согласно предсказаніямъ, изложеннымъ во второй главѣ, семья идеальнаго типа будетъ почти навѣрное жить вдали отъ центральнаго „города“, среди сельской природы. И, разумѣется, мать или хозяйка такой семьи непременно пожелаетъ имѣть при домѣ садъ. За недостаткомъ слугъ садъ, вѣроятно, будетъ не такъ хорошо содержаться, какъ

многіе сады въ настоящее время; въ нихъ не будетъ такого обилія цвѣточныхъ клумбъ, выхоленныхъ лужаекъ и пр.

Дома такого типа будутъ особенно привлекать людей научно образованныхъ и дѣятельныхъ. Но прорицатель естественно склоненъ преувеличивать число людей, которые будутъ жить въ такихъ условіяхъ черезъ два-три поколѣнія, и преуменьшать препятствія, стоящія на пути къ нимъ для многихъ, если не для всѣхъ. Онъ склоненъ также упускать изъ вида то обстоятельство, что въ продолженіе многихъ лѣтъ успѣхъ немногихъ удачниковъ можетъ представляться остальнымъ въ не-симпатичномъ видѣ. Чтобы вѣрнѣе понять, какимъ путемъ будутъ входить въ жизнь преобразованія, необходимо прослѣдить вѣроятное направленіе эволюціи второго изъ четырехъ главныхъ элементовъ будущаго общественнаго организма. Вслѣдствіе огромнаго роста акціонерной и капиталистической собственности, владѣльцы акцій и фондовыхъ бумагъ распространятся по всему общественному организму, мѣстами гуще, мѣстами рѣже, но замѣтно повсюду. Этотъ классъ богатыхъ, ничѣмъ не связанныхъ людей будетъ, какъ я уже говорилъ, очень смѣшаннымъ и свободнымъ въ небывалой степени. Въ большихъ группахъ этой смѣси неизбежно разовьются характерныя черты, почти диаметрально противоположныя такимъ же чертамъ обученнаго рабочаго класса, и притягательная сила первыхъ можетъ оказать неотразимое вліяніе на жизнь этого послѣдняго класса, представляющаго болѣе дѣятельную общественную силу, которой

предстоитъ сдѣлаться наиболѣе могущественной, но гораздо менѣе богатую, чѣмъ классъ акціонеровъ.

Эти два класса естественно представляютъ между собою рѣзкій контрастъ и не слѣдуетъ забывать, что деньги находятся въ рукахъ акціонеровъ. Въ то время какъ трудъ и знаніе располагаютъ къ бережливости и сдержанности, праздность и богатство порождаютъ распущенность и погоню за внѣшними отличіями. Акціонеръ считаетъ себя украшеніемъ своей страны. Можно смѣло предсказать, что типичный домъ акціонера будетъ блистать яркими красками, богатыми драпировками, цвѣтными стеклами; будетъ заключать въ себѣ много интересныхъ предметовъ. Этотъ праздный классъ будетъ главнымъ кліентомъ художниковъ, декораторовъ, фабрикантовъ и промышленниковъ. Онъ будетъ господствовать въ мірѣ искусствъ и вліять на нихъ въ извѣстномъ направленіи. Такъ, напримѣръ, умамъ этихъ безотвѣтственныхъ богачей, стоящихъ внѣ мірового движенія, будетъ говорить все архаическое, пышное и только въ такихъ вещахъ они будутъ видѣть идеаль искусства. Неспособные относиться къ искусству критически и полные идеаловъ прошлаго, они будутъ игнорировать нужды настоящаго. Искусство будетъ для нихъ придаткомъ къ жизни, богатымъ родникомъ воспоминаній, а не элементомъ, проникающимъ все реальное. Мы увѣрены, что очень немногіе изъ нихъ будутъ въ состояніи понять, что желѣзный мостъ или паровозъ могутъ быть сдѣланы артистически: для нихъ это будутъ не пред-

меты искусства, а враждебныя ихъ духу новшества. Съ другой стороны, можно также смѣло предсказать широкую будущность съ многообразными дополненіями надутымъ, пышнымъ, умышленно антисовременнымъ стилямъ, которые введены въ Англіи Уилліамомъ Морисомъ и его послѣдователями. Тѣ же принципы скажутся и въ костюмахъ. Бездѣльничавшій классъ не станетъ одѣваться, какъ одѣваются люди дѣловыя, и можно основательно предположить, что въ предстоящіе годы люди богатые будутъ носить фантастическіе костюмы. Не много найдется между ними такихъ, которые дадутъ себѣ трудъ придумать болѣе простые и изящныя фасоны, тогда какъ портные и купцы будутъ неистощимо изобрѣтать эксцентричныя новосты. Женщины оберутъ всѣ вѣка для красиваго соединенія анахронизмовъ, а мужчины изобрѣтутъ спортсменскіе мундиры или подражаніе придворнымъ и національнымъ костюмамъ. Словомъ, эпидемія модъ приметъ самый удивительный характеръ. Эти люди, какъ потребители, тратящіе деньги, будутъ конкурировать съ другимъ потребителемъ, съ тѣмъ идеальнымъ инженеромъ, которому будетъ принадлежать важнѣйшая роль въ будущемъ научно-прогрессирующемъ государствѣ. Въ большинствѣ случаевъ, когда тотъ и другой будутъ нуждаться въ одномъ и томъ же, желаемое получить акціонеръ; когда надо будетъ дать тонъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, дастъ его онъ же. Такъ, напримѣръ, предположимъ, что молодому, талантливому архитектору предстоитъ рѣшить вопросъ, которую изъ двухъ лежащихъ передъ нимъ дорогъ лучше

избрать: чертить-ли планы простыхъ, дешевыхъ и удобныхъ домовъ для народа, что навѣрное не принесетъ ему богатства, а скорѣе принесетъ строгую критику; или же напрактиковаться въ какомъ-нибудь періодѣ романтической архитектуры, или придумать какой-нибудь новый, поразительный стиль съ подходящими къ нему матеріалами, который навѣрное найдетъ себѣ цѣнителя въ акціонерѣ. Быть можетъ, нѣкоторое время архитекторъ будетъ колебаться въ выборѣ, но для того, чтобы онъ избралъ первый путь, надо, чтобы это былъ человѣкъ, выдающійся не только талантомъ, но и силой характера. Слѣдовательно, еще много лѣтъ большая часть опытовъ съ постройкой зданій по новымъ планамъ будутъ примѣняемы ко вкусамъ наиболѣе прихотливыхъ изъ акціонеровъ, а не къ надобностямъ инженеровъ и врачей. Домовладѣлецъ, строящій домъ изъ коммерческихъ расчетовъ, всего менѣе заботится о нуждахъ ученыхъ и дѣловыхъ людей, хотя бы и наиболѣе богатыхъ изъ нихъ, и не имѣя къ тому же плановъ для новыхъ домовъ, будетъ игнорировать негодованіе интеллигентныхъ кліентовъ и попросту воспроизводить въ болѣе дешевой и урѣзанной формѣ имѣющіеся подъ рукой шаблоны. Такимъ образомъ, фактически акціонеръ скупить едва ли не всѣ здѣшніе таланты. Это обстоятельство значительно измѣнитъ внѣшній видъ нашего идеальнаго домика. Если онъ не будетъ принадлежать особенно богатому члену утилитарныхъ профессій, то ему еще надо много лѣтъ для достиженія цѣльности типа и той красоты, которая необходимо дается совер-

шенствомъ въ предположенномъ направленіи. Можно почти навѣрное предположить, что архитектурный стиль будетъ представлять образчики второстепеннаго архаическаго искусства. Арендаторъ будетъ недоволенъ, но гдѣ же занятому человѣку найти время учить архитекторовъ ихъ искусству? Отопленіе можетъ быть электрическимъ, но ненужныя трубы все-таки будутъ торчать на крышахъ и въ ихъ темныхъ дуплахъ будутъ скопляться пыль и грязь и биться въ предсмертныхъ судорогахъ залетѣвшія птицы и насѣкомыя. Къ окнамъ будетъ, можетъ быть, приспособленъ автоматическій способъ чистки, но „живописные“ средники будутъ мѣшать ему. Зимой, посредствомъ какого-нибудь ухищренія, изъ трубъ будетъ весело взвиваться дымокъ и въ поддѣльныхъ каминахъ будутъ горѣть поддѣльныя дрова. На безцѣльно покатыхъ кровляхъ, вѣроятно, будутъ искусственно выращиваться лишай, чтобы придать кровлѣ видъ вѣковой старости. Это тупоумное эскамотированье правды, дарящее міру такія лавки стараго оружія, какъ Тоуеръ-Бридеръ и какъ историческіе романы, будетъ, пожалуй, мозолить глаза во множествѣ новыхъ домовъ, по крайней мѣрѣ, въ первую половину начавшагося столѣтія.

Такимъ же образомъ классъ акціонеровъ купитъ талантливыхъ и предприимчивыхъ рисовальщиковъ модъ и всякихъ украшеній; онъ будетъ предписывать моду во всемъ: въ орнаментахъ, печати, живописи, мебелировкѣ, словомъ, во всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые предназначаются „не для толпы“. И гдѣ дѣла будутъ обстоять въ этомъ видѣ,

тамъ образованный и ученый человѣкъ, какъ бы далеко ни ушелъ онъ впередъ, будетъ стоять не наверху, а внизу общественнаго колеса. Поэтому одною изъ важнѣйшихъ задачъ этой главы должно быть опредѣленіе, насколько заразительное вліяніе класса акціонеровъ способно отражаться на домашней жизни другихъ классовъ, а съ другой стороны насколько успѣхи науки и механики могутъ повліять на міровоззрѣніе и образъ жизни богатыхъ людей, такъ какъ предположеніе, что они могутъ купить и архитектора, и портного, и декоратора, и прочихъ, есть только подготовленіе къ болѣе важнымъ соображеніямъ. Возможно, что акціонеръ купить—конечно, въ переносномъ смыслѣ—даже очень многихъ изъ женщинъ, которыя иначе устроили бы добродѣтельные разумные и, вѣроятно, счастливые домашніе очаги—предметъ мечтаній нашихъ типичныхъ инженеровъ, и многія изъ женщинъ будутъ отклонены отъ своего призванія сдѣлаться матерями возрожденнаго міра. Зловредное вліяніе незаслуженнаго богатства въ общественномъ организмѣ способно внести губительную заразу въ міросозерцаніе всей женской половины человѣчества, и мы попытаемся теперь рассмотреть истинную природу этой заразы.

Въ то время, какъ будущность современнаго мужчины, при вступленіи его въ жизнь, опредѣляется условіями его рожденія и воспитанія, а окончательное положеніе его вырабатывается постепенно личными усиліями и трудомъ, карьера женщины,—начиная, обыкновенно, съ 16-лѣтняго возраста,—становится игрою случайностей и раз-

ныхъ обстоятельствъ, которыя она не можетъ ни контролировать, ни предусмотрѣть. Хотя и мужчина подчиненъ случайностямъ, но, если это человекъ съ твердой волей, онъ можетъ во многихъ отношеніяхъ самъ опредѣлить и провести свой планъ жизни, тогда какъ для женщины все зависитъ отъ случая. При нормальныхъ условіяхъ жизнь ея бываетъ связана съ жизнью какого-нибудь мужчины, но пока такой мужчина найдется, дѣвушка готовится къ жизни большею частію наугадъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, какъ извозчикъ, безцѣльно ползущій по улицѣ наготовѣ ѣхать, куда наймутъ. Дѣвушка можетъ сдѣлаться подругой жуира—милліонера, чтобы помогать ему проматывать его милліоны, или занять роль въ одномъ изъ многихъ подлинныхъ или только производныхъ кружковъ прежняго аристократическаго общества, какіе развелись теперь въ классѣ независимыхъ людей. Предположивъ даже, что она принадлежитъ къ серьезному и трудолюбивому типу женщинъ, все же можетъ найтись акціонеръ, который сманить ее перспективой возможности развить на досугѣ свои исключительные таланты или качества и „дѣлать добро“ на его деньги. Съ постоянно разрастающимся классомъ акціонеровъ растутъ и шансы блестящихъ партій для дѣвушекъ, не говоря уже о блестящихъ внѣбрачныхъ шансахъ. Чтеніе сдѣлалось теперь привилегіей всѣхъ классовъ, и мало есть такихъ секретовъ этикета, которымъ не могла бы выучиться умная женщина даже изъ низшаго класса. Немного найдется теперь дѣвушекъ, которыя не сознавали бы,

что предъ ними открыто широкое поле возможностей, ведущихъ къ роскоши и свободѣ, и еще менѣе такихъ, у которыхъ это сознаніе не вліяло бы на понятія и планы жизни. Вся масса современныхъ романовъ, которые пишутся современными женщинами для женщинъ, включая дешевѣйшія повѣстушки, пропитаны идеей *мезальянса*. Даже и съ появленіемъ суженаго случайность не исключается изъ жизни женщины. Любовь мужчины можетъ по прихоти переходить съ предмета на предметъ и въ результатѣ онъ только пристроить ее немного лучше или немного хуже; для женщины же результатъ можетъ быть гораздо серьезнѣе. Если же она сама дастъ волю прихотямъ своей фантазіи, то рискуетъ совсѣмъ перевернуть свою жизнь. Словомъ, въ судьбѣ женщины все зависитъ отъ случайности. Смерть мужа, сдѣлавъ ее вдовой, можетъ лишить ее всякой почвы въ жизни, или можетъ дать ей богатство въ видѣ страховой преміи; можетъ ввергнуть ее въ нищету или возстановить всѣ разбитыя надежды ея юности...

Какъ требовать, чтобы молоденькая дѣвушка, у которой также естественны безграничное честолюбіе и эгоизмъ, какъ веселость и красота, не предавалась золотымъ мечтамъ, скрашивающимъ ея непрочное будущее?.. Можно ли ожидать, что она отгонитъ всѣ свои мечты, чтобы готовиться къ стряпнѣ безъ прислуги, къ домашнему „дѣтскому саду“, къ уходу за комнатными растеніями и къ тихимъ разговорамъ въ домѣ инженера? А что, если суженаго инженера и не окажется? Въ романахъ, предпочитаемыхъ въ наше время молодыми дѣ-

вушками, и которые онѣ, вѣроятно, еще долго будутъ предпочитать, описывается главнымъ образомъ жизнь людей богатыхъ и праздныхъ; въ театральныхъ пьесахъ, которыя нравятся дѣвушкамъ, также изображаются живо и реально жизнь и любовь людей богатыхъ; ту же жизнь воспроизводятъ и ея любимые журналы; учительница ея, каковы бы ни были ея принципы, также должна имѣть въ виду „шансы“ своей ученицы. И даже послѣ того, какъ судьба или вспышка страсти бросятъ женщину въ объятія нашего дѣловаго и способнаго столпа общества, всѣ эти вещи продолжаютъ жить въ ея воображеніи и памяти. И если мужъ не окажется человѣкомъ необыкновеннаго умственнаго превосходства, она почти незамѣтно придастъ его дому совсѣмъ не тотъ тонъ, какой мы изобразили въ нашемъ первомъ очеркѣ. Она задастся цѣлью осуществить, насколько позволяютъ средства и кредитъ ея мужа, идеалы той группы богатаго общества, образъ жизни которой особенно нравится ей въ романахъ. Если она глупа, ея взгляды на жизнь придутъ въ рѣзкое столкновеніе со взглядами мужа и, когда туманъ страсти разсѣется, онъ пойметъ истинное положеніе дѣлъ. Тогда, если онъ человѣкъ рѣшительный, такой — какіе возьмутъ въ концѣ концовъ міръ въ свои руки, — то онъ возмутится и, несмотря ни на какія истерики и слезы, повернетъ жизнь на свой ладъ. Но чѣмъ умнѣе жена, чѣмъ она до извѣстной степени преданнѣе и гибче характеромъ, тѣмъ менѣе вѣроятенъ такой переломъ и тѣмъ прочнѣе и дѣйствительнѣе ея вліяніе на мужа. При такихъ усло-

віяхъ вѣроятнѣе, что онъ отклонится съ пути серьезнаго и интереснаго для него дѣла въ сторону новѣйшихъ рискованныхъ способовъ добыванія денегъ для осуществленія понятій жены о приличной жизни. А какъ скоро будетъ рѣшено, что человѣку „надо жить“, то дѣтская, подразумѣвавшаяся на заднемъ планѣ описаннаго нами дома, вѣроятно, окажется ненужной. Хозяйка, конечно, захочетъ проводить время не только пріятно, но и праздно, и мужъ будетъ считать своимъ долгомъ доставлять ей эту праздность, тѣмъ болѣе, если она сумѣетъ дѣлать свои праздные часы пріятными и для него самого. Тогда мужъ естественно предпочтетъ полезному дѣлу болѣе выгодное, и вмѣсто того, чтобы полуночничать у своей лампы, какъ нерѣдко приходится дѣлать интеллигентному работнику, чтобы сохранить за собою свое значеніе, будетъ слишкомъ часто отрываться отъ дѣла для сопровожденія жены въ театръ или на вечеръ. Эти соображенія наводятъ насъ на мысль поставить рядомъ съ первой картиной семейной — или вѣрнѣе брачной жизни — другую, едва ли не болѣе типичную для большинства людей средняго класса въ городскихъ округахъ. Эта вторая чета, вѣроятно, будетъ занимать не домъ, а квартиру въ „главномъ городѣ“ или во второстепенномъ центрѣ. Квартира будетъ красиво меблирована и украшена въ одномъ изъ тѣхъ декоративныхъ стилей, въ какихъ убираются дома богатыхъ людей, только менѣе дорогими вещами. По стѣнамъ будутъ полки съ книгами, преимущественно съ сенсационными романами, и этажерки съ разными бездѣлуш-

ками. Въ бездѣтномъ хозяйствѣ естественно будутъ красивыя куклы, картины, быть можетъ, канарейка. Врядъ ли между книгами найдется Библія. Книги мужа будутъ, конечно, въ потертомъ переплетѣ; ихъ припрячутъ въ маленькій кабинетъ, заваленный экземплярами „Финансовой Газеты“, или другой подобной. Надо полагать, что въ домѣ не будетъ прислуги и не будетъ, вѣроятно, не только дѣтской, но и кухни. У четы, конечно, будутъ, соотвѣтственно ея положенію, знакомства въ высшихъ кругахъ, пріобрѣтенныя непосредственно или черезъ кого-нибудь изъ богатыхъ друзей.

Еще чаще будутъ встрѣчаться подобнаго рода четы въ томъ классѣ, который нельзя назвать ни независимымъ, ни предназначеннымъ исполнять какія-нибудь функціи, но явно стремящимся къ пріобрѣтенію богатства при помощи своей изобрѣтательности и дѣятельности на политическомъ или финансовомъ поприщѣ, а также среди сонма артистовъ, художниковъ, писателей, у которыхъ не будетъ другихъ дѣтей, кромѣ ихъ твореній. Сравнительно съ тѣмъ, что было полвѣка назадъ, плодовитыя семьи въ этихъ классахъ уже и теперь стали рѣдкостью.

Такія формы супружеской жизни, вѣроятно, будутъ преобладать въ среднемъ классѣ народа, но будутъ и другія. Супружеская жизнь вдвоемъ не будетъ непременно означать бездѣтность, хотя дѣти и будутъ отсутствовать. Многіе мужчины полагаютъ свою гордость въ томъ, чтобы быть отцомъ, но современныя европейскія женщины по-

видимому, совсѣмъ не гордятся материнствомъ. Часто мужчинѣ, даже расположенному быть отцомъ большой семьи, не удастся склонить къ этому жену, иные же и сами не захотятъ имѣть болѣе одного ребенка. Дитя такихъ родителей, если оно не будетъ ихъ баловнемъ, вырастетъ какъ бы сиротой, выкормленное, воспитанное и обученное рожкомъ или кормилицами, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ, отъ самой колыбели. Поэтому рядомъ съ размноженіемъ такихъ бездѣтныхъ семействъ будутъ размножаться дѣтскіе сады съ интернатами. Такія школы уже существуютъ, и мы только не замѣчаемъ, какъ обычна становится, въ противоположность прошлому, отдѣльная жизнь дѣтей отъ родителей. До послѣдняго времени интернаты существовали лишь для взрослыхъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, за исключеніемъ незаконнорожденныхъ, сиротъ и покинутыхъ дѣтей; теперь же въ каждомъ приморскомъ городѣ можно найти нѣсколько приготовительныхъ школъ, въ которыхъ дѣти не только учатся и воспитываются, но и живутъ постоянно.

Директрисами и воспитательницами этихъ учреждений служатъ дѣвушки или женщины, замѣняющія матерей. Классъ такихъ воспитательницъ составляетъ самую любопытную черту соціальной эволюціи нашего времени. Это большею частію женщины, отказавшіяся отъ брака по разборчивости чувства, по умственному эгоизму или по отсутствію страстнаго увлеченія,—женщины, часто обладающія сильнымъ характеромъ и выдержкой; и можно только радоваться, что ихъ уму и природнымъ каче-

ствамъ открыта возможность приносить свои плоды. У этого типа женщинъ есть широкая будущность.

Слѣдуетъ имѣть въ виду и другія стороны брачнаго вопроса. Нельзя игнорировать въ нашихъ предсказаніяхъ тѣ факторы, которые сулятъ въ будущемъ значительное ослабленіе узъ моногамическихъ браковъ и способны повести къ гораздо большему разнообразію положеній, чѣмъ можно бы предположить въ рамкахъ настоящихъ условий. Я полагаю, даже не прибѣгая къ статистикѣ, что наше настоящее общество представляетъ небывалое и все возрастающее число одинокихъ мужчинъ и женщинъ, безбрачіе которыхъ объясняется не религіозными убѣжденіями, а тѣмъ, что ихъ средства къ жизни не позволяютъ имъ вступить въ бракъ безъ ущерба для своего личнаго комфорта. Неразрывный моногамическій бракъ держится пока лишь по инерціи привычки да въ идеальной римско-католической общинѣ, гдѣ онъ опирается на санкцію власти, которую въ реальныхъ католическихъ странахъ огромное большинство людей отказывается признавать. Что же касается до лежащихъ въ основѣ его чувствъ и практическихъ соображеній, то они легко могутъ измѣниться вслѣдствіе измѣнившихся отношеній между супругами въ нынѣшнихъ бездѣтныхъ семьяхъ. Практическая и основательная причина моногаміи лежитъ въ прочности, которую она придаетъ семьѣ; значеніе же прочной семьи заключается въ томъ, что она, въ большинствѣ случаевъ, возвращаетъ свое болѣе или менѣе многочисленное потомство

въ атмосферѣ любви и заботливости. Во времена, предшествовавшія механическому двигателю, моногамическая семья несомнѣнно служила цивилизующимъ элементомъ въ обществѣ. Такая семья, требующая отъ мужа и жены способности къ самопожертвованію, есть учрежденіе позднѣйшей эпохи въ исторіи человѣчества,—учрежденіе, къ которому могутъ вполне приспособляться, въ психологическомъ и фізіологическомъ отношеніи, лишь исключительныя натуры обоого пола. Отъ мужчины требуется въ моногамической брачной жизни значительная доля воздержанія; онъ долженъ обуздывать свое воображеніе, если не способенъ нарушать законъ тайнымъ, безчестнымъ и неудовлетворительнымъ способомъ, рисуясь въ глазахъ людей невозможной для него добродѣтелью. Отъ женщины же бракъ часто требуетъ подчиненія, къ которому она не склонна. Рѣдкая чета не переживала періодовъ горечи и слезъ въ своихъ часто практически неразрывныхъ узахъ. Но все это вознаграждалось—по крайней мѣрѣ, въ періодъ прежней, по преимуществу земледѣльческой цивилизаціи и въ среднихъ классахъ народа—общими интересами, привычкой, взаимной заботливостью, выросавшей на почвѣ тѣснаго сближенія въ усиленіяхъ поддержать свое гнѣздо, а въ особенности на почвѣ связующей любви къ дѣтямъ и заботѣ объ ихъ будущности...

Но откуда взяться этой связи въ бездѣтныхъ, недружныхъ и, вѣроятно, непрочныхъ новѣйшихъ бракахъ? Нужно замѣтить, что моногамическій бракъ, если онъ гдѣ сохранился, то лишь въ сред-

нихъ и низшихъ классахъ, у арендаторовъ, земледѣльцевъ, купцовъ, вообще людей, которые болѣе всего нуждаются въ помощи безусловно вѣрной жены. Моногамія обусловливается своею выгодностью, т.-е. хорошими качествами жены; однѣхъ внѣшнихъ причинъ всегда было недостаточно. Никакія религіозныя убѣжденія не могутъ принудить мужчину къ сдержанности, если не существуетъ къ этому побужденій, основанныхъ на практической пользѣ.

Будетъ ли признаваться святость и неразрывность брачныхъ узъ поколѣніемъ, для котораго бракъ перестанетъ быть необходимой ассоціаціей для рожденія и воспитанія дѣтей, или для дружной коопераціи мужа и жены въ дѣлахъ ихъ общаго интереса? Будетъ ли пріятная, праздная, бездѣльная женщина, съ высокимъ понятіемъ о своихъ личныхъ правахъ, тратящая доходы или заработки своего мужа пріятнымъ образомъ,—женщина того типа, который обѣщаетъ сдѣлаться очень распространеннымъ, — будетъ ли она продолжать дѣлать почетъ и привилегію съ женой стараго порядка, матерью своихъ дѣтей, помощницей мужа? А главное, сохранится ли между пріятной замужней женщиной и незамужней, проводящей свое время одинаковымъ съ нею образомъ, та непреступаемая бездна, которою раздѣляетъ ихъ теперь обычай? Отчего бы этимъ женщинамъ не встрѣтиться на почвѣ благотворительности, которая нынѣ въ такой модѣ? Спрашивается, однако, гдѣ эти новыя жены найдутъ поддержку, которая позволила бы имъ настаивать на монополіи, закрѣплен-

ной за ними условнымъ чувствомъ, поскольку оно еще выражается хотя внѣшнимъ образомъ? Опасность одинаковой свободы половъ равна для обѣихъ сторонъ. Если незамужней матери помогутъ сохранить свое положеніе въ обществѣ, или если она сама сумѣетъ сдѣлать это,—то найдетъ ли цензоръ нравовъ въ 1950 г. людей, которые помогли бы ему забросать ее камнями? Какъ бы ни казалось это достойнымъ сожалѣнія, но, при возрастаніи переселеній, въ будущихъ обширныхъ городскихъ округахъ, даже если съ извѣстнымъ положеніемъ и будутъ связаны нѣкоторыя общественныя неудобства и нравственное осужденіе, то рядомъ съ тѣмъ, вѣроятно, увеличится и трудность опредѣленія образа жизни и положенія людей, которые захотятъ скрывать ихъ изъ цѣлей, не имѣющихъ въ себѣ ничего преступнаго.

Но и въ другомъ направленіи произойдетъ ослабленіе брачныхъ узъ и облегченіе развода, которое значительно усложнитъ положеніе дѣлъ. Въ прошломъ было возможно существованіе противоположныхъ нравственныхъ кодексовъ въ каждомъ изъ фактически автономныхъ государствъ, но съ развитіемъ и удешевленіемъ путей сообщенія и съ возрастаніемъ переселеній, въ періодъ которыхъ мы еще только что вступаемъ, слѣдуетъ ожидать усиленія конфликтовъ между несхожими нравственными кодексами. Даже и въ настоящее время, при полной свободѣ переселеній только наиболѣе богатыхъ классовъ въ американскихъ и западно-европейскихъ странахъ, уже возрастаютъ неудобства вслѣдствіе этихъ различій, чисто произволь-

ныхъ съ точки зрѣнія соціальной фізіологіи. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ супруговъ, считающій себя оскорбленной стороною въ какой-нибудь брачной компликаціи, можетъ, поселившись въ Соединенныхъ Штатахъ, развестись и вступить во вторичный бракъ вполне правильно по мѣстнымъ законамъ, а въ Англіи онъ будетъ преступникомъ какъ двоеженецъ или двумужница. Ребенокъ, считающійся законнымъ въ Даніи или въ Австраліи, можетъ быть признанъ незаконнорожденнымъ въ строгой Англіи. Но все это только первые намеки на болѣе глубокія реакціи. Почти всѣ европейскія державы, въ томъ числѣ и Соединенные Штаты, расширяютъ свои границы, включая въ нихъ большія массы нехристіанскихъ народовъ, придерживающихся многоженства; и всѣ эти люди осваиваются съ желѣзными дорогами, печатью, со всѣми возбуждающими вліяніями современной цивилизаціи. Но распространеніе христіанства не соотвѣтствуетъ распространенію этихъ удобствъ. Между тѣмъ эти племена не всегда будутъ оставаться въ предѣлахъ присоединенныхъ областей. Ихъ низложенные короли, правители и землевладѣльцы увеличатъ собою массу акціонеровъ метрополіи. Съ другой стороны, европейцы будутъ селиться въ присоединенныхъ областяхъ и, подъ вліяніемъ ихъ обычаевъ и смѣшанныхъ браковъ, взаимная племенная реакція усилится. Въ мірѣ, гдѣ мѣстный характеръ постоянно изглаживается, компромиссы, уступки мѣстнымъ нравамъ, признаніе „обычаевъ страны“ не могутъ продолжаться вѣчно. Государственнымъ людямъ придется или расширить рамку

допускаемыхъ различій въ условіяхъ брачнаго контракта, или покориться неизбѣжности конфликтовъ вслѣдствіе расовыхъ и религіозныхъ стѣсненій и допустить всевозможные обходы законовъ и появленіе класса вполне порядочныхъ людей, стоящаго внѣ закона, класса, который, дѣля печать отверженія съ людьми сознательно развратными и преступными, подниметъ ихъ этимъ въ глазахъ общества. И сузится ли нравственный законъ до простой исключительности, какъ сузилась въ дѣлахъ религіи англиканская церковь до размѣровъ сектанства, или расширится до справедливаго отношенія къ разнообразію брачныхъ контрактовъ,—чистый результатъ, поскольку это относится къ разбираемому вопросу, будетъ одинъ и тотъ же. Всѣ эти силы, подготовляющія ослабленіе моральныхъ законовъ, будутъ, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ подкрѣплены тѣмъ направленіемъ, которое почти несомнѣнно приметъ эволюція нѣкоторыхъ группъ богатаго класса.

Считаю нелишнимъ повторить, что богатые акціонеры будутъ пользоваться независимостью, почти безпримѣрной въ исторіи человѣчества. Они продали другимъ свое право контролировать и распоряжаться матеріальнымъ богатствомъ общины за свободу отъ всякихъ заботъ, труда, отвѣтственности, за увольненіе отъ мѣстныхъ обычаевъ, обязанностей и привязанностей. Впрочемъ, акціонеръ можетъ, если пожелаетъ, вернуться къ общественнымъ дѣламъ, это зависитъ отъ его личной воли. Вообще онъ можетъ дѣлать все, что ему вздумается, въ предѣлахъ законовъ и его личныхъ способ-

ностей и мужества. Но такому несовершенному созданію, какъ человѣкъ, движимому неудержимыми страстями, съ такимъ слабымъ разсудкомъ, неспособнымъ контролировать и обуздывать свое воображеніе, такому созданію абсолютная свобода можетъ обратиться только на пагубу. Для огромнаго большинства такихъ людей, во второмъ или третьемъ поколѣніи, свобода будетъ означать порочность, страсть къ разрушающимъ наслажденіямъ. Мы видимъ въ исторіи римскихъ императоровъ, какъ вліяли на нихъ независимость и безконтрольная власть, хотя не всѣ они были люди одной крови или одинаковыхъ привычекъ и власть давалась имъ только въ силу произвольнаго усыновленія или политической революціи. Мы идемъ къ тому времени, когда, благодаря предсказанному мною смѣшенію нравственныхъ принциповъ, давленіе общественнаго мнѣнія въ вопросахъ морали значительно ослабѣетъ; когда религія не будетъ болѣе говорить единымъ языкомъ, и возможность избѣгать осужденія сосѣдей значительно облегчится. Въ прежнія времена, когда центрами распущенности были дворы, ихъ заразительное вліяніе ограничивалось придворной сферой; въ будущее же время каждый богатый и праздный членъ многочисленнаго и широко распространеннаго класса акціонеровъ будетъ до нѣкоторой степени играть нравственную роль двора. Впослѣдствіи, при всеобщей грамотности, каждое явное нарушеніе закона будетъ всѣмъ извѣстно и послужитъ предметомъ обсуждения для огромной массы народа. Въ прежнія времена можно было относиться съ почтитель-

нымъ сожалѣніемъ къ порокамъ сильныхъ міра и тайкомъ даже потакать имъ, оставаясь въ то же время неподкупно строгимъ къ порокамъ простого народа, но въ будущемъ сильныхъ міра не будетъ, а останется только много людей богатыхъ; средній же классъ будетъ, вѣроятно, образованнѣе ихъ и различія въ отношеніяхъ къ этимъ двумъ классамъ изгладятся.

Было бы нелѣпо не предвидѣть и не готовиться къ такому положенію дѣлъ, когда не только нравственныя указки пошатнутся и станутъ неопредѣленными, допускающими физиологически здоровые союзы различной формы, но даже когда порокъ и развратъ не абсолютно преступной формы будутъ пользоваться терпимостью на каждой ступени богатства. Это значить не только, что положеніе дѣлъ усложнится, но также, что внѣ системы признанныхъ въ настоящее время браковъ, подъ видомъ которыхъ существуютъ и другого рода союзы, явится большой и неустановившійся контингентъ людей, находящихся между собою въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Конечно, времена англійскихъ Георговъ были временами семейныхъ очаговъ; будутъ они и въ предстоящее время, такъ какъ и тогда останутся матери, хранительницы связи поколѣній, и предметы ихъ заботъ, дѣти, наслѣдники будущаго. Но между этими прочными утесами будетъ волноваться море всевозможныхъ заведеній, отелей, бездѣтныхъ хозяйствъ и всякихъ утонченныхъ и роскошныхъ приспособленій къ вымиранію человѣческаго рода. Въ этомъ социальномъ хаосѣ еще не скоро образуется значитель-

ный корпусъ гражданъ, подобный земледѣльческому и торговому среднему классу въ Англіи въ періодъ ограниченной монархіи,—корпусъ, который единодушно стремился бы поддержать практически какой-нибудь кодексъ нравственныхъ правилъ. И такъ какъ не предвидится, чтобы и черезъ нѣсколько поколѣній образовалась сильная партія гражданъ съ широкимъ авторитетомъ, которая установила бы новый кодексъ вмѣсто стараго, все болѣе и болѣе теряющаго свою власть, то этотъ послѣдній, съ нѣкоторыми измѣненіями и вынужденными уступками, будетъ продолжать номинально дѣйствовать въ вопросахъ чувства, хотя на практикѣ будутъ пренебрегать имъ, критиковать его и всячески преступать. Прибавимъ, что все то, что мы предсказываемъ въ вопросахъ брачнаго сожитія и нравственныхъ ограниченій, уже оправдилось для западно-европейскихъ странъ въ широкой степени въ религіозныхъ вопросахъ. Было время, когда полагали, что религіозныя вѣрованія челоуѣка и въ особенности его способъ проявлять ихъ составляетъ часть его общественной, а не личной жизни. Но послѣ сильнаго броженія умовъ въ періодъ реформации выработался, наконецъ, компромиссъ, родъ перемирія, въ широкой степени исключившій религіозный вопросъ изъ предметовъ общественнаго вѣдѣнія. Рѣшено было, что въ предѣлахъ общественнаго мира и безопасности каждый въ правѣ вѣровать и выражать свои вѣрованія въ религіозныхъ вопросахъ, какъ ему вздумается. Рѣшеніе это было принято не потому, что его сочли за лучшее, а потому что

въ настоящее время нѣтъ надежды установить какую-нибудь общепринятую истину. Рядомъ съ тѣмъ замѣчается въ людяхъ рѣшительная склонность прійти къ такому же компромиссу и въ вопросѣ личной морали. Установилось какъ бы соглашеніе избѣгать въ общественныхъ сношеніяхъ всякихъ преній о религіи, и подобное же соглашеніе можно предвидѣть и въ вопросѣ о бракѣ.

Но предстоящее исчезновеніе общепринятаго мѣрила нравственности не означаетъ еще общую безнравственность въ ожиданіи какого-нибудь великаго возрожденія, какъ устарѣлость какого-нибудь закона о религіозныхъ собраніяхъ не означаетъ всеобщаго атеизма. Это значитъ только, что вмѣсто одного понятія о нравственности явилось нѣсколько такихъ понятій. Въ каждомъ человѣкѣ будетъ вырабатываться его міросозерцаніе сообразно обстоятельствамъ и его личному характеру. Конечно, будутъ существовать нѣкоторые общіе договоры, къ которымъ пристанетъ большинство людей различнаго характера, но только такихъ, которые пришли къ одинаковымъ заключеніямъ въ вопросахъ нравственности и которые живутъ въ одинаковыхъ хозяйственныхъ условіяхъ, точно такъ, какъ въ настоящее время частыя и тѣсныя сношенія между людьми обуславливаются сходствомъ ихъ убѣжденій или религіозныхъ вѣрованій. Другими словами, произойдетъ процессъ нравственной конкретціи ¹. Я полагаю, что такой про-

¹ Я употребляю слово конкретція въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется минералогами для выраженія

цессъ уже совершается въ расплывшейся общественной массѣ. Люди будутъ соединяться въ небольшія группы, ведущія одинаковый образъ жизни, и это въ виду предсказаній, изложенныхъ въ двухъ первыхъ главахъ и сводящихся къ фактическому уничтоженію разстояній и къ возможности для каждаго жить, гдѣ онъ пожелаетъ,—будетъ очень часто означать мѣстное накопленіе населенія на нѣкоторыхъ точкахъ. Будутъ округа, признанные и отмѣченные какъ хорошіе, укрѣпленные природой; будутъ другіе, подходящіе для кочевой жизни богемы или, наоборотъ, для серьезной и дѣятельной работы; будутъ и уголки, отмѣченные печатью старины, и горные хребты. Цѣлые районы будутъ предназначены для удовольствій богатыхъ людей, что мы видимъ уже и теперь на нѣкоторыхъ пунктахъ Ривьеры. Мы уже раньше указали на вѣроятность такихъ конкретій, сказавъ, что огромные городскіе районы будутъ вмѣщать въ своихъ предѣлахъ чрезвычайное разнообразіе второстепенныхъ центровъ, округовъ, предмѣстій, и теперь мы только подтверждаемъ это предположеніе.

Въ предшествовавшей главѣ я говорилъ о рѣчныхъ центрахъ, о предмѣстьяхъ съ конными сообщеніями, о живописныхъ горныхъ округахъ, о приморскихъ мѣстечкахъ, о центрахъ, предназначенныхъ для прогулокъ и для театральнхъ пред-

медленнаго притяженія частицъ къ какимъ-нибудь центрамъ; такой процессъ, напримѣръ, какимъ происходитъ образованіе кремней.

ставленій, я указывалъ на различные стили архитектуры и тому подобныя вещи; но всѣ эти внѣшнія черты будутъ только видимыми признаками внутреннихъ, болѣе духовныхъ различій. Люди, живущіе въ охотничьей мѣстности или сгруппированные въ блестящій великосвѣтскій центръ, не станутъ даже дѣлать видъ, что они подчиняются тому же кодексу, какъ и любители музыки и поэзіи, избравшіе своимъ центромъ какой-нибудь живописный уголокъ на берегу рѣки. Въ мѣстахъ, предназначенныхъ для гуляній, гдѣ будутъ играть оркестры музыки и конкурировать между собою маленькіе театры, искатель удовольствій будетъ брать, что пожелаетъ, не унижаясь до скрытности и намековъ, и пойдетъ веселой дорогой, отвѣчающей его натурѣ,—дорогой живописной, счастливой—къ своему желательному для общества исчезновенію. Тамъ, въ горахъ, кучка богатыхъ акціонеровъ, быть можетъ, доставитъ себѣ удовольствіе поддерживать старыя традиціи землевладѣльческой аристократіи, живя въ кругу своихъ слугъ, фермеровъ, пастора и прочихъ вассаловъ, которые, съ точки зрѣнія соціальной фізіологіи, будутъ въ сущности представлять контингентъ, обреченный пропасти, но умытый, облагодѣтельствованный, занимающійся кустарными промыслами въ образцовыхъ коттеджахъ, совершенно на старо-англійскій манеръ. Здѣсь будутъ шумѣть вѣтряныя мельницы, хлокотать запертые въ плотины водопады, и присутствующій въ своей конторѣ, а можетъ быть и въ своемъ частномъ домѣ хозяинъ фабрики или завода будетъ зорко слѣдить за всѣмъ

своимъ хозяйскимъ окомъ. Въ другомъ мѣстѣ, группируясь вокругъ колледжа съ обширными лабораторіями, будутъ учиться и вести ученыя пренія мужчины и женщины; а въ третьемъ, среди домиковъ, тонущихъ въ зелени фруктовыхъ садовъ, будетъ слышаться смѣхъ играющихъ дѣтей или пѣніе ихъ въ школахъ, и между деревьями и цвѣтами будутъ мелькать ихъ бѣгающія фигурки...

Эти группировки, вызванныя первоначально различіемъ идеаловъ, нравственныхъ понятій и цѣлей въ жизни, вѣроятно, образуютъ въ послѣдствіи законченныя, отдѣльныя и отличныя отъ другихъ группы. Нравственныя понятія выразятся въ образѣ жизни и привычкахъ, а идеалы будутъ искать себѣ выраженія въ литературѣ; пассивное сближеніе вступитъ такимъ образомъ въ фазу болѣе или менѣе сознательной и планомѣрной организаціи. Въ группахъ выработаются свои моды на костюмы, свои пріемы и правила жизни, быть можетъ, даже свои типичныя черты лица. Это позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе и о характерѣ литературы въ ближайшемъ будущемъ. Государства прошлаго были сравнительно маленькими. Надъ массой крестьянъ, которые жили и умирали въ подчиненіи, господствовалъ тонкій слой культурныхъ людей, съ понятіями которыхъ все должно было сообразоваться. Литература была общей въ предѣлахъ языка этого слоя. Различія взглядовъ вызывали полемику, бурные споры и гоненія, пока то или другое направленіе не брало верхъ надъ остальными. Но у новаго міра, къ которому мы идемъ, въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ по-

колѣній, не будетъ общихъ идей и общихъ условий, хотя населенія его будутъ свободно сообщаться между собою и всякая новая мысль будетъ находить себѣ повсемѣстный отголосокъ. Литература мысли и стремленій будетъ у него различной, смотря по характеру той или другой группы населенія ¹.

Жизнь уже и теперь перетасовываетъ людей очень произвольно, а въ будущемъ эта перетасовка пойдетъ еще дѣятельнѣе; люди будутъ сближаться, группироваться, группы—снова распадаться, искать новыхъ сочувственныхъ группъ, и эта перетасовка составитъ существенную черту соціальной исторіи грядущаго вѣка.

Прочная жизнь при старомъ порядкѣ, когда че-

¹ Это замѣтно уже и теперь. Въ началѣ XIX вѣка, шумъ, поднятый какою-нибудь книгой, распространялся на всю читающую публику. Можно сказать не метафорически, что Байрона и Вальтеръ-Скотта читали всѣ, равно какъ и Диккенса. Въ настоящее же время эта сирена славы достигаетъ до слуха лишь той или другой части публики и многимъ приходится конфузливо сознаваться, что они не читали какого-нибудь знаменитаго новаго сочиненія. Мы привыкаемъ къ шумной литературной славѣ, какъ къ шуму мотора, и не считаемъ ее болѣе чѣмъ-то всемірнымъ. Мы явно распадаемся на группы. Но хотя въ настоящее время такіе шумные успѣхи, какой имѣли „Веверлей“ или исторія Маколея, едва-ли возможны, тѣмъ не менѣе многіе изъ новыхъ писателей, отличающіеся слишкомъ тонкимъ умомъ и черезчуръ оригинальнымъ талантомъ, который въ прежнія времена, вѣроятно, не нашелъ бы себѣ цѣнителей, теперь находятъ ихъ и живутъ очень недурно, хотя постоянно и горько жалуются на вульгарные вкусы своихъ современниковъ.

ловѣкъ дѣлалъ то, что считалъ правильнымъ, или что было въ обычаѣ дѣлать, когда жизнь формировалась, какъ растопленный свинецъ, влитый въ форму,—такая жизнь уходитъ отъ насъ. Съ наступленіемъ новаго вѣка передъ нами все яснѣе и яснѣе возникаютъ новые культурные типы людей съ ихъ образомъ жизни. Сѣроватый тонъ нашей настоящей жизни сѣръ только потому, что мы еще не можемъ различить красокъ въ его смѣшанныхъ оттѣнкахъ. Потомъ, когда эти полутоны и оттѣнки распредѣлятся, какъ имъ подобаетъ, мы увидимъ, что одна масса имѣетъ одинъ цвѣтъ, другая—другой. А когда цвѣта станутъ яркими и традиціи стараго порядка изгладятся; когда эти новыя культуры примутъ болѣе опредѣленныя формы и глубже войдутъ въ сознаніе людей; когда возрастетъ значеніе и вліяніе новыхъ литературъ, и когда изъ различій спекулятивнаго мышленія выработаются опредѣленныя направленія, а контрасты и точки соприкосновенія опредѣлятся ярче и яснѣе, тогда въ коллективной общественной жизни произойдутъ большія перемѣны. Но въ этой радугѣ оттѣнковъ одинъ какой-нибудь цвѣтъ будетъ преобладать. Въ то время, какъ силы, дѣйствующія въ богатыхъ или преданныхъ чисто спекулятивнымъ интересамъ общественныхъ группахъ, будутъ вести ихъ къ разложенію, а во многихъ случаяхъ и къ положительному исчезновенію,—силы, сближающія практически дѣловыхъ людей, будутъ стремиться придать такимъ людямъ общія характеристическія черты, общія вѣрованія и открыть группу одинаковыхъ и сродныхъ имъ

классовыхъ интересовъ, которая могла бы соединить ихъ. Люди практическіе—инженеры, врачи и вообще ученые—будутъ все болѣе и болѣе сближаться въ своей основной культурѣ въ однородную массу, все яснѣе сознающую общій ей взглядъ на вещи и свое отличіе отъ другихъ массъ, не имѣющихъ такой опредѣленной функции, а также и отъ всякаго сорта людей прошлаго времени. Положительная наука послужитъ этой массѣ общей почвой для пониманія реального достоинства жизни и реальной причины порока; этотъ производительный классъ будетъ имѣть здоровое, а главное воспитательное вліяніе. Но что онъ сохранить или измѣнить изъ настоящей расплывчатой морали, когда явится, лѣтъ черезъ сто, во всей своей опредѣленности и силѣ,—этого я не берусь предсказывать. Несомнѣнно только то, что это будетъ классъ нравственныхъ людей. У него явится литература, отвѣчающая его нуждамъ; онъ обсудитъ, изслѣдуетъ и изгонитъ многое. Для него будетъ ясно то, что для насъ туманно; онъ будетъ дѣйствовать рѣшительно тамъ, гдѣ мы колеблемся и обнаруживаемъ слабость. Этотъ народъ будетъ жить въ округахъ, благопріятныхъ для промышленности, въ здоровыхъ частяхъ городскихъ районовъ, вдали отъ болотъ и ночныхъ огней. Онъ сгруппируется по профессіямъ, у которыхъ будутъ свои большіе и солидные органы печати—въ Англіи „Lancet“, „British Medical Journal“ и нѣкоторые большіе техническіе журналы даютъ, хотя и слабое, понятіе о томъ, чѣмъ могутъ быть эти органы. Лучшіе люди изъ богатыхъ

классовъ будутъ притягиваться къ этимъ центрамъ... Если не произойдетъ какого-нибудь катаклизма, который снесетъ все, что создано человекомъ, то подъ дѣйствіемъ показанныхъ силъ неизбежно должны въ концѣ концовъ возникнуть изъ будущаго хаоса эти сродныя между собою группы дѣльныхъ мужчинъ и образованныхъ женщинъ.

Пользуюсь случаемъ, который представляетъ мнѣ новое изданіе этой книги, чтобы прибавить нѣсколько поясненій къ двумъ предшествующимъ главамъ. Комментаріи показали мнѣ, что контрастъ между акціонерами и активными элементами общества вышелъ у меня слишкомъ рѣзкимъ, словно я писалъ о двухъ совсѣмъ различныхъ и отдѣльныхъ слояхъ населенія. Это совсѣмъ не такъ. Цѣлью моей было противопоставить соціальныя силы или элементы, которыми создаются контрасты между отдѣльными личностями или семьями, а не противоположные классы, и тѣмъ менѣе цѣлые общественные слои. Такъ, напримѣръ, я не причисляю къ классу акціонеровъ людей, которые организуютъ и контролируютъ тресты. Другое дѣло—ихъ жены и дѣти: тѣ могутъ принадлежать къ этому классу. Существенной чертой процесса, называемаго трестомъ, служить собраніе акцій въ нѣсколькихъ рукахъ, съ цѣлью управленія реальнымъ предметомъ; главной же чертой разсѣяннаго класса акціонеровъ есть его паразитное отчужденіе отъ всякаго реального дѣла.

Г. У.

V

ИСТОРИЯ ДЕМОКРАТИИ

Въ предшествующихъ четырехъ главахъ я обрисовалъ, правда, грубыми, неискусными чертами типъ цивилизованнаго государства будущаго столѣтїя. Я описалъ, быть можетъ, не вполне ясно, но все же достаточно опредѣленно, распредѣленіе населенія этого государства и естественное развитіе его въ четыре главныхъ класса, фактически сливающихся. Я показалъ, что въ настоящее время совершается неотразимой силой вещей процессъ социальнаго и моральнаго распаденія, и что изъ этого хаоса безцѣльно и дурно направленныхъ существованій выработается классъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей, техниковъ и администраторовъ съ научной подготовкой и съ общими интересами и идеалами. Я указалъ на то, что жизнь представляетъ въ настоящее время безпримѣрное разнообразіе нравственныхъ системъ, брачныхъ отношеній, занятій и типовъ, но все это въ такомъ хаотическомъ видѣ, что жизнь имѣетъ сѣрый тонъ, хотя уже съ задатками мѣстной конкрeціи, способной измѣнить этотъ тонъ въ калейдоскопическіе эффекты. Эта метафора конкрeціи по цвѣту будетъ очень часто повторяться въ настоящей

главѣ. Я далъ въ этомъ трудѣ нѣкоторое понятіе о бракахъ, костюмахъ, способахъ сообщенія и пр. въ будущее время, показавъ нѣкоторыя частности въ общемъ тезисѣ. Теперь же, допустивъ, что я не ошибся въ моихъ предположеніяхъ, мы дошли до той стадіи, которая позволяетъ разсмотрѣть, какимъ образомъ существующія формы управленія государствомъ будутъ развиваться присущими имъ силами, и насколько могутъ вліять на ихъ развитіе предсказанные процессы.

До сихъ поръ въ нашихъ соображеніяхъ предполагалось развитіе цивилизованнаго общества *in vacuo* (въ пустомъ пространствѣ). Наше вниманіе сосредоточивалось почти исключительно на силахъ развитія, а не на силахъ сопротивленія и конфликта. Мы игнорировали границы, представляемая различіемъ языковъ, стоящая поперекъ большихъ линій новѣйшихъ путей сообщенія; игнорировали треніе тарифовъ и тѣ предразсудки и неразумные инстинкты, которые побуждаютъ, на примѣръ, англійскую смѣшанную толпу акціонеровъ, рабочихъ, финансистовъ и лишнихъ на свѣтѣ бѣдняковъ ожесточенно ненавидѣть, бранить, оклеветывать такую же смѣшанную толпу французовъ или нѣмцевъ. Мало того, мы не принимали въ расчетъ того факта, что, помимо національности, положеніе каждой личности въ новомъ социальномъ строѣ создавалось среди условій легальнаго правительства, основаннаго на общественныхъ формахъ, исключаемыхъ господствомъ механики. Вотъ это послѣднее обстоятельство мы и должны принять теперь въ соображеніе.

Наше время принято называть демократическимъ вѣкомъ. „Демократія“, какъ говорятъ, заполонила искусство, литературу, торговлю и религію. Большинство современныхъ мыслителей не только безмолвно признають демократію господствующей, но находятъ, что ея господство растетъ изъ года въ годъ. Ссылки на демократію такъ обильны, выводы изъ ея вліянія дѣлаются съ такою всеобщою увѣренностью, что не мѣшаетъ объяснить, какъ пусть въ большинствѣ случаевъ этотъ терминъ и какое призрачное понятіе даетъ онъ о содержаніи предмета и объ его ассоціаціяхъ. Разберемъ по существу, что именно реальнаго подразумевается въ настоящее время подъ словомъ „демократія“. Мы предвидимъ, что изслѣдованіе приведетъ насъ совсѣмъ къ другому понятію о характерѣ и будущности этого рода политической формы, чѣмъ какое вообще принято. Мы уже видѣли въ дѣлѣ роста большихъ городовъ, что аналитическое изслѣдованіе можетъ привести совсѣмъ къ обратнымъ результатамъ, чѣмъ какіе предвидятся на основаніи общихъ выводовъ изъ прошлаго. Такъ и въ развитіи демократіи слѣдуетъ, мнѣ кажется, видѣть не первую фазу мірового движенія, которое должно неуклонно продолжаться въ его настоящемъ направленіи, а первый импульсъ силъ, способныхъ въ концѣ концовъ принять совсѣмъ другое направленіе, чѣмъ ожидаемое. Произвольные выводы составляютъ одну изъ постоянныхъ и весьма серьезныхъ опасностей въ дѣлѣ предсказыванія будущаго.

Французское провозглашеніе человѣческихъ

правъ представляется самымъ громкимъ заявленіемъ демократическаго принципа и наше настоящее демократическое государство можно считать практическимъ осуществленіемъ этихъ правъ. Оно приняло форму неограниченной свободы личной воли въ вопросахъ, считавшихся до сихъ поръ подчиненными общественному суду, какъ, напримѣръ, въ отмѣнѣ положительнаго принужденія въ религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ, въ признаніи абсолютнаго права собственности, въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ специальныхъ привилегій или ограниченій. Новѣйшая политическая демократія отрицаетъ, что какое-нибудь специальное лицо или лица могутъ имѣть лично присущее имъ право дѣйствовать отъ лица цѣлой общины. Демократическая идея коренится въ представительствѣ. Правительственная власть основана на выборномъ началѣ и всякое правящее лицо есть делегатъ и исполнитель народной воли, по крайней мѣрѣ, въ теоріи. Но въ демократической теоріи подразумѣвается, что такая вещь, какъ народная воля, дѣйствительно существуетъ и что это есть сумма желаній всѣхъ гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ. Въ менѣе совершенной и болѣе обычной своей формѣ демократическая теорія является или теоріей этической, по которой отсутствіе формальнаго согласія со стороны правимыхъ составляетъ несправедливость, или же политическимъ компромиссомъ—формой политической власти, какъ иные полагаютъ, наименѣе вредной для общественныхъ интересовъ... Я не знаю ни одного выборнаго демократическаго правительства, которое не могло

бы быть ниспровергнуто въ пять минутъ. Ясно, что въ результатъ безчисленное множество важныхъ общественныхъ дѣлъ рѣшаются безъ всякаго участія коллективной воли, и средній чловѣкъ относится къ этимъ рѣшеніямъ съ полнымъ равнодушіемъ; избирательная система просто-напросто отдаетъ власть въ руки наиболѣе ловкихъ избирателей. Ни люди, ни права ихъ не могутъ быть одинаковыми, а главное минимумъ или максимумъ общаго счастья лишь косвенно зависитъ отъ общественной власти и мы видимъ, что народъ, безропотно принимающій отъ своего правительства жестокія страданія, свергаетъ его, возмущившись по самой ничтожной причинѣ. Противъ демократіи говорятъ такіе очевидные факты, что мы не рѣшаемся признать нынѣшняго широкаго распространенія демократическихъ учрежденій плодомъ умственного убѣжденія; мы подозрѣваемъ даже, не служитъ ли слово „демократія“ только риторическимъ украшеніемъ для обозначенія существенно различныхъ фактовъ, и приступаемъ теперь къ изслѣдованію, насколько справедливо наше подозрѣніе.

Демократія новѣйшаго типа съ избирательнымъ правомъ взрослыхъ мужчинъ и т. подобнымъ выступила на видный планъ въ общественной жизни лишь въ послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка. Происхожденіе ея такъ совпадаетъ съ первымъ распространеніемъ продуктивнаго элемента въ государствахъ, благодаря механикѣ и кооперативной организации, что причинную связь между тѣмъ и другимъ нельзя не видѣть. Чѣмъ глубже всматрива-

емся мы въ общественную и политическую жизнь XVIII вѣка, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ основательности этой точки зрѣнія. Съ прогрессомъ механики начали появляться въ общественной жизни новые вліятельные факторы—организованные фабриканты, интеллигентные работники, опытные фермеры и городская „пропасть“, между тѣмъ какъ традиціи стараго землевладѣнія при аристократической монархіи, господствовавшія въ христіанскомъ мірѣ, дѣлали ее неспособной къ преобразованію и къ поглощенію или контролированію этихъ новыхъ факторовъ. Для Британской имперіи существовала еще въ дополненіе трудная задача въ неспособности ея установленнаго правительства ассимилировать развивающуюся цивилизацію американскихъ колоній. Всюду съ появленіемъ машинъ нарождались новые общественные элементы, которымъ еще не было отведено опредѣленное мѣсто; всюду старыя традиціи правительственной и соціальной системъ, слишкомъ хорошо проанализированныя, начали казаться все болѣе и болѣе стѣсняющими, нераціональными и слабыми въ своихъ попыткахъ овладѣть этими новыми силами и направить ихъ. Но вотъ пунктъ, которому я склоненъ придавать большую важность: новыя силы эти были еще безформенными. Броженіе заключалось не въ столкновеніи старой организаціи съ новою, а въ подготовительномъ сокращеніи и распаденіи зрѣлой старой рядомъ съ зачаточной новою. Въ ту пору невозможно было опредѣлить—эта возможность только теперь появляется—размѣры, шансы и взаимныя отношенія

новыхъ элементовъ, изъ которыхъ должна построиться социальная организація будущаго. Въ сто лѣтъ не выработалось никакой опредѣленной формулы преобразованія. И эти разрастающіеся новые факторы, самое происхожденіе которыхъ было обусловлено ломкой, измѣненіемъ или разрушеніемъ стараго порядка, были почти вынуждены силой обстоятельствъ формулировать временно свою дѣятельность въ общихъ утвердительныхъ предложеніяхъ, которыя въ дѣйствительности были вовсе не утвердительными, а отрицательными. „Эти короли, дворяне и люди, пользующіеся привилегіей занимать устарѣвшія должности, не могутъ управлять нашими дѣлами“,—очевидно, этого было довольно для массъ: это былъ существенный вопросъ въ свое время, и такъ какъ другого равносильнаго для замѣны его не имѣлось, то и явилось ученіе о непогрѣшимости гуртового людскаго мнѣнія въ отличіе отъ безспорной неспособности къ здравому сужденію отдѣльнаго чловека. И ученіе это было признано подходящею и удобною гипотезой.

Вотъ какъ возникла новѣйшая демократія, а не такъ, какъ рассказываютъ нѣкоторые краснорѣчивые господа, не по сознательному принятію народомъ принадлежащей ему верховной власти,—воображаю, какъ удивился бы и остолбенѣлъ французскій народъ во время первой революціи, если бы ему представили дѣло въ такой формѣ, — а потому что старые правящіе классы оказались не состоятельными передъ наступающимъ вѣкомъ индустріализма и открытій въ механикѣ, новые же

интеллигентные элементы въ государствѣ были не подготовлены и нуждались въ организации. Я сравнивалъ человѣческія существа въ обществѣ со смѣсью различныхъ красокъ, кажущеюся сѣрой, и пытался объяснить процессъ конкреціи частицъ одинаковаго оттѣнка въ этой смѣси до образованія массъ опредѣленнаго цвѣта. Сѣрый цвѣтъ придается не однообразіемъ красокъ, а безпорядочнымъ смѣшеніемъ ихъ; но демократія въ практическихъ видахъ должна представляться однообразной. Подобно математическому знаку безконечности ∞ , демократическая формула есть конкретный символъ отрицанія. Въ предшествовавшихъ главахъ мы дали понятіе о томъ, какой видъ приметъ въ политическихъ спорахъ это соціальное и моральное распаденіе стараго строя.

Новѣйшая демократія народилась въ старыхъ государствахъ Франціи и Великобританіи (включая бывшія англійскія колоніи въ Америкѣ) и всего полнѣе развилась у народовъ, говорящихъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Какъ мы сказали, это объясняется тѣмъ, что эти два народа стояли во главѣ матеріальнаго прогресса: у нихъ первыхъ развился индустріализмъ, началось широкое примѣненіе механическаго двигателя и дѣятельность большихъ массъ непокорныхъ силъ вышла изъ рамокъ установленнаго политическаго плана. Характеръ, время и сила революціи опредѣлились характеромъ низвергнутаго правительства и размѣрами антагонизма между нимъ и новыми элементами. Отпаденіе большей части средняго класса отъ аристократической Англіи, чтобы

образовать Соединенные Штаты Америки, внезапное обновленіе Франціи, отряхнувшей съ себя обветшалую монархію, и войны наполеоновскаго періода задержали и видоизмѣнили параллельное развитіе демократіи, которое иначе могло бы распространиться на всю Западную Европу до Карпатскихъ горъ. Монархіи, которыя, вѣроятно, были бы низложены броженіемъ внутреннихъ силъ и очистили бы мѣсто для новѣйшихъ демократическихъ государствъ, были ниспровергнуты внѣшними силами. Удобный моментъ къ переходу Европы въ полную демократическую форму былъ упущенъ, и начался процессъ политическаго преобразованія, сильно осложненный религіозными, національными и династическими традиціями. Тѣмъ не менѣе въ Америкѣ, въ Англіи и во Франціи, послѣ потрясающихъ экспериментовъ, — но всего полнѣе въ Соединенныхъ Штатахъ, — политическая демократія установилась легально, и отраженіе и вліяніе ея методовъ на всѣхъ другихъ странахъ, съ которыми она соприкасается въ умственномъ отношеніи, стало такъ сильно давать себя чувствовать, что фактически и въ этихъ странахъ монархіи обновились почти въ формѣ демократическихъ республикъ. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, Австріи, Италіи печать почти такъ же свободна, какъ и въ чисто демократическихъ странахъ, и пользуется почти такимъ же вліяніемъ. И здѣсь также установлены конституціонныя законодательныя собранія; и здѣсь разившіеся внѣ официальныхъ рамокъ промышленные и финансовыя элементы получили такую силу, что съ ними должна

считаться правительственная власть. Въ огромномъ числѣ публичныхъ преній въ этихъ государствахъ явно сквозятъ демократическія тенденціи, и правительства ихъ, какъ и въ демократическихъ республикахъ Америки, основаны не на отдѣльныхъ классахъ, а на ихъ смѣшеніи и представляются въ различной степени истинными правительствами сърой массы.

Я уже говорилъ, что сърый тонъ только кажущійся, и рано или поздно краски въ сърой смѣси станутъ явственнѣе. Преобладающая краска приметъ форму научно-образованнаго средняго класса небывалаго сорта, — класса, не вышедшаго изъ среды старыхъ среднихъ классовъ, а смѣнившего ихъ. Я полагаю, что классъ этотъ сознательно сдѣлается, наконецъ, правительственнымъ и сильно ограничитъ, подчинивъ себѣ, три другія не активныя массы, въ которыхъ до сихъ поръ онъ почти растворяется. Общій характеръ обстоятельствъ, которыя будутъ содѣйствовать его образованію въ настоящемъ хаосѣ, можно уже до извѣстной степени предусмотрѣть, хотя начинанія его замѣчательно слабы и малообщающи. Въ настоящее время классъ людей способныхъ и получившихъ специальное образованіе — врачей, инженеровъ и ученыхъ всякаго сорта, — имѣетъ несоразмѣрно мало представителей въ политической жизни и совсѣмъ не играетъ въ ней дѣятельной роли. Онъ развивается и растетъ внѣ ея и не проявляетъ еще коллективнаго намѣренія войти въ эту жизнь въ качествѣ specialнаго элемента. Но тѣмъ не менѣе существуютъ силы, которыя общають

втянуть его въ центръ политической дѣятельности.

Новѣйшая демократія или демократическая *quasi*-монархія ведетъ свои дѣла такимъ образомъ, словно спеціальное знаніе и практическое воспитаніе никогда и не существовали. Единственное признаніе ея значенія человѣка, который далъ себѣ трудъ учиться и умѣетъ примѣнять свои знанія, состоитъ въ обращеніи къ его совѣтамъ въ спеціальныхъ случаяхъ, чтобы поступать потомъ по своей глубокой мудрости вопреки этимъ совѣтамъ, или въ возложеніи на него какихъ-нибудь обязанностей, невозможныхъ для другого, при обстоятельствахъ, крайне ограничивающихъ свободу дѣйствій. Къ человѣку, обладающему спеціальными знаніями, относятся словно къ какому-то животному, выкидывающему любопытныя штуки. Такъ, напримѣръ, оружейныхъ дѣлъ мастеръ можетъ наводить пушки и стрѣлять изъ нихъ, но его не спрашиваютъ, куда и въ кого стрѣлять: это рѣшаетъ тотъ, кто поменьше его смыслить въ дальнобойности орудія и въ траекторіи. Инженеръ можетъ вести корабль и стрѣлять изъ батареи, но не иначе, какъ подъ руководствомъ человѣка, который, не совсѣмъ хорошо понимая это дѣло, кричитъ инженеру въ трубу свои инструкціи. Если велосипедъ нужно приспособить къ военнымъ надобностямъ, это возлагается на подполковника Бальфура. Если требуется закупка лошадей въ Индіи для британской арміи, туда посылаютъ не спеціалиста, а лорда Эдуарда Сесилия. Люди правящаго класса даже не подозреваютъ, что есть на

свѣтъ такая вещь, какъ специальное знаніе или непровержимый фактъ. Они учились въ школахъ, руководимыхъ учителями - диллетантами, у которыхъ единственная цѣль въ жизни—если у этихъ людей можетъ быть какая-нибудь цѣль—это сѣсть на епископскую скамью въ Верхней палатѣ, и которые, если и учились чему, то знаютъ только необычайное могущество внѣшности въ наше демократическое время. Имѣтъ внушительный видъ и хорошую репутацію—значитъ имѣтъ успѣхъ. Чего же еще? Главные дѣятели въ обществѣ игнорируются въ политической рутинѣ; она дѣйствуетъ, словно на свѣтъ ничего не существуетъ, кромѣ безотвѣтственныхъ богачей и дѣльцовъ, ворочающихъ безотвѣтственнымъ богатствомъ и большой сѣрой, политически индифферентной массой. Видя только настоящія условія политической жизни, можно подумать, что такое положеніе дѣлъ будетъ продолжаться безконечно и развиваться только по законамъ взаимодѣйствія между шарлатанами правящаго класса, съ одной стороны, и сѣрой массой правимыхъ—съ другой. Повидимому, въ настоящемъ политическомъ и социальномъ строѣ нѣтъ и двери для входа въ него класса дѣйствительно образованныхъ людей, который, однако, постоянно развивается съ непрерывно усложняющимся механизмомъ общественной жизни. И въ большей части текущихъ политическихъ соображеній развитіе и окончательное выступленіе на сцену этого класса игнорируется, вниманіе всецѣло сосредоточивается на процессѣ развитія, присущемъ политическому механизму. Но даже и тутъ

легко преувеличить перевѣсъ той или другой изъ очень, въ сущности, уравновѣшенныхъ силъ, дѣйствующихъ въ механизмѣ демократическаго правительства.

Есть двѣ главныхъ группы въ этомъ механизмѣ, между которыми существуетъ нѣкоторый антагонизмъ; онѣ противодѣйствуютъ одна другой и всякое предположеніе о будущемъ развитіи этого механизма естественно подчинено сравнительному значенію, которое придается той или другой изъ этихъ противоположныхъ группъ. Ихъ можно сравнить съ Властью и Трудомъ или съ двумя плечами рычага ¹. Съ одной стороны стоитъ то, что платитъ за машину, что распредѣляетъ плату за трудъ и награды, что субсидируетъ газеты и пр., — словомъ, центральное вліяніе ², съ другой сѣрая, вотирующая масса съ ея предразсудками и традиціями, которою, въ предѣлахъ ея внутреннихъ законовъ и ограниченій, руководить печать. Иные находятъ, что первый элементъ имѣетъ болѣе

¹ Точкой опоры, которая считается абсолютно неподвижной, служить общая вѣра въ демократическую теорію.

² Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ этой быстро развивающейся странѣ съ огромнымъ обращающимся богатствомъ, центральнымъ вліяніемъ служитъ финансовая поддержка политическаго дѣльца, обыкновенно изобрѣтательнаго, умѣлаго организатора. Въ Англіи же, гдѣ реализованное богатство достигаетъ своего максимума, центральное вліяніе исходитъ отъ одной части представителей этого богатства, вдохновляемыхъ традиціями аристократическаго прошлаго и относящихся къ обществу хотя и честно, но диллетантски. Что же касается до Германіи, то тамъ роль партійнаго механизма играетъ подавляющее вліяніе двора.

будущности, но другимъ можетъ представляться, что изъ демократіи сформируется въ концѣ концовъ государство, руководимое исключительно группой умныхъ и вліятельныхъ людей — обыкновенно они представляются въ формѣ финансистовъ и компаньоновъ ихъ, обладающихъ усовершенствованнымъ механизмомъ партійнаго контроля, смѣло и умѣло подготовляющихъ выборы и направляющихъ свою политику къ финансовымъ цѣлямъ. Соединеннымъ Штатамъ обыкновенно предсказываютъ, что они подпадутъ подъ власть организаторовъ трэстовъ и политическихъ дѣльцовъ. Но человѣкъ или группа людей, настолько сильныхъ и умныхъ, чтобы держать въ подчиненіи своей волѣ дѣятельность цѣлой партіи, могутъ быть только случайнымъ, переходнымъ явленіемъ въ исторіи міра. Такая эксплуатація центрального контроля должна быть чрезвычайно хитрой и замаскированной, иначе господство этого сорта дѣльцовъ было бы сильно подорвано требованіями второго фактора, и имъ пришлось бы соображаться въ своей дѣятельности съ его силами. Къ тому же люди хитрые обыкновенно не ставятъ себѣ такихъ цѣлей, а если ставятъ, то терпятъ неудачи, такъ какъ при хитрости предполагается нѣкоторая мелочность и слабость. Время, когда многословіе и эффектность манеръ были необходимымъ условіемъ для занятія видной политической роли, уже проходитъ; политическая власть все болѣе переходитъ въ руки людей, опытныхъ въ юридической казуистикѣ, — людей толстокожихъ, съ твердымъ практическимъ умомъ. Это, какъ говорятъ, проповѣд-

ники, люди „вѣрующіе“, т. - е. не анализирующіе, готовые взяться управлять машиной такой, какова она есть, безъ оговорокъ, подчинить ей свое честолюбіе, оберегая только свое тщеславіе, и предоставить ей идти, какъ идетъся. Политическимъ дѣльцомъ или „боссомъ“¹, какъ его называютъ американцы, будетъ тотъ, кто желаетъ быть имъ, кто находитъ себѣ конечное удовлетвореніе въ сознаніи, что онъ „боссъ“, а не тотъ, кто хочетъ быть имъ, чтобы дѣлать что-нибудь или сдѣлаться чѣмъ-нибудь; этимъ только создаются усложненія. Механизмами управляютъ—и судя по всему, будутъ еще долго управлять—мастера ничего другого, какъ только компромисса, и этотъ воображаемый внутренній контроль надъ машиной за спиной политическихъ людей, стоящихъ на виду, сильно напоминаетъ удивительнаго Родена (въ „Вѣчномъ жидѣ“) и кажется столь же вѣроятнымъ, какъ и все остальное въ романахъ Эжена Сю.

Если, съ другой стороны, мы обратимъ вниманіе на антагонистскій элементъ въ механизмѣ, на общественное мнѣніе, то-есть на предполагаемое коллективное мнѣніе сѣрой массы, и сообразимъ, какимъ образомъ она доходитъ до вѣры въ самое себя и въ то, что у нея есть какія-нибудь мнѣнія—а доходитъ она до этого, читая газеты и слушая высокопарныхъ ораторовъ,—то мы легко можемъ вообразить и противоположнаго двигателя политической машины: крайнихъ демагоговъ и синдикаты печати, которые ведутъ свою линію.

¹ Boss—большая шишка.

Но что касается до демагоговъ, то увеличеніе народонаселенія, расширеніе интересовъ, распространеніе увеселеній, дифференціація общественныхъ привычекъ, распространеніе большихъ городовъ, — все будетъ противодѣйствовать большимъ сборищамъ избирателей въ установленныхъ мѣстахъ, составлявшимъ ихъ силу въ недавнемъ прошломъ. Мало вѣроятій, чтобы опять наступило время, когда какой-нибудь растрепанный человѣкъ въ измятомъ воротничкѣ, съ краснымъ, кривляющимся лицомъ, съ размашистыми жестами, съ громовымъ голосомъ, который говоритъ неустанно и невозбранно, — говоритъ то изъ окна вагона или съ желѣзнодорожной платформы, то съ балкона гостиницы или съ кафедръ, то на площади, стоя на бочкѣ или на помостѣ, — когда такой человѣкъ могъ бы подняться до высшей власти, какая возможна въ демократическомъ государствѣ. Крикливые ораторы-демагоги сходятъ со сцены: ихъ вытѣсняють другіе элементы, дѣйствующіе на публику процессіями съ музыкой, организаціей печати, долей въ прибыляхъ машиннаго производства.

Одинъ изъ сотрудниковъ лондонской газеты „Daily Mail“ разсматривалъ въ очень интересной статьѣ, какой мѣрой власти могли бы пользоваться владѣльцы газеты, которая „одновременно“ выходила бы во всемъ мірѣ. Но онъ не анализируетъ при этомъ ни характера вліянія газетъ въ послѣдовательныя фазы XIX вѣка, ни вѣроятныхъ перемѣнъ, которымъ должно подвергнуться это вліяніе въ будущемъ. И вообще авторъ склоненъ

слишкомъ преувеличивать власть газеты надъ умомъ и поступками читателей и переступать за весьма ясно опредѣленные предѣлы этой власти. Въ началѣ викторійскаго періода свободный классъ гражданъ, болѣе ограниченный и только отчасти образованный, имѣлъ извѣстный образъ мыслей. Спокойная увѣренность его въ большей части богословскихъ и во всѣхъ моральныхъ и эстетическихъ вопросахъ дѣлала то, что мысль его упражнялась главнымъ образомъ въ вопросахъ политическихъ, и болѣе серьезныя газеты того времени могли — и даже были призваны — обсуждать не только спеціальныя обстоятельства жизни, но и общіе принципы. Собственно говоря, послѣднее было даже ихъ главной функціей и краснорѣчивые ораторы только перетолковывали эти принципы сообразно надобности. Въ тѣ времена газеты гораздо болѣе содѣйствовали, чѣмъ теперь, образованію общественнаго мнѣнія, хотя фактически онѣ вліяли менѣе на направленіе дѣлъ, чѣмъ ихъ новѣйшіе преемники, прокладывая дороги, на которыя неожиданно сворачиваютъ событія. Однако болѣе дорогая и всегда болѣе живая газета новѣйшей демократіи не формируетъ общественнаго мнѣнія. Впрочемъ, какъ я уже показалъ въ предшествовавшихъ главахъ, о большей части общественныхъ вопросовъ въ настоящее время и не можетъ существовать коллективнаго мнѣнія. У насъ есть, напримѣръ, группа протекціонистовъ и группа фритредеровъ, но на счетъ подробностей этихъ вопросовъ въ умахъ царить полный хаосъ. Новѣйшія газеты заботятся лишь о томъ, чтобы поддер-

жать свою широкую распространенность, привлекающую объявленія, и для этого стараются быть какъ можно разнообразнѣе и живѣе; онѣ мѣтятъ туда, гдѣ толпа всего гуще, и, не слишкомъ заботясь о правдѣ, ищутъ только случая произвести наибольшую сенсацію среди наибольшаго числа людей. Издатели газетъ вкладываютъ въ нихъ свои капиталы въ надеждѣ на прибыль, а прибыль дается быстрой смѣной эффектныхъ новостей и раздуваніемъ событій. Извѣстія, имѣющія общественный интересъ, все болѣе отодвигаются на задній планъ; критика, серьезное обсужденіе вопросовъ, сознание отвѣтственности — все это уходитъ изъ журналистики и вліяніе печати все болѣе низводится до способности вызывать эмоціи, кричать „пожаръ!“ раздувать на время репутацію какого-нибудь лица или значеніе и смыслъ какого-нибудь событія, истиннаго или ложнаго; обуздать же вызванное броженіе или дать ему то или другое направленіе печать не въ силахъ. Какъ скоро современная печать переходитъ отъ всего этого къ какому-нибудь спеціальному предложенію, затрогивающему принципы и вѣрованія, какъ скоро она начинаетъ анализировать и отбирать, она рискуетъ упустить точку соприкосновенія съ сѣрыми, неопредѣленными понятіями обывательскаго ума. Это оскорбляетъ однихъ, озабочиваетъ другихъ, докучаетъ третьимъ; распространенная газета, какъ и политическій воротила, не можетъ послѣдовательно стремиться къ какой-нибудь полезной цѣли въ будущемъ.

Таковы предѣлы вліянія новѣйшей, широко распространенной газеты, говорящей сѣрой массѣ, среднему человѣку изъ демократіи, газеты эпохи смѣшенія. И если мы не ошибаемся въ нашемъ предположеніи, что человѣческое общество перестанетъ быть однороднымъ и распадется на массы, которыя выработаются изъ общаго хаоса, то это положитъ предѣлъ вліянію газеты въ будущемъ. Въ ней могутъ произойти большія измѣненія ¹, она можетъ получить замѣчательное разви-

¹ Весьма возможно, что нѣкоторыя газеты будутъ имѣть всемірное распространеніе, насколько это позволяется языкомъ, на которомъ онѣ будутъ печататься. Изданіе будетъ слѣдовать по пути солнца, превращаясь изъ сегодняшняго въ завтрашнее и собирая отовсюду гдѣ литературную критику, гдѣ финансовое извѣстіе, гдѣ завтрашнее событіе или скандалъ. Газета будетъ катиться какъ огромный садовый катокъ, къ которому на каждомъ оборотѣ будутъ приставать мѣстныя извѣстія. Если оправдается наше предположеніе, что демократія есть только переходный хаосъ, то явится не одна, а много такихъ газетъ, и характеръ ихъ будетъ все болѣе специализироваться по мѣрѣ распадѣнія на группы общественныхъ элементовъ. Такія газеты не только будутъ наполняться особаго рода матеріаломъ, но и образъ мыслей и самая форма рѣчи будутъ у нихъ отличными отъ другихъ газетъ и отвѣчающими особому классу ихъ читателей. Теперь, такъ какъ ни одна общественная газета не знаетъ, кто ея читатели, въ каждой есть всего понемногу: немножко спорта, немножко финансовыхъ извѣстій, кое-какой литературный матеріалъ и длинные столбцы политической трухи. Съ удешевленіемъ и усовершенствованіемъ телеграфной и телефонной системы, а также и фонографа, извѣстія неотложнаго интереса, какъ, на примѣръ: колебаніе биржевыхъ бумагъ, лотерейные списки, результаты

тіе, но ничто не дастъ ей большаго политическаго значенія, чѣмъ то, которымъ она пользуется въ настоящее время. Такимъ образомъ, пока общество представляетъ сѣрую смѣсь, вѣроятное развитіе партійнаго механизма можетъ давать только отрицательные результаты. Все останется, какъ оно есть, и демократическія государства и правительства будутъ продолжать слѣдовать тѣми путями, какими они слѣдуютъ въ настоящее время.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ возникающій классъ свѣдущихъ людей приступитъ къ измѣненію настоящей формы правленія въ странахъ и монархіяхъ, по наружности демократическихъ. Методы вступленія ихъ въ силу будутъ многообразны и усложнены безчисленными инцидентами, но въ нихъ неизмѣнно будетъ проявляться одна общая черта: вытѣсненіе партійнаго механизма въ чисто демократическихъ странахъ и замѣщеніе

экзаменовъ, будутъ исключены изъ газеты. Желаящіе получать ихъ подпишутся въ телеграфномъ агенствѣ или будутъ получать извѣстія черезъ фонографъ, а этотъ инструментъ, вѣроятно, будетъ находиться почти въ каждомъ домѣ, какъ теперь барометръ. Надо надѣяться, что ежедневная газета промѣняетъ свой видъ паруса на болѣе удобный форматъ еженедѣльной газеты. Романы, вѣроятно, совсѣмъ исключатся, а стихотворенія будутъ печататься только изрѣдка. Безъ нѣсколькихъ страницъ объявленій дѣло, конечно, не обойдется, но хорошій издатель будетъ осмотрителенъ и въ объявленіяхъ, и не позволитъ у себя нахаламъ въ тысячный разъ мозолить глаза публики какими-нибудь всецѣлебными пилюлями или экстрактомъ изъ лошадиного мяса. Онъ отведетъ для подобныхъ объявленій послѣднія страницы, а цѣны на нихъ назначитъ восходящія.

назначаемыхъ правительствомъ администраторовъ изъ привилегированнаго и богатаго класса въ государствахъ монархическихъ людьми свѣдущими и дѣятельными, вѣрующими въ одну общую имъ теорію общественнаго порядка. Вытѣсненіе совершится или мирно, путемъ постепенныхъ реформъ, или же насильственно, но несомнѣнно произойдетъ въ виду грозящей войны или вслѣдствіе военнаго погрома.

Что всѣ правительства смѣшанныхъ народовъ идутъ къ войнѣ и такой войнѣ, которая, по силѣ и распространенности воинственнаго импульса и по заключительному разгрому далеко превзойдетъ всѣ войны прошлыхъ временъ,—это фактъ замѣчательный, но объяснимый. Неизбѣжнымъ условіемъ демократическаго правительства является извѣстный тонъ общественныхъ заявленій, въ опасной степени ревнивый и патріотическій. Задорный націонализмъ составляетъ неизбѣжное свойство партійнаго механизма, который будетъ господствовать въ демократическихъ странахъ. У нихъ не будетъ опредѣленной политики и опредѣленныхъ убѣжденій, потому что не будетъ болѣе опредѣленныхъ и установившихся общественныхъ мнѣній, но тѣмъ не менѣе имъ нужна будетъ какая-нибудь видимая цѣль для объясненія своей сплоченности, какой-нибудь предлогъ въ глазахъ гражданъ, который привлекалъ бы ихъ къ избирательнымъ урнамъ въ достаточномъ числѣ для поддержанія правительства противъ натиска мелкихъ, но рѣшительныхъ фракцій. Поддержка можетъ быть только одного рода. При отсутствіи нравственна-

го и религіознаго единообразія, при матеріальныхъ интересахъ, перемѣшанныхъ какъ кучка бирюлекъ, цѣлямъ политическаго человѣка можетъ служить только одна общая черта: широкій сортъ эгоизма, склонность гордиться своимъ патріотизмомъ, который каждый считаетъ своимъ исключительнымъ качествомъ. Въ каждой странѣ, подчиненной демократическимъ вліяніямъ, возникаетъ или будетъ возникать такой партійный механизмъ, который будетъ просто и ярко патріотическимъ и неопредѣленнымъ по отношенію ко всякимъ другимъ ассоціаціямъ между людьми. И это одинаково относится и къ явно демократическимъ государствамъ, и къ монархіямъ, преобразованнымъ по новѣйшему образцу, какъ Италія и Германія, такъ какъ и онѣ, при всѣхъ своихъ отличіяхъ отъ первыхъ, покоятся на сѣрыхъ массахъ. Партійные конфликты будущаго явятся главнымъ образомъ результатомъ появленія истиннаго патріота или подозрѣнія, что корона или правительственная машина тѣмъ или другимъ тайнымъ способомъ измѣняетъ интересамъ страны, а всякіе другіе спорные вопросы будутъ класться подъ сукно и оставляться въ застоѣ изъ боязни нарушить единство національнаго механизма.

Между тѣмъ патріотизмъ не такое растеніе, которое цвѣтетъ въ пустынѣ; оно нуждается въ существованіи иностранца. Національная и патріотическая партія есть по существу партія анти-иноземная; алтарь новѣйшаго божества, демократіи, требуетъ иноземныхъ жертвъ. Не зложелательство, а попросту желаніе удержаться у власти,

побуждаютъ правительство или партію раздувать опасности и національную вражду, чтобы страхомъ привлечь избирателей къ урнамъ, или стараться набросить тѣнь подозрѣнія въ продажности внѣшнему врагу на зародышъ новой партіи, грозящей конкуренціей господствующей. Въ то же время партійная печать играетъ роль сторожевой собаки, которая отвлекаетъ людей своимъ предостерегающимъ лаемъ отъ внутреннихъ усложненій къ которому-нибудь изъ сосѣднихъ народовъ, а тѣ, по причинамъ, которыя мы сейчасъ изложимъ, становятся все болѣе чувствительными къ этому лаю. Взаимный международный лай уже слышится повсюду, и не только въ политическихъ дѣлахъ, но также, и еще ожесточеннѣе, въ торговомъ соперничествѣ; лай бѣшеный и безумный, такъ какъ идеаль торговли, состоящій въ томъ, чтобы торговать съ иностранцами, ничего не экспортирующими и все импортирующими, явно переходитъ за предѣлы разсудка. Судьба правительствъ, основанныхъ на сѣрой массѣ, неумолимо побуждаетъ ихъ сѣять раздоры между народами. Даже союзы ихъ представляютъ только жертвы, приносимыя болѣе сильному антагонизму съ другими націями. Фазы эволюціи демократическаго государства послѣдовательны и просты. Въ виду неутомимой конкуренціи общественный тонъ становится все задорнѣе, и случаи къ возбужденію умовъ, критическіе моменты, изобрѣтательность въ измысленіи каверзъ становятся все драматичнѣе отъ одной пустоты и безпорядочности общественной мысли. Соперничество и зако-

нодательныя мѣры противъ иностранцевъ, манипуляціи съ тарифами и недовольство торговаго люда, безумныя, раззорительныя и распаляющія ненависть обструкціи, никому не приносящія пользы, даютъ пищу жаждѣ свары, не утоляя ее вполне. Политиканы будутъ все тѣснѣе и тѣснѣе прижимать другъ друга къ стѣнѣ не потому, чтобы они сами или кто другой нуждались въ этомъ, а потому, что они силою вещей вынуждены такъ поступать, чтобы не лишиться власти. Поэтому, конечнымъ развитіемъ демократической системы, по сколько она позволяется ея внутренними силами, будетъ не власть политическаго дѣльца или трэста, или печати, или чего бы и кого бы то ни было, а международное соперничество и конкуренція, международная вражда, которыя приведутъ въ концѣ-концовъ къ безпощадной и подавляющей власти самага суроваго изъ учителей,—къ войнѣ. Съ этого пункта открывается заманчивая дорога, на которую, подобно цѣлому лѣсу вывѣсокъ, зазываютъ историческіе прецеденты. Въ концѣ этой перспективы стоитъ фигура Наполеона съ подписью: „Цезаризмъ“. Оставляя на время въ сторонѣ нѣкоторыя побочныя соображенія и предполагая свободную эволюцію демократіи до ея конечныхъ результатовъ, мы видимъ, что въ нашемъ типичномъ государствѣ партійный механизмъ неизбежно доводитъ націю, довѣрившую ему свою судьбу, до ожесточенной международной войны. Но, впутавшись въ войну по своему безразсудству, господствующая партія дѣлаетъ видъ, что она исполняетъ велѣнія судьбы.

Партійный механизмъ или народное правительство сумѣетъ только вызвать войну, но вести ее не сумѣетъ. Я уже выше указалъ, почему выборное правительство современнаго типа неспособно къ дальновидной политикѣ. Существованіе его обусловливается умѣньемъ поддерживать внѣшній престижъ и понижать налоги; управленіе же флотомъ и арміей совершенно не по его способностямъ. Военная и флотская профессіи въ нашемъ типичномъ государствѣ будутъ основаны по преимуществу на традиціи; правительство будетъ только вмѣшиваться въ управленіе арміи и флота, но не управлять ими фактически, и никакая сила въ цѣлой системѣ не въ состояніи будетъ обуздать растлѣвающее вліяніе долгаго мира, настоять на упражненіяхъ, требуемыхъ подготовкой къ боевой организаціи, или обезпечить приспособленность къ новымъ и постоянно мѣняющимся системамъ вооруженія. Неспособнымъ, но самонадѣяннымъ и энергичнымъ людямъ, пользующимся политическимъ вліяніемъ, будетъ предоставлено испытывать различныя системы оружія; снаряженіе солдатъ будетъ направлено къ тому, чтобы производить на умы избирателей впечатлѣніе силы и приспособленности въ мирное время, а дѣйствительно способные люди будутъ или сами уходить изъ арміи, недовольные ея порядками, или же ихъ будутъ вытѣснять изъ нея, какъ людей неблагонадежныхъ, безпокойныхъ, стремящихся къ нововведеніямъ, къ тратѣ денегъ „на прихоти“. И съ такой-то подготовкой новая демократія впутается въ войну. Поэтому первая же стадія будущей

большой войны ознаменуется катастрофой, разгромомъ армій, существовавшихъ только для вида, стыдомъ и пораженіями, а вслѣдъ затѣмъ безпорядочною междоусобной схваткой между болѣе или менѣе равносильными массами ошеломленного, испуганнаго и взбѣшеннаго народа. Какъ далеко можетъ зайти подобный конфликтъ, на сколько велика возможность, что подобный случай разовьется во всенародную катастрофу, это зависитъ отъ спеціального характера конфликта; но это не измѣняетъ того факта, что всякая значительная война грозитъ сдѣлаться для современнаго демократическаго государства горькимъ, страшнымъ урокомъ, способнымъ потрясти его въ самыхъ основахъ.

Предвидѣніе этой возможности естественно напoминаетъ наполеоновскую легенду. Иные предсказываютъ, что подѣ давленіемъ войны въ критическій часъ пораженія явится нужный человѣкъ. Онъ будетъ соединять въ себѣ силу въ дѣйствіи и рѣшительность въ пріемахъ съ эффектной внѣшностью и съ неизмѣняющимъ военнымъ счастьемъ. Онъ смететъ парламенты и демагоговъ, поведетъ націю къ побѣдамъ, преобразуетъ страну въ имперію, сплотитъ ее обращеніемъ денегъ со своимъ профилемъ и организуетъ ея дальнѣйшіе успѣхи. Онъ все подведетъ подѣ свой кодексъ—я заимствую эти подробности изъ случайныхъ современныхъ предсказаній—обновитъ папство или, во всякомъ случаѣ, нагальванизируетъ христіанство, организуетъ науку въ слегка интригующія академіи маленькихъ людей и предпишетъ образцовую

школьную систему. Признательныя націи опять стануть боготворить наступательный эгоизмъ, которому служить счастье... Но у меня захватываетъ духъ отъ этого видѣнія.

Въ сущности не произойдетъ ничего подобнаго, а если и произойдетъ, то это будетъ только инцидентъ, не имѣющій существеннаго значенія въ прогрессивномъ развитіи человѣческой драмы. Случайнымъ удачникамъ не перевернуть болѣе міра, какъ ракетами не освѣтитъ цѣлаго города. Ходъ вещей направляется къ широкимъ выходамъ и времена единичныхъ вождей миновали. Предсказанія, на основаніи аналогій и прецедентовъ, пришествія военного господства въ лицѣ одного человѣка, повтореніе такихъ пародій на могущество Цезаря, какъ дурно примѣненный и быстро улетучившійся шахматный чемпионатъ Наполеона I, окажутся ложными. Они ложны уже потому, что въ нихъ упускается изъ виду соотношеніе къ нимъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, постоянное нарожденіе совершенно новаго образованнаго класса людей, естественный результатъ распространенія научныхъ свѣдѣній и прогресса механики; во-вторыхъ, полный переворотъ въ военномъ искусствѣ, совершающійся подъ вліяніемъ двухъ вышеупомянутыхъ факторовъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ мы будемъ подробно говорить въ слѣдующей главѣ, а пока бросимъ лишь общій взглядъ на сущность этого предмета. Въ прошломъ война была совсѣмъ другимъ дѣломъ, чѣмъ какимъ она явится въ будущемъ при новомъ вооруженіи; въ прошломъ она имѣла великолѣпный, эффектный, дра-

матическій и ограниченный характеръ; ничего подобнаго не будетъ она представлять въ будущемъ. Въ прошломъ война была дѣломъ нѣсколькихъ дней и рѣшалась геройствомъ, походами и сраженіями. Руководилъ ими главнокомандующій, конная фигура котораго, стоявшая на холмѣ, наблюдая за ходомъ дѣла, картинно рисовалась на фонѣ неба. Въ будущемъ война будетъ дѣломъ многолѣтней подготовки, предусмотрительной, математической расчетливости, не дающей воли воображенію. Рѣшительныхъ побѣдъ не будетъ, такъ какъ борьба разольется по огромному пространству. Исходъ ея будетъ все менѣе и менѣе зависѣть отъ командировъ и геройства, и все болѣе отъ ума и личныхъ качествъ большого числа свѣдущихъ и талантливыхъ людей. Все это мы покажемъ въ слѣдующей главѣ. Раньше или позже, но во всякомъ случаѣ подъ сѣнью войны окажется, для многихъ внезапно, что весь механизмъ власти въ странѣ находится въ рукахъ новаго класса умныхъ и научно образованныхъ людей. Вѣроятно, они будутъ открыты—или сами откроются—почти сюрпризомъ въ разгаръ войны, и въ рукахъ у нихъ окажутся дороги и рельсовые пути, карты и города, дренажъ, пищевые запасы, электричество и водопроводы, пушки и всѣ орудія истребленія и застраиванія, какія когда-либо мечтались человеку. У этихъ людей будетъ общее самосознаніе, выдѣляющее ихъ изъ сѣрой смѣси, общія цѣли и выводы, добытые путемъ смѣлаго научнаго анализа. Среди кровопролитія и страшныхъ бѣдствій они окажутся во главѣ всѣхъ, и весь матеріаль-

ный аппаратъ власти будетъ въ ихъ рукахъ. „Предположимъ, скажутъ они, что намъ нѣтъ дѣла до этихъ великолѣпныхъ господъ съ ихъ высокопарными рѣчами, что стоятъ тамъ наверху, и до этой смѣшанной, безвольной массы внизу, и попробуемъ пустить въ дѣло тормазы, чтобы установить болѣе разумный и прочный порядокъ. Правда, люди, держащіе власть въ своихъ рукахъ, установили всякаго сорта права и правила, и обтесали законы по своимъ надобностямъ, такъ что о насъ въ конституціи и рѣчи нѣтъ. Они держатъ въ своихъ рукахъ судей, газеты,—словомъ все, за исключеніемъ одного: они не могутъ избѣжать опасности разлетѣться вдребезги, если мы этого захотимъ, потому что въ нашихъ рукахъ находятся самыя усовершенствованныя орудія истребленія. Предположимъ, что мы вмѣсто того, чтобы обращать эти орудія и выставлять себя противъ такихъ же совершеннѣйшихъ орудій другихъ подобныхъ намъ людей изъ-за глупой международной ссоры, употребимъ ихъ согласно предписаніямъ высшаго разума, и очистимъ улицы отъ этого бессмысленнаго шовинистскаго оранья“... Въ выраженіи этой идеи не будетъ драматическихъ моментовъ, какъ при выступленіи новаго кромвелизма съ желѣзными латниками; не будетъ громкихъ рѣчей, эмблемъ, флаговъ и патріотическаго звона колоколовъ. Но съ драматическими моментами или безъ нихъ, а идея будетъ выражена и приведена въ исполненіе. Тогда воочію подтвердится евангельская истина, что богатство вовсе не есть верховная власть по существу, а есть только сила,

вліяющая на инертныя массы, подчиненныя полицейскому надзору. Пока держится миръ, классъ свѣдущихъ людей ослабляется, подавляется и контролируется, и такъ называемый нынѣшній порядокъ можетъ спокойно процвѣтать подъ властью того класса, который наблюдаетъ лишь за внѣшностью вещей. Но подобно тому, какъ насыщенный растворъ кристаллизуется отъ одного встряхиванія сосуда, такъ и новый классъ организуется среди военныхъ потрясеній. Шарлатаны могутъ уклониться отъ всего, кромѣ войны; они волей-неволей должны придерживаться національной исключительности и крикливаго шовинизма, такъ какъ въ этомъ ихъ главная поддержка; но она же въ концѣ концовъ будетъ и причиной ихъ паденія. Итакъ, повторяю: насильственно ли, путемъ революціи, или мирно и постепенно, а сѣрая смѣсь, именуемая демократіей, отживетъ свое время неизбежно, въ силу своихъ внутреннихъ условій; сумерки кончатся; общество изъ эмбрионическаго состоянія куколки разовьется въ организмъ высшаго порядка, въ міръ будущаго.

VI

В о й н а

Приступая къ предсказаніямъ характера будущихъ войнъ, мы испытываемъ нѣкоторое затрудненіе въ выборѣ точекъ исхода. Можно начать съ тѣхъ общихъ результатовъ, до которыхъ мы дошли въ предшествовавшихъ главахъ, и, показавъ съ нѣкоторыхъ сторонъ характеръ будущаго государства и его неизбѣжныя шовинистскія наклонности, продолжать наши соображенія о томъ, какъ будетъ вести войну этотъ огромный, плохо склеенный четырехъэтажный организмъ. Или же можно отложить пока эту матерію и, имѣя главнымъ образомъ въ виду все болѣе и болѣе сильныя средства вооруженія, доставляемыя солдату наукой, попытаться дать теоретически вѣрную картину будущей войны, опредѣлить форму государства, которое можетъ быть наиболѣе способнымъ вести ее и дойти такимъ образомъ до условій, при которыхъ настоящія правительства хаотическихъ народовъ будутъ въ состояніи пережить военную катастрофу. Мы избираемъ этотъ послѣдній путь. Начнемъ съ войны, ведущейся образцовой арміей, настолько хорошо подготовленной, насколько это

можно вообразить, и имѣющей за собою государство съ образцовой военной организаціей; послѣ этого намъ легче будетъ представить себѣ положеніе современнаго соціальнаго организма съ его смѣшанными классами народа, поставленнаго въ неизбѣжную необходимость прибѣгнуть къ такой несвойственной ему метаморфозѣ, какъ приведеніе себя на военное положеніе.

Важныя перемѣны въ военномъ дѣлѣ отвѣчаютъ перемѣнѣ, совершающейся въ общественномъ механизмѣ. Какъ мы показали, существенный характеръ послѣдней состоитъ въ прогрессивномъ вытѣсненіи старой рабочей базы въ общественномъ организмѣ усовершенствованной машиной и устарѣлость когда-то признававшагося нужнымъ дѣленія людей на дворянъ и простолюдиновъ. Въ военномъ дѣлѣ перемѣна имѣетъ форму послѣдовательнаго замѣщенія лошади и рядового солдата—главныхъ военныхъ орудій въ былыя времена—машинами и устраненіе старыхъ различій между руководителями, которые, щеголяя удалью и желая отличиться, вызывали явно опасные инциденты боя, и руководимыми, которые кричали: ура! шли въ атаку, наполняли своими тѣлами рвы и гибли массами. Старая война состояла изъ длинныхъ и трудныхъ переходовъ, изъ тяжелой лагерной жизни, но зато имѣла геройскіе заключительные моменты. Долгіе періоды лагерной жизни, почти всегда сопровождавшіеся эпидеміями, походы и отступленія, масса тяжелой возни съ продовольствіемъ и фуражемъ завершались къ безконечному облегченію солдатъ нѣсколькими часами

боя. Битва всегда представляла шумную схватку; массы разъяренныхъ солдатъ кидались одна на другую; сверкали пики и штыки, и бойня кончалась только тогда, когда одна изъ сторонъ не могла долѣе продолжать ее. Кавалерія съ обнаженными саблями довершала пораженіе смятой стороны. Въ позднѣйшихъ войнахъ къ рукопашной схваткѣ присоединился ружейный огонь, а затѣмъ и артиллерійскій, какъ дополнительный способъ разбивать массы людей. Такимъ образомъ давъ сраженіе и разбивъ непріятельскія силы на всѣхъ пунктахъ, вы достигали своей цѣли, вступали въ его столицу, и война кончалась... Новая система войны, вѣроятно, совсѣмъ не будетъ похожа на старую.

Совершающійся переворотъ состоитъ прежде всего въ постоянномъ увеличеніи дальнобойности и мѣткости прицѣла ружья и пушки, но въ особенности ружья. Послѣднее совершенствуясь превратилось изъ неуклюжаго орудія, изъ котораго даже клоунъ выучивался стрѣлять въ полдня, въ очень сложный механизмъ, которымъ при неумѣломъ обращеніи легко навредить; но зато въ рукахъ мужественныхъ, твердыхъ и знающихъ людей это орудіе имѣетъ необычайную силу. Дальнобойность и мѣткость прицѣла сдѣлали храненіе, заряжаніе и прицѣливаніе дѣломъ второстепеннымъ сравнительно съ гораздо труднѣе приобретаемымъ умѣньемъ соображаться, цѣлясь, съ очертаніями мѣстности, достижимой для пули. Даже самое устройство ружья едва ли уже достигло своего совершенства. Быть можетъ, оно будетъ снаб-

жено особаго рода телескопомъ, который позволитъ цѣлиться въ точку, находящуюся на разстояніи мили и болѣе. Возможно также, что ружью будутъ приданы нѣкоторыя особенности механической пушки. Оно будетъ выпускать или по одной пулѣ, или же почти залпомъ по цѣлому дождю пуль, которыя будутъ мѣтко осыпать, по желанію стрѣлка, небольшое пространство. Весьма вѣроятно, что такое ружье будетъ носить одинъ человекъ, хотя въ сущности нѣтъ причины, чтобы это было непременно такъ, если не считать традиціоннаго штыка, надобность въ которомъ, если она существуетъ, можетъ быть удовлетворена другимъ способомъ. Весьма возможно, что ружье и боевые запасы будутъ прикрѣплены къ велосипеду подъ управленіемъ двухъ или нѣсколькихъ солдатъ. Съ такимъ оружіемъ, при бездымномъ порохѣ или при тщательно выработанномъ прикрытіи, даже пара стрѣлковъ можетъ застигнуть врасплохъ, остановить и разстроить значительно сильнѣйшій непріятельскій отрядъ, который сунется имъ на глаза на разстояніи мили. А рядъ такихъ группъ стрѣлковъ, разумно размѣщенныхъ для прикрытія ожидаемыхъ подкрѣпленій или обоза съ провіантомъ и военными запасами, можетъ держаться безконечно противъ всякой видимой атаки, если занимаемая имъ мѣстность не будетъ мѣтко обстрѣливаться изъ орудія болѣе дальнобойнаго, чѣмъ ихъ ружейный огонь. При отсутствіи у непріятеля такого же оружія онъ не будетъ безопасенъ даже за прочными ретраншементами, и ему ничего болѣе не останется, какъ приблизиться къ стрѣл-

камъ подъ прикрытіемъ ночи или порохового дыма или сжечь, взорвать защищающее ихъ прикрытіе. Но и на близкомъ разстояніи огонь изъ новаго ружья будетъ губительнымъ для атакующихъ. При отсутствіи описанныхъ условій атаки нѣскольکو сотенъ такихъ стрѣлковъ въ силахъ защищать очень большое пространство, а двѣ-три тысячи могутъ прикрывать всю границу. Горсть подобныхъ защитниковъ въ состояніи остановить самый многочисленный атакующій отрядъ или прикрыть самое безпорядочное отступленіе и даже въ томъ случаѣ, если ночное нападеніе выбьетъ стрѣлковъ изъ ихъ позиціи, они могутъ на разсвѣтѣ занять новую и вернуть себѣ огромныя выгоды своего вооруженія.

Единственнымъ средствомъ побѣды даже надъ маленькимъ отрядомъ такихъ стрѣлковъ можетъ быть только осторожное и медленное подступленіе къ нему подъ прикрытіемъ ночи, дыма или огня однороднаго съ нимъ по вооруженію отряда. Послѣдній долженъ ловить каждую минуту перерыва огня, чтобы окапываться, и такимъ образомъ подступать достаточно близко для полного господства надъ позиціей противника съ цѣлью отрѣзать его отъ подкрѣплений или подвоза провіанта и боевыхъ запасовъ. При такихъ условіяхъ для послѣдняго ничего болѣе не останется, какъ сдать-ся или быстро отступить, воспользовавшись ночною темнотой. Но отступленіемъ можно запоздать, и тогда отступающіе подвергнутся убійственному огню преслѣдователей.

Въ будущее время, въ случаѣ войны между со-

сѣдними націями, у которыхъ военное искусство доведено до одинаковаго совершенства, открытіе военныхъ дѣйствій, вѣроятно, ознаменуется не наступленіемъ кавалерійскихъ отрядовъ, поднимающихъ облака пыли, какъ бывало въ старое время¹, а дуэлью вдоль всей границы между группами стрѣлковъ, постоянно подкрѣпляемыми съ тыла. Возможно, что въ первое время не будетъ на театръ войны ни организованныхъ армій, ни сраженій, которыя можно было бы контролировать, ни главнокомандующаго, и только гдѣ-нибудь далеко въ тылу будетъ сидѣть у центрального телефона, къ которому сходятся всѣ линіи отъ обширнаго фронта, главный организаторъ компаніи и разсы-

¹ Даже вдоль такой длинной границы, какъ русско-австрійская, гдѣ предвидѣнная покойнымъ Блюхомъ война начнется, какъ онъ полагалъ, вторженіемъ тучи русской кавалеріи и большими кавалерійскими боями, вѣроятноже, какъ я полагаю, что туча кавалеріи будетъ остановлена мѣтками пулями стрѣлковъ-велосипедистовъ, спрятанныхъ въ засадахъ, которыя не легко будетъ открыть. Даже небольшое число такихъ стрѣлковъ, застигнувъ непріятеля врасплохъ въ наиболѣе удобный для себя моментъ, можетъ произвести страшныя опустошенія въ его рядахъ. Попытка хотя бы дальняго фланговаго обхода позиціи стрѣлковъ можетъ навести на подобныя же засады. Тучамъ кавалеріи пришлось бы вытянуться тонкими линіями и проходить отстрѣливаясь. Не въ лучшемъ положеніи находилась бы и вторгнувшаяся туча велосипедныхъ стрѣлковъ. Борьба между велосипедистами на пространствѣ, гдѣ нельзя развернуться цѣпью, по всѣмъ вѣроятіямъ, не привела бы ни къ какому рѣшительному результату. Каждый шагъ впередъ приходилось бы дѣлать подъ прикрытіемъ развѣдчиковъ, которое быстро таяло бы подъ пулями врага.

лать свои распоряженія по всѣмъ линіямъ, неусыпно слѣдя за ходомъ боя и разсылая къ этому пункту подкрѣпленія, къ тому провіантъ. Позади тонкой линіи огня край на много миль будетъ очищенъ жителями и отданъ на дѣло войны. Здѣсь будутъ работать большія машины, устраивающія вторую, третью и четвертую линію ретраншементовъ на случай отступленія стрѣлковъ, прокладываются поперечныя тропы для велосипедистовъ, которые должны быть постоянно наготовѣ мчаться для подкрѣпленія того или другого пункта; а по большимъ моторнымъ дорогамъ, которыя мы описали въ первой главѣ, будутъ сновать взадъ и впередъ длинныя дальнобойныя пушки. Весьма вѣроятно, что онѣ будутъ дѣйствовать при помощи воздушныхъ шаровъ, висящихъ вдоль всего фронта надъ линіей огня, то поднимаясь, то опускаясь. Воздухоплаватели будутъ непрестанно сигнализировать свѣдѣнія о распредѣленіи непріятельскихъ силъ, и сообразно этимъ свѣдѣніямъ будетъ даваться направленіе большимъ орудіямъ для обстрѣливанія непріятельскихъ орудій и подкрѣпленій его за линіей огня. вмѣстѣ съ тѣмъ съ воздушныхъ шаровъ будутъ дѣлаться наблюденія надъ приготовленіями къ ночнымъ планамъ непріятеля и изысканія его слабыхъ въ тактическомъ отношеніи пунктовъ въ извилистой линіи боя.

Ясно, что война при такой неизбѣжной мѣткости орудій будетъ становиться все менѣе и менѣе драматичной въ своей общей картинѣ, хотя въ цѣломъ она будетъ еще болѣе чудовищной борьбой, чѣмъ въ былое время. Въ такой войнѣ не бу-

детъ ни позирующихъ генераловъ, приводящихъ своихъ солдатъ въ изступленіе передъ атакой, ни картинно гарцующихъ офицеровъ, которымъ нечѣмъ блеснуть, кромѣ храбрости, ни безпечной удали и непобѣдимой стойкости солдатъ. Картинаго главнокомандующаго на конѣ, сантиментально взирающаго на дефилирующіе батальоны своихъ „молодцовъ“, идущихъ на смерть или на славу, замѣнитъ штабъ свѣдущихъ людей, который будетъ дѣйствовать просто, серьезно и смѣливо, чтобы поддержать связь между фронтомъ, а во фронтѣ каждая отдѣльная рота будетъ составлять свой военный совѣтъ, свой маленькій заговоръ, подъ руководствомъ опытнаго капитана, противъ еле видной вдаль непріятельской роты. Батальонный командиръ будетъ съ успѣхомъ замѣненъ организаторами воздушныхъ шаровъ и артиллеріи, которые будутъ руководить и подкрѣплять нѣсколько сотъ отборныхъ молодцовъ, сражающихся во фронтѣ. вмѣсто сотенъ тысячъ полупьяныхъ подростковъ, отуманенныхъ, нервныхъ, ненадежныхъ, будетъ всего нѣсколько тысячъ трезвыхъ, надежныхъ людей, сознающихъ важность своей отвѣтственности и напрягающихъ всѣ свои способности для исполненія долга. Взамѣнъ атакующихъ батальоновъ, сшибающихся эскадроновъ и полей, усѣянныхъ тѣлами, явятся сотни мелкихъ перестрѣлокъ, смѣлыхъ атакъ, ночныхъ сюрпризовъ, зловѣщаго блеска штыковъ въ ночной темнотѣ, внезапныхъ вспышекъ огней, разсылающихъ ядра и смерть по холмамъ и лѣсамъ въ массы людей. На пространствѣ восьми миль по обѣ сто-

роны боевыхъ линій, огонь которыхъ, вѣроятно, будетъ поддерживаться непрерывно до окончанія войны, люди будутъ жить, ѣсть и спать подъ ежеминутно грозящей опасностью неожиданной смерти... Такова будетъ первая фаза войны, которая наступитъ, быть можетъ, скоро. Массы трудоспособныхъ людей государства будутъ заняты работами позади обѣихъ линій огня на театрѣ войны и большею частью такими же работами, какія они исполняли и въ мирное время; но теперь они будутъ считаться боевыми силами на линіяхъ сообщеній. Въ военную систему войдутъ организованные штабы путей сообщеній, которые будутъ распоряжаться удаленіемъ женщинъ, дѣтей и слабосильныхъ мужчинъ съ театра военныхъ дѣйствій, а также подвозомъ провіанта и боевыхъ запасовъ. Врачи будутъ оторваны отъ своихъ гражданскихъ обязанностей и займутъ мѣсто по офиціальному назначенію, призванные организовать продовольствіе и врачебную помощь передвигающимся массамъ населенія и оберегать отъ болѣзней боевой персоналъ ¹. Инженеры будутъ устраивать траншеи и приводить въ дѣйствіе различные сложные аппараты, приспособленные къ тому, чтобы тревожить непріятеля и создавать для него затруд-

¹ До сихъ поръ эпидемическія болѣзни были неизбѣжнымъ аксесуаромъ каждой продолжительной кампаніи; но въ дѣйствительности это зло вовсе не неизбѣжно. Нѣтъ никакой необходимости, на примѣръ, чтобы солдаты дѣйствующей арміи побѣдоносной стороны не спали по ночамъ или не обѣдали. Если это бываетъ, то влѣдствіе непредусмотрительности начальства, а въ нашей гипотезѣ такіе недостатки исключаются.

ненія новыми способами. Торговцы пищевыми продуктами и обмундировочными матеріалами, фабриканты всякаго сорта необходимыхъ предметовъ превратятся уже однимъ объявленіемъ войны въ общественныхъ слугъ. Воюющее государство будетъ вынуждено силою вещей къ практическому осуществленію соціалистическихъ идеаловъ. Нація, не включившая заблаговременно въ свою военную организацію все мужское населеніе, способное носить оружіе, и всѣ матеріальныя средства транспорта и продовольствія: дороги, повозки, машины, литейные заводы, нація, которая только послѣ объявленія войны приступила бы къ заключенію сдѣлокъ съ желѣзнодорожными и пароходными компаніями, стала бы замѣнять опытныхъ начальниковъ станцій неопытными офицерами и торговаться о продовольствіи съ производителями, соблюдающими свои частные интересы,—такая нація очутилась бы въ самомъ невыгодномъ положеніи передъ противникомъ, уже раздѣлавшимся съ путаницей настоящаго, сбросившимъ съ себя всякій слѣдъ нынѣшнихъ различій между официальными и простыми людьми, и у котораго каждый классъ уже организовался въ самомъ себѣ.

Я полагаю, что въ идеальной войнѣ будущаго права несражающихся будутъ значительно урѣзаны сравнительно съ ихъ правами въ войны настоящаго времени. Значительная часть нашего международнаго права заключаетъ въ себѣ любопытныя различенія между воюющимъ правительствомъ съ его аккредитованными агентами на войнѣ и остальнымъ народомъ. Вопреки конституціи демо-

кратическихъ государствъ, международный законъ какъ будто не признаетъ воюющаго правительства представителемъ его народа и какъ бы признаетъ за этимъ народомъ право всемірнаго гражданства, за исключеніемъ его офіціального и военного классовъ. Покровительство, которымъ пользуются во имя этого закона—въ теоріи, по крайней мѣрѣ—несражающіеся и собственность ихъ, напоминаютъ доски съ надписью: „здѣсь ходитъ по травѣ запрещается“. Я объясняю себѣ эти правила устарѣлостью и несоотвѣтствіемъ съ современными требованіями форменной организациі государствъ, о чемъ уже раньше было говорено въ этой книгѣ. Правила эти всего строже соблюдались въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, да и теперь еще они остаются въ силѣ; но въ будущемъ, въ виду постоянно усиливающейся военной организациі государствъ, можно предсказать, что эти правила потеряютъ всякую силу. Въ воображаемомъ нами государствѣ XX вѣка, организованномъ прежде всего въ видахъ войны, различій между военною и невоенною частью народа не можетъ быть, такъ какъ вся страна будетъ поставлена на военную ногу въ случаѣ войны, и всѣ граждане будутъ обязаны принимать въ ней участіе. Поголовная военная обязанность создастъ гораздо болѣе сильную организацию, чѣмъ нынѣшнія арміи; это будутъ не только кулаки, но все тѣло и мозгъ страны. Весь составъ внутреннихъ путей сообщеній, напримѣръ, можетъ не быть государственной собственностью, но онъ будетъ въ такомъ случаѣ организованъ, какъ корпусъ добровольцевъ, который, по объяв-

леніи войны, можетъ быть тотчасъ поставленъ на военную ногу. Служащіе могутъ и не имѣть мундира,—военный мундиръ есть не болѣе какъ одна изъ подробностей переходной фазы—но они получаютъ надлежащія инструкции и у нихъ будетъ общій планъ дѣйствій. Когда зазвонятъ колокольчики и застучатъ въ каждомъ домѣ телефоны, передавая извѣстіе объ объявленіи войны, они нигдѣ не вызовутъ сумятицы, бѣготни, оранья на движущихся уличныхъ платформахъ: передъ освѣщенными транспарантами газетныхъ конторъ не будетъ сборищъ праздныхъ зѣвакъ, изъ которыхъ стоящіе у власти люди не сумѣли сдѣлать лучшаго употребленія. Каждый будетъ напередъ знать, что ему дѣлать въ подобномъ случаѣ, и разсудительно и спокойно примется за исполненіе своихъ обязанностей. Даже для богатыхъ акціонеровъ найдется подходящее занятіе; тѣ изъ нихъ, которые ничего не умѣютъ дѣлать, будутъ перевязывать пакеты съ боевыми запасами или упаковывать солдатскія колбасы. Весьма вѣроятно, что лучшіе люди этого класса, а также класса людей, занимающихся финансовыми спекуляціями, дадутъ изъ себя способныхъ велосипедныхъ стрѣлковъ для фронта; вѣроятно, окажется, что нѣкоторые изъ нихъ посвящали свои досуги изученію военного искусства и знакомы съ употребленіемъ новаго оружія. Наборъ рекрутъ изъ рабочаго класса—собственно изъ населенія пропасти—сократится къ тому времени до нуля; люди, ни на что негодные въ мирное время, всего менѣе могутъ пригодиться въ такомъ серьезномъ и сложномъ дѣлѣ, какъ

будущая война. Свободное въ мирное время движеніе по желѣзнымъ дорогамъ приметъ теперь два направленія: съ театра военныхъ дѣйствій, откуда, спокойно и со всѣми удобствами будутъ удаляемы женщины и дѣти, и къ дѣйствующей арміи, куда будутъ подвозиться годные къ военной службѣ мужчины и боевые матеріалы. Не произойдетъ ни паники, ни суеты, ни лишеній, такъ какъ все уже будетъ заранее подготовлено и распредѣлено—не надо забывать, что мы имѣемъ дѣло съ идеальнымъ государствомъ. Спокойно и грозно захватитъ оно въ свои тиски соперника и сожметъ свои сильныя мышцы—вотъ и все.

Новѣйшая стратегія будетъ предписывать, въ первую фазу войны, главнымъ образомъ, самыя быстрыя передвиженія артиллеріи и людей позади тонкаго экрана, образуемаго велосипедными стрѣлками, съ тѣмъ, чтобы внезапно нанести сильный ударъ врагу, уловить моментъ, чтобы занять какую-нибудь позицію, откуда артиллерія можетъ обстрѣливать съ фланга непріятеля, или воспользоваться выгодами какого-нибудь пункта для дѣйствія противъ той или другой части непріятельской линіи. Задача будетъ состоять въ значительной мѣрѣ въ томъ, чтобы смять или разбить эту линію, занять такую позицію, съ которой было бы можно обстрѣливать непріятельскія подкрѣпленія и провіантскіе обозы; разбить или захватить его орудія и снаряды, заставить увезти ихъ подалѣе изъ города или арсенала, въ которыхъ они хранятся поблизости боевого поля. Важнѣйшимъ факторомъ въ такой войнѣ будутъ воздушные шары, которые позво-

лять обзрѣвать позиціи; поэтому усовершенствованіе воздухоплаванія будетъ поощряемо всякими мѣрами. Мы уже видѣли, что привязные шары оказывались полезными даже въ такой дикой войнѣ, какая велась въ Южной Африкѣ, въ будущихъ же войнахъ, въ странахъ съ высокимъ развитіемъ военного искусства, аэростаты, въ соединеніи съ дальнобойными пушками мелкаго калибра, но необычайной длины, будутъ имѣть первенствующее значеніе. Пушки будутъ лежать на огромныхъ механическихъ лафетахъ, поставленныхъ на колеса такой величины, которая позволяла бы перевозить ихъ по всякому грунту¹. Воздухоплаватели, снабженные всевозможными картами вражеской страны будутъ давать знать сигналами артиллеристамъ на землѣ, куда надлежитъ направлять огонь, и ядра будутъ мѣтко попадать—быть можетъ, даже на разстояніи миль въ десять—туда, куда они назначаются: въ лагерь, въ организуемый отрядъ для ночной атаки, въ подвозимыя орудія.

Аэростаты, включенные во множествѣ въ военную организацію, будутъ служить для нея глазами

¹ Можно предвидѣть опыты съ блиндированными пушками и съ блиндированными передвижными прикрытіями для атакующихъ людей по обстрѣливаемой мѣстности. Съ моей индуктивной точки зрѣнія я допускаю даже возможность своего рода сухопутнаго броненосца, къ которому уже сдѣланъ шагъ блиндированными поѣздами. Но лично мнѣ не нравятся и не кажутся надежными эти громоздкія, неповоротливыя машины, какъ сухопутныя, такъ и морскія. Я непоколебимо вѣрю, что проворство движеній и мѣткость оружія дѣйствительнѣе всякихъ грузныхъ защитъ, хотя бы и усовершенствованныхъ.

Аргуса съ телефонными проводами, а по ночамъ будутъ освѣщать рекогносцируемую мѣстность. По всей вѣроятности, люди уже будутъ въ то время умѣть управлять ими; кромѣ того, вѣроятно, будутъ и свободно летать, когда позволятъ вѣтеръ, аэростаты съ маленькими флагами для сигналовъ своей сторонѣ. Насколько можно пока предвидѣть, эти воздушныя машины будутъ почти вполнѣ безопасны со стороны непріятельскихъ ядеръ. Небольшое отверстіе въ шарѣ, сдѣланное ядромъ, не причинить ему существеннаго вреда, а возможность прицѣлиться въ шаръ на неподдающейся выясненію высотѣ такъ мѣтко, чтобы разорвать его въ куски, и сдѣлать это прежде, чѣмъ аэронавтъ успѣетъ сообщить своей сторонѣ нужныя свѣдѣнія,—возможность эта такъ мала, что представила бы для артиллеристовъ самую трудную задачу, какую только можно предположить. Я думаю даже, что трудность атаки аэростатовъ съ земли послужить большимъ поощреніемъ къ изобрѣтенію какихъ-нибудь воздушныхъ орудій для истребленія непріателя. Людямъ, знакомымъ съ опытами Ланглея, Лиліенталя, Максима и Ханута, не трудно повѣрить, что еще задолго до 2000 г.—возможно, что въ 1950 г.—будетъ изобрѣтенъ такой аэропланъ, который поднимется и благополучно вернется на свое мѣсто. Какъ скоро это исполнится, новое изобрѣтеніе, конечно, будетъ тотчасъ примѣнено къ военнымъ надобностямъ. Характеръ орудій, которыми будутъ впослѣдствіи сражаться въ воздухѣ, представляетъ любопытный предметъ предположеній. Вѣроятно, первымъ дѣломъ управле-

мыхъ аэростатовъ будутъ операциі противъ привязныхъ шаровъ. Я полагаю, что наиболѣе практическое устройство управляемой воздушной машины должно быть основано на механизмѣ, подобномъ плавательному пузырю рыбы. Это будетъ мѣшокъ изъ тонкой, крѣпкой, непроницаемой матеріи, наполненный газомъ и способный расширяться и сокращаться. Онъ будетъ вставленъ въ сѣтъ плотно опутывающихъ его фибръ (по образцу фибръ около пузыря млекопитающихъ), концы которыхъ будутъ свертываться и развертываться, чѣмъ и достигнется возможность сокращенія. Къ ряду такихъ сокращающихся пузырей будетъ подвѣшена длинная платформа съ горизонтально распушенными крыльями. Такое устройство позволитъ машинѣ не только подниматься и опускаться по произволу, но и производить слѣдующую эволюцію: если на одномъ концѣ аэростата пузыри будутъ сокращены, на другомъ расширены, а въ срединѣ оставлены въ прежнемъ положеніи, то первый конецъ опустится, распростертыя крылья примутъ косвенное положеніе, поддерживающая машину площадь воздуха уменьшится и весь аппаратъ соскользнетъ въ этомъ направленіи. Впослѣдствіи изъ этой начальной формы можетъ выработаться аппаратъ въ родѣ плавающей въ воздухѣ продолговатой шляпы съ плоскими полями, къ которому можетъ быть придѣланъ винтъ.

Довольно трудно представить себѣ, чтобы на воздушной машинѣ могли находиться пушки какого бы то ни было калибра, если только онѣ не будутъ стрѣлять назадъ, по линіи полета. Трудно разрѣ-

шимую задачу представить въ воздушной тактикѣ и отдача назадъ орудія при выстрѣлѣ. Вѣроятно будетъ изобрѣтена хотя маленькая механическая пушка или что-нибудь въ родѣ того, что будетъ изрыгать взрывчатыя ядра въ непріятельскіе аэростаты или убивать аэронавтовъ послѣдовательными пулями. Этотъ механизмъ будетъ чѣмъ-то въ родѣ воздушной акулы, и можно даже рискнуть нарисовать воображаемую картину воздушной борьбы, которую увидятъ въ 1950 г. спрятанные въ своихъ ретраншементахъ стрѣлки фронтовой линіи.

Взглянемъ прежде всего на нихъ. Въ каждой ямкѣ сидитъ по парѣ бдительныхъ, хорошо вооруженныхъ убійцъ, озирающихся вокругъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Вѣтеръ дуетъ съ непріятельской стороны и привязные шары его стояли все это жаркое утро надъ лагеремъ стрѣлковъ, будя въ людяхъ тяжелое чувство. Вдругъ длинныя непріятельскія пушки начинаютъ дѣлательно палить. Вдоль ямъ и траншей нашей стороны пробѣгаетъ тихій ропотъ и откуда-то сзади взлетаетъ къ небу воздушная акула. Непріятельскіе шары засуетились, отступили и быстро полетѣли внизъ. Когда они падаютъ на землю, мы посылаемъ въ нихъ градъ пуль. Но вотъ противъ нашего аэростата появляются гонимыя вѣтромъ въ нашу сторону, непріятельскія летучія машины. Я склоненъ представлять себѣ, что у воображаемаго мною аэростата будетъ на обѣихъ концахъ по стальному носу съ острымъ угломъ, и этотъ воздушный таранъ станетъ главнымъ оружіемъ въ борьбѣ. Дѣйствуя противъ военныхъ шаровъ, эта летучая машина взлетитъ

вверхъ, а потомъ, посредствомъ быстрого сокращенія своихъ пузырей, опустится и врѣжется какъ ножъ въ непріятельскій шаръ. Онъ начнетъ опускаться, стремясь уйти отъ врага и, если ударъ былъ удаченъ, то черезъ минуту захватывающаго духъ паденія, шаръ взорвется и ударится о землю. Затрещатъ ружья, заскрипятъ канаты, раздадутся крики и вопли и взовется облако освобожденнаго газа, быть можетъ, съ пламенемъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, на летающихъ машинахъ будутъ находиться въ запасѣ парашюты и послѣднимъ якоремъ спасенія для воздухоплавателя въ иной борьбѣ будетъ это орудіе, съ которымъ онъ слетитъ на землю среди массы обломковъ.

Но борьба между двумя летучими машинами будетъ борьбой ястребовъ, осложненной пулями и мелкими ядрами. Онѣ будутъ бросаться другъ на друга, пока у воздухоплавателей, задыхающихся отъ разрѣженнаго воздуха, не выступитъ кровь изъ глазъ и изъ-подъ ногтей. Стрѣлки на землѣ будутъ, напрягая зрѣніе и прикрывая рукой глаза, слѣдить за борьбой въ небѣ. Вотъ противники сцѣпились, одинъ наскочилъ на другого; послѣдній нагибается, пытается уйти. Вотъ грянули пушки: борцы порывисто движутся то вверхъ, то внизъ и, наконецъ, отдѣляются одинъ отъ другого. Что же потомъ? Вѣроятно, одинъ изъ борцовъ, у котораго половина пузырей лопнула или разорвана пушками, начнетъ инертно опускаться на землю, а противникъ будетъ кружить надъ нимъ въ погонѣ... „Что это они дѣлають?“.. Стрѣлки съ трепетомъ схватываются за подозрныя трубы. „Ни-

какъ бѣлый флагъ? Если упадутъ, то прямо на-насъ!“.

Но дуэль будетъ рѣдкимъ случаемъ. При дѣйствіи таранами въ воздухѣ или на водѣ огромная выгода окажется на той сторонѣ, которая успѣетъ выставить противъ врага вдвое превосходящую силу. Одно поднятіе летучей машины съ одной стороны непременно вызоветъ съ другой спускъ двухъ такихъ тарановъ, и соревнованіе будетъ продолжаться, пока маневрирующіе въ воздухѣ эскадроны не замелькаютъ какъ стая дроздовъ въ октябрѣ. Они будутъ кружиться, подниматься или опускаться, искусно маневрировать, чтобы пользоваться направленіемъ вѣтра, а иногда вдругъ опустятся подъ защиту своихъ стрѣлковъ въ траншеяхъ. Столкновеніе непріятельскихъ силъ будетъ дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но минутъ ужасныхъ! Онѣ потребуютъ отъ людей такого же мужества, какъ при столкновеніи двухъ равносильныхъ броненосцевъ.

Разъ, что господство въ воздухѣ осталось за одной изъ воюющихъ сторонъ, борьба становится борьбой между слѣпымъ и зрячимъ. Побѣдитель въ воздушномъ сраженіи будетъ стеречь противника на землѣ зоркими глазами, незамѣтно стянетъ свои орудія, сосредоточитъ свои силы, замѣтитъ всѣ дороги и средства сообщеній своего врага, и будетъ выметать ихъ дождемъ пуль и ядеръ, производя неслыханныя опустошенія. Но ужаснѣе всего будетъ нравственное вліяніе его господства. Онъ будетъ носиться не только вдоль границы, но и надъ всей площадью потерпѣвшей пораженіе

страны. Каждый житель ея будетъ безпрестанно посматривать вверхъ съ чувствомъ постоянной тревоги за свою безопасность, съ нервнымъ ожиданіемъ бѣды. Днемъ аэропланы побѣдителя будутъ плавать въ воздухѣ надъ непріятельскимъ тыломъ и бросать зажигательныя или взрывчатыя вещества въ его артиллерію, лагеря и магазины; нигдѣ отъ него не будетъ спасенія. Ночью его рекогносцировочные огни, направленные на непріятельскій лагерь, будутъ мѣшать подвезти запасы къ боевой линіи или смѣнить усталыхъ людей. Этотъ періодъ напряженнаго выжиданія, наконецъ, минуетъ; война перейдетъ отъ обоюдныхъ тревогъ и мелкихъ стычекъ въ открытый бой оборонительныхъ линій. Послѣдуетъ общее наступленіе, въ которомъ вѣроятно, будутъ играть важную роль воздушныя и земныя блиндированныя машины, и линія стрѣлковъ слабѣйшей стороны будетъ вынуждена отступить или сдаться; или же ее разобьютъ и будутъ преслѣдовать. Превосходство непріятеля будетъ становиться съ каждой недѣлей очевиднѣе; натиски его станутъ смѣлѣе и будутъ проникать глубже. При лунномъ свѣтѣ, при наблюденіи аэростатовъ, будутъ происходить безшумныя атаки велосипедистовъ, опрокидываніе непріятельскихъ рядовъ и работа неизмѣнныхъ штыковъ. Тогда люди слабѣйшей стороны будутъ благодарить Бога, если онъ уйметъ беспощадный вѣтеръ; если пошлетъ дождь, громъ и молнію, которые дадутъ хотя минуту передышки отъ неукротимаго натиска. Въ тучѣ тумана побѣдители остановятся, нервно напрягая зрѣніе и слухъ, а отступающіе, покрытые

грязью, омываемые дождемъ или осыпаемые снѣгомъ, повернуть обратно, благословляя дикія силы природы, путающія всѣ расчеты людей, и пойдутъ на врага съ отчаянною рѣшимостью вернуть отнятое или умереть.

Такіе случаи способны возстановить гордость и честь солдатъ, не надолго смутить побѣдителя и отсрочить катастрофу, но остановить вторженіе или превратить пораженіе въ побѣду они не въ силахъ. Наступленіе возобновится, періодъ колебаній кончится и война вступитъ въ новую фазу, въ фазу покоренія побѣжденной страны. Это будетъ болѣе легкимъ дѣломъ, чѣмъ было въ прошломъ, несмотря на то, что центральная власть будетъ неуловима и партизанскіе отряды стрѣлковъ станутъ опаснѣе, чѣмъ когда-либо. По всѣмъ вѣроятіямъ, покореніе цивилизованной страны произойдетъ такимъ образомъ: у городского района будутъ отрѣзаны водоснабженія, электрическія станціи, доставляющія свѣтъ и теплоту, и главные пути распредѣленія пищевыхъ продуктовъ. При помощи такихъ средствъ, даже если война будетъ еще продолжаться, получится возможность произвести неотразимое давленіе на населеніе и подчинить себѣ мѣстныя власти, или замѣнить ихъ новыми, которыя обезпечать тылъ побѣдителей отъ всякой опасности со стороны гверильясовъ. Такими способами можно будетъ покорять шагъ за шагомъ даже самыхъ упорныхъ противниковъ. Впрочемъ разстройство и уничтоженіе военныхъ силъ и грозящее въ перспективѣ отсутствіе воды и пищи, вѣроятно, вынудятъ всякое цивилизован-

ное государство вступить въ мирный договоръ съ противникомъ и покончить войну.

Если же воюющія стороны будутъ раздѣлены не сухопутной границей, а моремъ, то воздушной войнѣ будетъ предшествовать—или сопровождать ее—война за преобладаніе на морѣ. Относительно будущей морской войны существуетъ много предсказаній. Въ этой, какъ и во всѣхъ войнахъ будущаго, будутъ играть важнѣйшую роль способность предвидѣнія, частыя измѣненія тактики, изобрѣтательность въ непредвидимыхъ ходахъ. При обоюдномъ общемъ равенствѣ матеріальныхъ силъ побѣда останется на сторонѣ болѣе дѣятельной умственной силы. Трудно предсказать, какой типъ военныхъ судовъ будетъ преобладать въ будущей морской войнѣ, но я полагаю, что судостроители у наиболѣе развитыхъ націй будутъ все болѣе и болѣе сосредоточивать свое вниманіе на быстротѣ хода, а въ особенности на дальнобойности и силѣ орудій и, главное, на мѣткости прицѣла. Мнѣ рисуется типъ броненосца, защищеннаго толстой броней только въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся его машины и склады, грозно вооруженнаго и снабженнаго тараномъ, проворнымъ и смертоноснымъ какъ змѣя. Въ сраженіяхъ въ открытомъ морѣ такому броненосцу нечего опасаться хитростей неповоротливой подводной лодки; опасность наткнуться на торпеду будетъ заботить его не болѣе, чѣмъ заботить въ бою босоногого человѣка опасность наступить на упавшій кинжалъ. Насколько мнѣ извѣстны мои соплеменники, англичане и американцы будутъ избирать для нападенія на непріа-

теля ночь или дурную погоду и биться таранами. Морская война между двумя морскими державами (за исключеніемъ, быть можетъ, войны между Англией и Америкой,—странами, не въ примѣръ болѣе богатыми каменнымъ углемъ, чѣмъ всѣ другія страны) едва ли можетъ продолжаться долѣе одной недѣли. Та или другая изъ воюющихъ сторонъ, разбитая въ морскомъ дѣлѣ, будетъ загнана въ свои порты, блокирована въ нихъ и отрѣзана отъ своихъ запасовъ каменнаго угля или другого матеріала. Болѣе слабый флотъ, который попытается держаться на морѣ, уклоняясь отъ встрѣчи съ болѣе сильнымъ непріателемъ, будетъ отрѣзанъ отъ своихъ запасовъ угля и вынужденъ принять сраженіе или сдаться, иначе его будутъ обстрѣливать, пока онъ безпомощно лежитъ на водѣ. Правда, побѣжденный можетъ приносить вредъ торговымъ судамъ противника, но я полагаю, что возможность такого возмездія сильно преувеличивается. Миръ становится, благодаря телеграфу и телефону, все меньше и меньше, а беспроволочный телеграфъ открываетъ въ будущемъ все болѣе и болѣе широкія перспективы, и я не вижу, какимъ образомъ судно, вредящее торговлѣ, могло бы не быть тотчасъ же замѣченнымъ, отрѣзаннымъ отъ источниковъ угля и вынужденнымъ сразиться или сдаться. Корсарское судно просуществовало бы недолго. Такое судно должно бы быть исключительно хорошо построено и стоило бы дорого, а между тѣмъ въ концѣ концовъ оно неминуемо было бы захвачено непріателемъ или потоплено. Я не вижу, какая прибыль могла бы быть отъ корсарской

системы разъ, что господство на морѣ уже укрѣплено за которою-нибудь изъ націй. Даже если бы это господство пошатнулось, то и въ такомъ случаѣ черезъ нѣсколько недѣль флотъ сильнѣйшей державы былъ бы у береговъ слабѣйшей, господство на морѣ было бы вновь закрѣплено за первой и наступила бы вторая фаза морской войны, въ которой, вѣроятно, играли бы значительную роль подводныя лодки.

Признаюсь, какъ я ни прищипориваю свое воображеніе, а оно отказывается понять, какую пользу могутъ приносить эти лодки. Мнѣ кажется, что онѣ способны только удушать свой экипажъ и тонуть. Уже одно пребываніе въ нихъ продолжительное время должно разстраивать здоровье и деморализовать человѣка. Самый сильный организмъ ослабѣваетъ отъ долгаго вдыханія углекислоты и нефтяныхъ газовъ подъ давленіемъ четырехъ атмосферъ. Представьте себѣ, что вы находитесь въ подводной лодкѣ, рискнувшей отдалиться на нѣсколько миль отъ порта: въ то время, когда у васъ разболѣлась голова и васъ тошнитъ, на васъ налетаетъ судно типа „Кобры“, огни котораго открываютъ васъ на поверхности воды, гдѣ бы вы ни показались. Судно проворно спускаетъ свой таранъ туда, гдѣ появляются ваши пузыри, или же ловить васъ крючьями или неводомъ. Даже если вамъ удастся повредить непріятельское судно, то существуетъ четыре шанса противъ одного, что люди его, надышавшіеся свѣжимъ воздухомъ спасутся, а вы съ вашей лодкой пойдете ко дну. Подбрасывая подъ великана торпеду, вы имѣете столь-

ко же шансовъ причинить ему существенный вредъ, сколько имѣлъ бы человѣкъ съ завязанными глазами, стрѣляющій изъ револьвера въ слона. Возможность захватить подводную лодку неведомо будетъ живо представляться умамъ ея экипажа. Если же лодка эта будетъ держаться около береговъ, по близости рифовъ, то они представляютъ очень непріятное усложненіе въ тотъ моментъ, когда ей придется поспѣшно нырнуть. Вѣроятно, вскорѣ противъ васъ будетъ выслана лодка съ механическою пушкой, чтобы поискать, не торчитъ ли гдѣ ваша башня. Экипажъ подводной лодки можетъ быть и въ теоріи только полузрячимъ, а фактически онъ совсѣмъ слѣпъ. Если вы имѣете дѣло съ отставшимъ отъ эскадры броненосцемъ, въ виду земли, то въ тихую ночь возможно, что вы доберетесь до него на своей подводной лодкѣ и взорвете его. Но въ такомъ случаѣ было бы гораздо разумнѣе выслать противъ него на буксирѣ горсть смѣльчаковъ, которые атаковали бы его и взяли въ добычу. Подводныя лодки, самое большее, могутъ быть полезны въ рѣкахъ или въ гаваняхъ, гдѣ онѣ въ состояніи вредить кораблю или вызывать на немъ панику, если экипажъ его плоховатъ; другими словами, онѣ могутъ служить только добавочной силой въ рукахъ націи, фактически господствующей на морѣ. Да и въ этомъ случаѣ онѣ могутъ только разрушать, тогда какъ истинный воинъ не можетъ быть удовлетворенъ, если, при несомнѣнномъ превосходствѣ силъ, ему не удастся взять непріятельское орудіе цѣлымъ.

Нѣтъ, будущее въ дѣлѣ морской войны принад-

лежить легкимъ, быстроходнымъ судамъ съ превосходными орудіями и артиллеристами. Они будутъ дѣйствовать сильно и рѣшительно, и война, начавшаяся на сушѣ, будетъ оканчиваться на морѣ. Капитанъ, инженеры, артиллеристы,—все это будутъ люди одинаковаго закала,—люди способные, умные, стойкіе и не принадлежащіе къ опредѣленному общественному классу. Въ отличіе отъ нынѣшнихъ офицеровъ британскаго флота, они будутъ набираться изъ среды всей мужской половины народа. Невѣроятное тупоуміе, допускающее въ британскій флотъ лишь на низшія мѣста сыновей тѣхъ гражданъ, которые не въ состояніи платить за нихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ по тысячѣ рублей въ годъ, естественно держитъ личный составъ этого флота не на должной высотѣ, не говоря уже о тѣхъ недостаткахъ, которые проистекаютъ отъ неудовлетворительности среднихъ школъ въ Англіи. Офицеры и инженеры англійскаго флота, конечно, имѣютъ свои достоинства, но они сдѣланы не изъ лучшаго матеріала и, несомнѣнно, могли бы быть лучше по качеству и образованію. Небольшой германскій флотъ, доступъ въ который сравнительно свободнѣе, имѣетъ офицеровъ лучше образованныхъ, менѣе самонадѣянныхъ и болѣе энергичныхъ. Но тотъ идеальный флотъ, который я имѣю здѣсь въ виду, будетъ выше того и другого и, какъ и въ Америкѣ, инженеры и офицеры его будутъ набираемы изъ всѣхъ классовъ, безъ всякихъ ограниченій.

Военныя выгоды морскаго господства, вѣроятно, будутъ значительнѣе, чѣмъ онѣ были въ прошломъ.

Флотъ, при поддержкѣ воздушныхъ машинъ, будетъ въ состояніи подойти къ любой части непріятельскаго берега и господствовать при помощи своихъ пушекъ надъ пространствомъ въ нѣсколько миль вглубь страны. Всѣ приморскіе города непріятеля будутъ находиться въ его власти. Онъ будетъ въ состояніи высаживать свои войска въ любомъ мѣстѣ и посылать отряды велосипедныхъ стрѣлковъ на каждый слабый пунктъ. Дѣлать высадки будетъ несравненно легче, чѣмъ теперь. Разъ отрядъ стрѣлковъ вошелъ клиномъ въ непріятельскую страну, за нимъ будутъ всѣ выгоды оборонительнаго укрѣпленія при попыткѣ изгнать его. Онъ можетъ, напримѣръ, окружить и блокировать какой-нибудь укрѣпленный пунктъ и попытки освободить его обойдутся мѣстнымъ защитникамъ очень дорого. Защита страны вообще будетъ приведена въ безпомощное положеніе. Не будучи въ силахъ нанести врагу рѣшительнаго удара, защитники будутъ передвигать съ мѣста на мѣсто, вдоль своихъ береговъ войска, орудія, провіантъ; солдаты ихъ, лишенные правильнаго сна, правильнаго питанія, будутъ вынуждены жить въ нездоровыхъ условіяхъ, въ наскоро раскинутыхъ лагеряхъ. А тѣмъ временемъ осаждающій флотъ будетъ то раздѣляться, то соединяться; то сниматься и уходить, то вновь неожиданно появляться. И чѣмъ длиннѣе берега, тѣмъ печальнѣе будетъ участь страны. Никогда еще, во всей исторіи міра, господство на морѣ не имѣло такого важнаго значенія, какъ въ настоящее время. Но оно, какъ и военное преобладаніе на сушѣ, можетъ быть обезпечено толь-

ко превосходствомъ вооруженія, находящагося въ рукахъ людей извѣстнаго типа, а такихъ людей все труднѣе и труднѣе импровизировать. Нужно много лѣтъ, чтобы они выработались, а пока еще нельзя сказать ни объ одной странѣ въ мірѣ, что она дѣлаетъ для этого все, что можетъ.

Приведенный нами планъ войны показываетъ разстояніе между абсолютной неподготовленностью и теоретическимъ совершенствомъ. Было время, когда каждое племя, у которого были мужчины и копья, считалось готовымъ къ войнѣ; и каждое племя, надѣленное нѣкоторой долей хитрости и пылкости, могло заполнять этими качествами сравнительный недостатокъ численныхъ силъ въ борьбѣ съ сосѣдомъ. Люди полагались на счастье, на случай, на непредвидѣнныя обстоятельства; то же самое мы видимъ и до сихъ поръ. Даже теперь у иной великой націи армія служить игрушкой вышшаго класса, важные военные посты раздаются по протекціи женщинъ. Нація безконечно полагается на патріотизмъ и скромность своего народа и на благодушіе своихъ колоній, когда доходитъ дѣло до кровопролитнаго и труднаго расхлебыванія заваренной каши. Но времена оптимистическихъ надеждъ на счастье, на случай близятся къ концу. Война стала дѣломъ точныхъ наукъ; каждое новоизобрѣтаемое оружіе, каждое новое усложненіе военнаго искусства увеличиваетъ необходимость обдуманной подготовки и затемняетъ будущность націи, управляемой диллетантами. Война будущаго, какъ морская, такъ и сухопутная, обѣщаетъ быть болѣе односторонней, чѣмъ когда-либо, и резуль-

таты ея все чаще и чаще могутъ предусматриваться. Войну будетъ вызывать та сторона, которая желаетъ и можетъ побѣдить. Безъ этого сознанія только обезумѣвшая нація можетъ желать войны, которая все болѣе будетъ принимать характеръ неожиданности и безпомощнаго разоблаченія слабыхъ сторонъ. вмѣсто выжиданій да высматриваній, вмѣсто стычекъ стараго времени, противникъ вдругъ станетъ наносить ударъ за ударомъ, не давая времени на передышку, и внесетъ во враждебную страну неисчислимыя и непоправимыя бѣдствія.

Практически война никогда не будетъ вестись между двумя равносильными сторонами и такъ затягиваться, какъ въ теоретическомъ описаніи; одна сторона будетъ изобрѣтательнѣе; другая, придерживающаяся старыхъ традицій, будетъ слабѣйшею. Въ то время, какъ побѣдители, строго дисциплинированные и проникнутые серьезнымъ желаніемъ сдѣлать свое дѣло согласно своимъ знаніямъ, пойдутъ въ бой съ мрачнымъ видомъ, безъ восторженныхъ кликовъ и сумятицы, а драться будутъ какъ люди, сознающіе, что они дерутся за собственное національное дѣло, побѣжденные будутъ безпомощно выставляться, потому что ни культура ихъ, ни личный характеръ не подготовили ихъ къ новаго рода войнѣ. Для слабѣйшей стороны она будетъ невыразимо печальнымъ дѣломъ. Въ началѣ, когда будетъ объявлена война, она вызоветъ у той стороны общій подъемъ духа, возбужденіе умовъ, воинственные клики празднующейся толпы, развѣвующіеся флаги и тайныя со-

мнѣнія въ душѣ, а потомъ жажду обнадеживающихъ извѣстій, нетерпѣливое отмахиваніе отъ предостерегающихъ голосовъ. Я какъ будто вижу передъ собою—словно символъ—сѣдовласаго генерала изъ учившаго военное искусство въ минувшемъ XIX столѣтіи,—генерала, который кажется такимъ устарѣвшимъ въ своихъ эполетахъ, орденахъ, шпорахъ, при шпагѣ, въ своемъ мундирѣ, имѣющемъ развѣ только историческое значеніе. Онъ обязываетъ на такомъ же отжившемъ свое время конѣ, какъ и онъ самъ, ряды своей колонны, обреченной на смерть. Онъ прежде всего дворянинъ, и безчисленные полудѣтскія лица его солдатиковъ смотрятъ на него съ любовью и безконечною преданностью: вѣдь онъ одерживалъ побѣды въ былое время... Эти солдатики будутъ вѣрить въ него до конца; ихъ въ школѣ приучили вѣрить въ людей его класса. Ихъ матери соединяли уваженіе къ этому классу со своей простой вѣрой въ Бога, и первымъ урокомъ этихъ юношей при поступленіи въ армію былъ урокъ, какъ отдавать честь начальству. Щегольскія каски горячатъ ихъ молодыя головы, а ружье стараго типа съ плохимъ прицѣломъ сѣзжаетъ съ плечъ. Топъ, топъ, топъ,—идутъ они, дѣлая все, что велятъ, неспособные сдѣлать что-нибудь неуказанное; идутъ, покорные и жалкіе, на раны, болѣзни, голодъ, лишенія и смерть. Они не знаютъ, что ихъ ждетъ впереди, не знаютъ, что они будутъ дѣлать. Церковь, налогоплательщики и родительское право сохранили ихъ души и умы, если и не совсѣмъ незапятнанными, то все же лишь съ легкимъ налетомъ поро-

ка и съ легчайшимъ налетомъ образованія. Топъ, топъ, топъ,—шагаютъ юноши, которымъ не суждено сдѣлаться мужами, и сердца ихъ патріотически ликують оттого, что нація посылаетъ ихъ на войну, плохо вооруженныхъ, плохо одѣтыхъ, съ плохими начальниками, чтобы быть убитыми невидимымъ врагомъ въ ссорѣ, которой легко можно было бы избѣжать. Рядомъ съ ними идетъ офицеръ изъ сыновей акціонеровъ, юноша, лишь немного повыше ихъ ростомъ, чужой имъ по языку и образу мыслей, но который, во всякомъ случаѣ, будетъ убитъ вмѣстѣ съ ними. Какъ и они, онъ неопытенъ во всемъ, что касается реальныхъ сторонъ жизни; какъ и они, не знаетъ, гдѣ взять хлѣба и воды, какъ бороться съ лихорадкой, какъ подкрѣплять свои силы. Старательно обученный ловко играть въ крикетъ и сохранять хладнокровный видъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, онъ вѣритъ въ свое дворянство и избѣгаетъ „лавочныхъ“ выраженій... А вотъ и майоръ. Это человѣкъ свѣтскій, встрѣчающій взгляды генерала съ пріятнымъ выраженіемъ лица. Онъ въ нѣкоторомъ родѣ военный реформаторъ, но безобидный для двора и правительства. Его ожидало бы довольно блестящее будущее, если бы ему не предстояло теперь быть убитымъ. Онъ написалъ очень умную книгу о рекрутскомъ наборѣ и агитировалъ въ пользу увеличенія солдатскаго жалованья на два пенса въ сутки и въ пользу допущенія въ казармахъ биллиардной игры подъ контролемъ пастора. Онъ изобрѣлъ военный велосипедъ со сплошнымъ желѣзнымъ колесомъ, которое можетъ служить и

щитомъ. Этотъ офицеръ считаетъ нелишнимъ знакомиться съ военными корреспондентами и со всякимъ, кто хотя случайно и наобумъ написалъ какую-нибудь статью по военнымъ вопросамъ. О немъ можно сказать, что онъ душа и жизнь военной реформы, какъ ее понимаютъ правительства сѣрыхъ массъ, — то-есть военной реформы безъ малѣйшаго шага къ реформѣ социальной...

Итакъ, въ моемъ видѣніи старый генералъ благороднаго вида представляется мнѣ гуртовщикомъ, ведущимъ на бойню стадо скота.

Я не могу даже представить себѣ, что въ состояніи хотя бы попытаться сдѣлать подобное войско передъ новѣйшимъ оружіемъ. Ничего нельзя ожидать, кромѣ бесполезной бойни этихъ бѣдныхъ ребятъ, изъ которыхъ составлены пѣхотные батальоны—главная масса нынѣшнихъ европейскихъ армій,—какъ скоро они встрѣтятся съ силой, организованной по новѣйшему образцу. Никуда они не пройдутъ, ничего не сдѣлаютъ. Разсыпанные по засадамъ стрѣлки, поддерживаемые новѣйшими пушками, разобьютъ эти массы, перестрѣляютъ людей поодиночкѣ, отрѣжутъ для нихъ путь отступленія и принудятъ уцѣлѣвшихъ сдаться гуртомъ. Это будетъ скорѣе загонъ стада барановъ, чѣмъ сраженіе, но въ сущности жесточайшая и ужаснѣйшая вещь. Тысячи и тысячи бѣдныхъ юношей будутъ перебиты или изувѣчены на вѣкъ, или же испытаютъ всевозможныя лишенія и тяжкія болѣзни прежде, чѣмъ для всѣхъ станетъ очевидно, что война стала не такимъ дѣломъ, которое можно возлагать на подростковъ въ мундирахъ,

предводимыхъ учениками пасторовъ, свѣтскими людьми и старенькими генералами; что она настоятельно требуетъ теперь людей взрослыхъ, тщательно образованныхъ и отдающихъ ей не только физическія, но и умственныя силы.

Впрочемъ, въ общемъ даже этотъ трагическій кошмаръ безчисленныхъ, напрасныхъ убійствъ есть не болѣе какъ случайность. Юноши умерли и всѣ страданія ихъ кончились. Въ общемъ выводѣ, главное,—это неизбѣжная необходимость, чтобы солдаты были обученнымъ и образованнымъ человѣкомъ, связаннымъ сочувствіемъ и организаціей съ инженеромъ, врачомъ и со всею непрерывно растущею массой научно-образованныхъ людей, созданной прогрессомъ науки и механики. Въ этомъ случаѣ существуетъ взаимодействіе двухъ мировыхъ силъ, которыя стремятся различными и противоположными путями къ одной общей цѣли. Съ одной стороны, мы видимъ силу изобрѣтательную, нуждающуюся для своего прогресса въ мирѣ, стремящуюся выбросить за бортъ бесполезныя массы, населяющія пропасть, и дать развиваться праздному богатому классу въ видѣ жирового перерожденія, слоновой проказы, чтобы содѣйствовать—хотя медленно и съ большимъ трудомъ—народженію новаго общественнаго порядка съ другими факторами среди разрастающихся и въ то же время разлагающихся массъ. Съ другой, мы видимъ, какъ такое общественное тѣло роковымъ образомъ идетъ къ войнѣ. Въ немъ неизбѣжно растетъ международная вражда; въ планѣ развитія вещей сказывается абсолютный детерминизмъ, обречшій это

тѣло—какъ тѣло—на гибель подъ молотомъ войны, что, въ концѣ концовъ, быстро приведетъ къ тому же результату, къ которому медленно ведетъ и мирная эволюція. Пока мы размышляемъ о физиологической борьбѣ, о сложныхъ реакціяхъ и о медленной ассимиляціи, приходитъ война и упрощаетъ исходъ, обрѣзая, что нужно, ножомъ хирурга.

Законъ, опредѣляющій будущее, ясенъ вполнѣ. Народъ долженъ развивать въ своей средѣ и поддерживать образованные, способные къ дѣлу классы, иначе онъ будетъ разбитъ въ войнѣ и вынужденъ отступить на всѣхъ пунктахъ, гдѣ интересы его сталкиваются съ интересами народа болѣе способнаго. Онъ долженъ поощрять и ускорять ту естественную конкрецію, о которой мы говорили въ третьей и четвертой главахъ этой книги, иначе онъ погибнетъ. Въ сущности предстоящая война будетъ вестись въ школахъ, колледжахъ, университетахъ, всюду, гдѣ люди пишутъ, читаютъ и обсуждаютъ. Нація, у которой окажется въ ближайшемъ будущемъ наибольшее пропорціонально число образованныхъ и умныхъ инженеровъ, агрономовъ, докторовъ, школьныхъ учителей, профессиональныхъ солдатъ и умственно дѣятельныхъ людей всякаго сорта; нація, которая станетъ наиболѣе рѣшительно выпалывать, образовывать, обезпложивать или отравлять у себя населеніе пропасти; нація, которая ухитрится обуздать у себя денежную спекуляцію и предотвратить нравственное паденіе женщинъ и семей, къ которымъ неизбѣжно ведетъ послѣдняя; нація, которая умнымъ вмѣшатель-

ствомъ, налогомъ на наслѣдство и прочими мѣрами добьется экспроприаціи и прекращенія богатыхъ и безполезныхъ родовъ, оставляя свободное поле дѣйствій личному честолюбію ихъ членовъ; словомъ, нація, которой удастся превратить большую часть своего жирового отложенія въ сильныя общественныя мышцы,—такая нація несомнѣнно окажется сильнѣйшей какъ въ мирѣ, такъ и на войнѣ, и несомнѣнно сдѣлается господствующею еще раньше 2000 года. Никакой героизмъ и никакія случайности не могутъ помѣшать этому. Ни флаги, ни патріотическія лиги, ни обмѣны визитовъ между царственными особами, ни разбиваніе стеколъ у правдивыхъ людей, ни конфискація газетъ и книгъ, ничто не въ силахъ предотвратить національнаго пораженія. Этотъ исходъ уже представляется такимъ естественнымъ и безпощадно логическимъ, что даже въ тупѣйшихъ палатахъ начинаютъ предчувствовать его. Придетъ время, когда онъ станетъ ясенъ для такого множества людей, что пошатнутся самыя основы политической и соціальной жизни. Патріотическая партія,—т.-е. шайка людей, состоящая изъ юристовъ, пивоваровъ, лэндлордовъ и желѣзнодорожныхъ директоровъ, которой хочется господствовать,—будетъ вынуждена сдѣлаться полезной хотя бы въ своихъ профессіяхъ; сознаетъ необходимость организовать и поощрять такую систему образованія и соціальнаго строя, которою будетъ контролироваться самый патріотизмъ. Правители сѣрой массы, демократическіе монархи и политическіе люди будутъ вынуждены самой природой вещей способствовать конкреціи по цвѣтамъ

въ этой массѣ и содѣйствовать возникновенію власти, которая подчинить себѣ, наконецъ, и демократію и монархію,—власти научно образованнаго, дисциплинированнаго спеціалиста, власти здоровой и способной доказать свои разумныя права. Эта власть можетъ быть отсрочена, но не устранена; рано или поздно она проложитъ себѣ дорогу, если не у насъ, то у другого народа, который ниспровергнетъ насъ въ своемъ торжествующемъ шествіи. Вотъ урокъ, который на томъ или другомъ языкѣ, неизбежно придется затвердить народамъ. Но какой это будетъ языкъ и какой народъ первымъ достигнетъ новаго развитія, этотъ вопросъ такъ сложенъ, что предсказать его рѣшеніе труднѣе всего, о чемъ мы до сихъ поръ говорили.

VII

Конфликтъ языковъ

Мы собрали въ нашихъ предсказаніяхъ матеріалы для картины человѣческаго общества приблизительно въ 2000 году, представили себѣ его дороги, типъ и наружный видъ его жилищъ, его социальное развитіе, внутреннюю борьбу за организацію; мы строили гипотезы на счетъ его моральныхъ и эстетическихъ чертъ, читали его газеты, критиковали недостатокъ универсальности въ его литературѣ и пытались представить себѣ его войну. Мы рѣшили въ частности, что, въ противоположность цивилизованному обществу ближайшаго прошлаго, жившему въ городахъ съ опредѣленными границами или въ разбросанныхъ по всей странѣ земледѣльческихъ селахъ, населеніе будетъ распредѣлено совсѣмъ другимъ способомъ: немного гуще въ обширныхъ городскихъ районахъ, чѣмъ въ нынѣшнихъ сельскихъ округахъ, и немного рѣже въ менѣе привлекательныхъ, менѣе удобныхъ и промышленныхъ частяхъ свѣта. И во всѣхъ нашихъ описаніяхъ подразумѣвалось, что община будетъ огромной, географически болѣе обширной, чѣмъ всѣ существующія общины, и отличной отъ

всѣхъ; что граница, которую проведутъ себѣ ея производительныя силы, не только не будетъ совпадать съ нынѣшними политическими центрами и границами, но чаще даже нисколько не будетъ соотвѣтствовать имъ. Она соединитъ земли, нынѣ раздѣленные, и раздѣлитъ соединенныя; въ одномъ мѣстѣ сгруппируетъ пять-шесть различныхъ языковъ и народностей, въ другомъ раздробитъ однородныя тѣла и раздѣлитъ части ихъ между различными группами. Поэтому не будетъ лишнимъ ознакомиться съ общими причинами нынѣшнихъ раздѣленій и политическихъ границъ, и съ болѣе старыми земельными контурами, начертанными языкомъ и расой.

Прежде всего нужно замѣтить, что каждая группа границъ какъ бы лежитъ надъ старой группой. Такъ, напримѣръ, въ древнія времена въ Европѣ должны были быть расовыя границы, которыя теперь уже совсѣмъ стерлись. Разграниченіе областей по языкамъ, не имѣвшее существеннаго отношенія къ расовымъ границамъ, также давно стерлось подъ вліяніемъ новыхъ силъ, сплотившихъ народы; а новѣйшія силы, соединявшія или раздѣлявшія государства въ XIX вѣкѣ, находились и еще находятся во многихъ случаяхъ въ явномъ противорѣчій съ „національными“ идеями.

И въ первоначальномъ раздѣленіи человѣческой расы, и въ послѣдующей дифференціаціи и распространеніи языковъ, и въ раздѣленіи людей по національностямъ, и въ соединеніи и распаденіи государствъ и имперій, мы имѣемъ въ сущности дѣло съ колеблющимися проявленіями того же основ-

ного, формирующаго фактора, которымъ распредѣляются городскіе районы въ послѣдующіе года. Каждая разграничительная черта на этнографической, лингвистической, политической и торговой картѣ начертывалась первоначально—что не трудно сообразить—средствами сообщенія, характеръ которыхъ обусловливался географическими очертаніями каждой страны.

Населеніе Европы очевидно обнаруживаетъ четыре, пять или болѣе весьма различныхъ племенныхъ типовъ, а такъ какъ методы войны у варваровъ, характеръ ихъ главной добычи и главный предметъ ихъ торговли были діаметрально противоположны сохраненію чистоты расы, то первоначальное раздѣленіе ихъ должно было обусловливаться полнымъ отсутствіемъ сообщеній, не допускавшимъ ни войнъ, ни торговли между различными племенами. Теперь эти первобытные расовые типы совсѣмъ перемѣшались. Ненаблюдательные и поверхностно образованные люди глубокомысленно говорятъ и пишутъ о кельтской и тевтонской расахъ и указываютъ на различные контрасты между этими двумя призраками; а между тѣмъ это даже и не расы, если физическія особенности имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ расѣ. Датчанинъ, баварецъ, пруссакъ, фрисландецъ, суссекскій или кентскій крестьянинъ, виргинецъ, ньюджерсеецъ, норвежецъ, шведъ, трансваальскій буръ считаются людьми тевтонской расы, тогда какъ малорослый, смуглый валіецъ, высокій великодушный хайлендеръ, ирландецъ, представляющій собою смѣсь различныхъ расъ, квадратноголовый

бретонецъ и корнуэльскій крестьянинъ суть кельты по этой туманной антропологии. Людей, склонныхъ вѣрить такимъ вещамъ, не переубѣдить никакими аргументами; поэтому мы скажемъ только, что это мнѣніе ложно: ни тевтонской, ни кельтской расы нѣтъ и никогда не бывало. Никто ничѣмъ не доказалъ и не пытался доказать существованіе такихъ расъ; оно всегда только предполагалось. Это догматы, опирающіеся на сомнительный авторитетъ. Нелѣпое предположеніе о кельтской и тевтонской расахъ такая же научная истина, какъ и удивительное ученіе Ломброзо о прирожденной преступности, или хиромантія, или происхожденіе религій отъ солнечнаго міама. Не подлежитъ сомнѣнію, что европейскіе народы представляютъ смѣсь многихъ расъ,—я склоненъ, однако, думать, что первобытныя расы, населявшія Европу, были такъ различны, что не скоро поддавались смѣшенію черезъ скрещиваніе,—но пока нѣтъ и намека на такой удовлетворительный анализъ, который позволялъ бы разобрать, каковы собственно были эти расы, и опредѣлить ихъ физическій и нравственный типъ. Остается признать лишь тотъ фактъ, что въ Европѣ нѣтъ народа какой-нибудь одной, чистой расы, отличной отъ остальныхъ. Даже среди евреевъ есть явно различные типы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было два первоначальныхъ элемента и произошло въ большихъ размѣрахъ мѣстное скрещиваніе расъ.

Задолго до начала исторіи, когда еще самый языкъ только начиналъ формироваться, первыя изолированныя группы чистыхъ расъ начали про-

рывать свои границы и потекли изъ своихъ прудовъ тонкими ручейками въ менѣе однородныя лагуны и болота человѣчества по первымъ проложеннымъ къ нимъ тропамъ, — проложеннымъ большею частію войной. Но дифференціація все еще оставалась въ силѣ. Если бы не частыя сношенія, не частый обмѣнъ женщинъ, служившій главнымъ факторомъ въ этихъ сношеніяхъ, племена и группы человѣчества продолжали бы жить раздѣльно, вырабатывая каждое свои особые обычаи и діалектъ, если не свой особый физическій и моральный типъ. Быть можетъ, это были уже не пруды, но во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ озера. Морей человѣчество еще не образовало. Но по мѣрѣ развитія цивилизаціи, съ появленіемъ желѣзнаго оружія и военной дисциплины, съ проложеніемъ дорогъ и установленіемъ правилъ общежитія, съ появленіемъ вслѣдъ затѣмъ лошади, площадь ассимиляціи расширилась. Наступила, наконецъ, стадія, когда единственнымъ препятствіемъ къ сообщеніямъ, достаточно удобнымъ для выработки однообразнаго языка, могло служить только море, горы, широкая рѣка или просто дальнее разстояніе.

Но затѣмъ правила игры снова измѣнились: установившіяся было объединенія и раздѣленія снова перепутались съ открытіемъ навигаціи, сдѣлавшимъ изъ непереступаемой границы большую дорогу.

Начало настоящей исторіи Европы совпало съ послѣдней фазой, вѣроятно, долгаго періода пѣшеходныхъ и (отчасти) конныхъ сообщеній. Зна-

читъ, первыя событія ея опредѣлялись условіями первой стадіи преобразованій, вызванныхъ появленіемъ корабля. Европейскія общины все еще состояли большею частію изъ отдѣльныхъ племенъ и королевствъ,—такихъ королевствъ, которыя могли держаться лишь при поддержкѣ одной пѣхотной милиціи, безъ обоза, отрываемой отъ земледѣльческихъ работъ и снова возвращавшейся къ нимъ. Увеличеніе транспортныхъ средствъ между такими областями, благодаря развитію судоходства, а также изобрѣтенію колеса и проведенію дорогъ, быть можетъ, способствовало временно развитію торговыхъ сношеній, но вскорѣ стало способствовать главнымъ образомъ распространенію войнъ, а въ концѣ концовъ или уничтоженію различій и союзамъ, или завоеваніямъ. Человѣкъ созданъ для борьбы за существованіе, борьбы неизбѣжно эгоистической и наступательной. Увѣровавъ въ Евангеліе, которое учитъ самоотверженію, онъ тотчасъ становится его ревностнымъ миссіонеромъ, похваляясь тѣмъ, что его средства вколачиваютъ это ученіе въ головы другихъ людей не включаютъ физическую силу. Что же это, какъ не самоотверженіе?—спрашиваетъ онъ. Таковъ всегда былъ человѣкъ, такимъ, вѣроятно, и останется; иначе ему пришлось бы умереть отъ самоотверженія и дать исчезнуть типу. Поэтому улучшеніе путей сообщенія между общинами, не служившее въ прежнія времена никакимъ практическимъ цѣлямъ, было и всегда, вѣроятно, будетъ содѣйствовать нападеніямъ на сосѣдей. Расы скрещиваются и дерутся,—дерутся физически, умственно и ду-

ховно; и если не лгутъ на Провидѣніе дѣла Его, то люди къ этому и призваны.

Третье изобрѣтеніе, хотя и не содѣйствовавшее передвиженію подобно колеснымъ экипажамъ и судамъ, тѣмъ не менѣе сдѣлало политическія реакціи еще возможнѣе: это было изобрѣтеніе системы письма. Первая имперія и первая письменность возникли одновременно. Какъ почти невозможно безъ лошадей государство, отличающееся отъ простой группы одноплеменныхъ деревень, такъ невозможна имперія безъ письменности и почты. Исторія всего міра за три тысячи лѣтъ есть исторія попытокъ создать—при содѣйствіи такихъ открытій, какъ конное сообщеніе, судоходство и письменность—государство покрупнѣе маленькихъ государствъ типа гептархій, т.-е. исторія попытокъ прорвать настолько прочныя границы, что онѣ препятствовали въ долгіе доисторическіе вѣка сліянію разноплеменныхъ общинъ.

Подъ вліяніемъ новыхъ условій на востокѣ го-би-памирской границы медленно выросла китайская система, а на западѣ и сѣверѣ степи Гоби, на этой границѣ пустыни и горъ, міръ былъ покоренъ необычайно широкой римской идеей всемірнаго господства, осуществленной въ урѣзанномъ видѣ цезаризмомъ и имперіализмомъ съ ихъ титулами: царь, императоръ, кайзеръ; съ папскими притязаніями и безчисленными политическими символами, господствующими и до сихъ поръ. Такія объединенныя и организованныя имперіи держались нѣкоторое время, обнимая огромныя территоріи; но подобные союзы, даже и въ наиболѣе

прочное свое время, были только политическими, представляя тонкій слой официальныхъ лицъ, жидкую сѣть дорогъ и внѣшній лоскъ цивилизованныхъ обычаевъ надъ нетронутыми цивилизаціей массами. Этотъ слой задерживалъ, но не могъ остановить хотя медленный, но неуклонный процессъ дифференціаціи между провинціями и націями. Транспортныя средства, позволявшія римскому империализму и его преемникамъ широко распространять свое господство, были недостаточны для того, чтобы сдѣлать объединеніе болѣе чѣмъ политическимъ. Это было объединеніе, но не единство. Языки и письменность теряли свою чистоту, но все-таки оставались разными. Симпатіи, социальныя обычаи, религіозныя обряды расходились, закругляясь, какъ капли масла на водѣ. Путешествія, передвиженія изъ края въ край были доступны только правителямъ, войскамъ и богатому, праздному классу; торговля для большинства провинцій, входившихъ въ составъ имперіи, ограничивалась предметами, не составлявшими жизненной надобности, и каждая провинція, за исключеніемъ Италіи, зависѣвшей въ послѣдствіи отъ привоза жизненныхъ припасовъ изъ-за моря, была, въ отношеніи существенныхъ своихъ нуждъ, автономною; правители и правимые каждой, ея искусство, роскошь, утонченность могли бы оставаться такими, какъ были, даже если бы всѣ другія страны съ ихъ обычаями были сметены съ лица земли. Мѣстныя потрясенія и революціи, завоеванія и прогрессивное развитіе продолжались, но это была только смѣна частицъ въ мозаикѣ,

самая же мозаика оставалась, и общій характеръ и величина ея составныхъ частей не измѣнялись. Такъ было при римской имперіи, такъ было въ XVIII вѣкѣ и такъ, вѣроятно, оставалось бы и теперь, если бы не явилось болѣе быстрыхъ средствъ сообщенія, чѣмъ почтовые дороги и парусныя суда. Войны, державы и монархи чередовались и смѣнялись одни другими—вотъ и все. Ничто не измѣнялось, только однимъ государствомъ становилось болѣе или менѣе. Даже въ XVIII вѣкѣ процессъ объединенія былъ такъ мало дѣйствителенъ, что въ послѣднія сто лѣтъ ни одно изъ большихъ европейскихъ государствъ не избѣжало междоусобной войны, не межсословной только, а дѣйствительно междоусобной, между разными частями государства. Несмотря на то, что римская имперія продержалась нѣсколько вѣковъ, международныя войны и постоянная борьба противъ неизбежно грозящаго распаденія были судьбою каждой державы, которая пыталась утвердить свою власть надъ пространствомъ, превышающимъ сто квадратныхъ миль.

Это казалось столь очевиднымъ, что многіе изъ образованныхъ англичанъ полагали,—а кто не имѣетъ привычки анализировать дѣйствующихъ причинъ, и теперь полагаютъ—что широкое распространѣніе людей, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, служить только вступленіемъ къ политическому, соціальному и лингвистическому распаденію. Прецедентъ къ нему видятъ въ отпаденіи отъ Англіи Соединенныхъ Штатовъ въ XVIII вѣкѣ, просматривая результаты позднѣйшей междоусобной

войны союза и все болѣе укрѣпляющуюся связь Канады съ метрополіей. По мнѣнію этихъ людей, различія языковъ, обычаевъ, одежды, предразсудковъ и пр. приведутъ къ тому, что австралійцы, канадійцы англійскаго происхожденія, виргинійцы и англійскіе африкандеры сдѣлаются такъ же непонятны и несимпатичны другъ другу, какъ испанцы и англичане, французы и нѣмцы. Если предположить справедливость такого мнѣнія, то настоящій имперіализмъ есть безумнѣйшая попытка идти противъ неизбежнаго, безразсуднѣйшая трата крови, денегъ и энергіи. Все это было бы такъ, если бы мы жили во времена почтовыхъ дорогъ и парусныхъ судовъ, но мы живемъ въ началѣ новаго времени, которое будетъ располагать такими объединяющими орудіями въ механическомъ двигателѣ, въ телефонѣ, въ телеграфѣ, во всѣхъ чудесахъ новѣйшей науки, уничтожающихъ пространство, и въ соотвѣтствующемъ неизбежномъ прогрессѣ практическаго образованія, какихъ не знавалъ раньше міръ.

Дѣйствіе этихъ объединяющихъ силъ уже ясно сказывается въ остановкѣ дальнѣйшей дифференціаціи существующихъ языковъ, даже наиболѣе распространенныхъ; и не только въ остановкѣ дифференціаціи, но и въ замѣтно усиливающемся процессѣ ассимиляціи. Въ Англіи, въ началѣ XIX вѣка, соммерсетскій или іоркширскій уроженецъ, суссекскій или улстерскій крестьянинъ почти не понимали другъ друга. Ихъ акцентъ, нарѣчіе, самыя названія вещей были различны. Уроженцы одной и той же Англіи, они были иностранцами

другъ для друга. Теперь же они разнятся только акцентомъ, да и это различіе сглаживается. Языкъ ихъ сталъ богаче, потому что теперь они грамотны. Они читаютъ нужныя книги или, по крайней мѣрѣ, знаютъ, что въ нихъ написано; навѣрное читаютъ газеты и тѣ жидкіе журнальчики, которые духовенство считаетъ такими вредными для чело-вѣческаго ума,—журнальчики, которые выгоднѣе издавать въ большихъ центрахъ и однообразно, чѣмъ въ провинціяхъ и сообразно мѣстнымъ нуждамъ. Разъ, что газета не примѣняется къ мѣстности, мѣстные умы должны примѣняться къ газетѣ, т. - е. усваивать себѣ болѣе широкіе интересы и такія идеи, которыя понятны людямъ и въ другихъ мѣстахъ. Надъ мѣстнымъ жаргономъ начинаетъ преобладать правильное произношеніе и литературный языкъ. Постоянное смѣшеніе народовъ, эмиграція съ цѣлью пріисканія работы и пр. приняли небывалое развитіе съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Теперь рѣдко кто довольствуется тою мѣстностью и тѣмъ положеніемъ, въ которой онъ поставленъ „волею Божіей“. Въ результатъ получились порча чистоты нарѣчій, быстрое исчезновеніе и задержка или полное прекращеніе новыхъ дифференціацій. Новыя слова или обороты рѣчи, утвердившіеся въ одной мѣстности, почти тотчасъ распространяются повсюду газетами и книгами.

Параллельная остановка діалектическихъ различій замѣчается во Франціи, Италіи, Германіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Эта черта свойственна не одной какой-нибудь націи: это общій про-

цессъ, результатъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. Важнымъ факторомъ послужила, безъ сомнѣнія, и организація начальнаго образованія, но самое существенное вліяніе оказало на объединеніе языка то обстоятельство, что изданіе книги или газеты стало обходиться дешевле, а чѣмъ шире распространена газета или книга, тѣмъ больше, занимательнѣе и лучше она становится за ту же цѣну. Процессъ ассимиляціи несомнѣнно будетъ продолжаться, уничтожая даже мѣстныя различія акцента. Странствующие драматическія труппы, странствующие проповѣдники, предстоящее распространеніе телефоновъ и фонографовъ, которые, съ возможнымъ примѣненіемъ ихъ къ корреспонденціи или къ обученію, перестанутъ быть игрушкой, — все это грозитъ подрѣзывать корни дифференціаціи.

Этотъ процессъ не ограничивается одними діалектами. Уроженецъ маленькой страны, незнающій другого языка, кромѣ родного, все болѣе и болѣе оказывается въ невыгодномъ положеніи сравнительно съ человѣкомъ, владѣющимъ однимъ изъ трехъ главныхъ европейскихъ языковъ. Литература его ограничивается маленькой кучкой писателей, пишущихъ или писавшихъ на его родномъ языкѣ. Такихъ писателей немного, потому что для многихъ не нашлось бы средствъ къ существованію при такомъ ограниченномъ числѣ читателей. Съ наукой дѣло стоитъ еще хуже. Страна не производитъ ни учителей, ни ученыхъ въ такомъ числѣ, которое соразмѣрилось бы съ числомъ ихъ въ большихъ государствахъ; а тѣмъ, которые имѣются, нѣтъ расчета писать оригинальныя произ-

веденія въ поученіе обывателя, или переводить ихъ для него съ иностранныхъ языковъ. Чѣмъ больше число жителей, читающихъ на одинаковомъ языкѣ, тѣмъ обильнѣе, при равности другихъ условій, не только болѣе или менѣе оригинальная литература этого языка, но и переводы полезныхъ книгъ съ другихъ языковъ. Съ другой стороны, чѣмъ многочисленнѣе читающая публика на томъ или другомъ языкѣ, тѣмъ дешевле книга. Въ дѣлѣ умственного труда положеніе человѣка, говорящаго только на языкѣ маленькой народности, еще хуже. Газета его должна быть дешевой; мѣстные свѣдѣнія его урѣзаны и ограничены, иностранныя извѣстія получаютъ изъ вторыхъ рукъ и устарѣвшими. При этомъ даже недалекое путешествіе или веденіе сколько-нибудь крупнаго предпріятія должно представлять большія неудобства. Англичанинъ, знающій только свой языкъ, можетъ путешествовать по всему свѣту; онъ всюду встрѣтитъ кого-нибудь, кто говоритъ по-англійски; но что сталъ бы дѣлать напримѣръ, валліецъ, говорящій только по-валлійски, или литвинъ, знающій одинъ литовскій языкъ? Онъ всюду былъ бы иностранцемъ и всюду испытывалъ бы неудобства, какія испытываетъ иностранецъ въ чужихъ краяхъ. Почти во всѣхъ странахъ онъ былъ бы, въ практическомъ отношеніи, глухъ и нѣмъ.

Даже англичанину, французу или нѣмцу теперь нужно знать два языка, для человѣка же, говорящаго только на языкѣ своей маленькой родины, это безусловно необходимо даже изъ чувства самосохраненія. Быть образованнымъ человѣкомъ,

говоря только на своемъ діалектѣ, теперь невозможно; надо или быть умственнымъ подданнымъ одного изъ главныхъ языковъ, или низойти до положенія простого крестьянина. А если нашъ анализъ соціального развитія вѣренъ, то сегодняшний крестьянинъ завтра будетъ имѣть своими представителями людей, ничего незначащихъ, изъ исчезающихъ классовъ, население „пропасти“. Собственно нація будетъ вся состоять изъ образованныхъ людей и, каковъ бы ни былъ ея природный языкъ, она будетъ говорить на одномъ изъ господствующихъ языковъ, или перестанетъ существовать и сдѣлается просто низшимъ общественнымъ слоемъ въ своей странѣ, — полемъ дѣятельности филантроповъ.

Сила притяженія главенствующихъ языковъ дѣйствуетъ собирательно и съ возрастающею быстротой. Чѣмъ болѣе главные языки преобладаютъ надъ мелкими діалектами, тѣмъ меньше является охоты писать на такомъ діалектѣ, или переводить на него съ другихъ языковъ, и тѣмъ меньше побужденій изучать его старательно. И такой подрывъ мелкихъ діалектовъ, такое тяготѣніе людей, которымъ они служатъ роднымъ языкомъ, къ другимъ, болѣе распространеннымъ, замѣчается не только въ отношеніи фламандскаго, уэльскаго, бискайскаго діалектовъ, но и норвежскаго и даже въ отношеніи такого благороднаго и богатаго языка, какъ итальянскій. По всей Италіи распространены французская газета и французская книга; французскій языкъ прокладываетъ себѣ дорогу все шире и шире въ этой странѣ,

какъ англійскій въ Норвегіи и англійскій и нѣмецкій въ Голландіи. Въ будущемъ же, когда читающею публикой въ западныхъ странахъ фактически сдѣлается все трудоспособное населеніе; когда путешествія расширятся и участятся, и обращеніе произведеній печати еще болѣе удешевится и ускорится,—а главное, съ широкимъ распространеніемъ телефонныхъ сообщеній,—процессъ медленныхъ, безкровныхъ, естественныхъ присоединеній, вѣроятно, пойдетъ гораздо быстрее, чѣмъ даже теперь. Въ двадцатомъ вѣкѣ большая часть мелкихъ діалектовъ выйдетъ изъ употребленія или, по крайней мѣрѣ, дополнится, какъ во Фландріи, тѣми или другими изъ господствующихъ въ мірѣ языковъ. И это произойдетъ не только въ Европѣ, но и во всемъ мірѣ съ большею или меньшею послѣдовательностью, смотря по мѣстнымъ условіямъ. За исключеніемъ Китая и Японіи, гдѣ развитіе пойдетъ своимъ особымъ путемъ, всѣ народы освободятся изъ обломковъ своихъ слишкомъ узкихъ, обветшалыхъ и разваливающихся соціальныхъ системъ, только поднимаясь, такъ сказать, по лѣстницѣ сліянія языковъ.

Какіе же это будутъ языки? Если судить объ этомъ только по распространенности ихъ въ XIX вѣкѣ, то легко можно преувеличить шансы на главенство англійскаго языка. Огромная распространенность его въ наше время объясняется преимущественно быстрымъ возрожденіемъ народовъ, первоначально говорившихъ на этомъ языкѣ, эмиграціею иностранцевъ въ страны, гдѣ говорятъ по-англійски, слишкомъ малыми партіями, чтобы

устоять передъ вовлекающею силой общаго языка, и давленіемъ политическаго и торговаго превосходства народа, недостаточно образованнаго, чтобы легко усваивать чужіе языки. Но ни одна изъ этихъ причинъ не имѣла постояннаго дѣйствія. Всматриваясь ближе въ этотъ вопросъ, мы съ удивленіемъ убѣждаемся въ необыкновенно медленномъ распространеніи англійскаго языка въ сравненіи съ другими, которые, повидимому, не такъ легко усваиваются. Во французской Канадѣ англійскій языкъ все еще не вытѣснилъ французскаго; въ Южной Африкѣ преобладаніе его сомнительно и теперь, послѣ почти вѣковаго господства; англійскій языкъ не обладаетъ заразительными качествами французскаго, и небольшой классъ людей, монополизировавшій управление дѣлами Англии, вѣроятно, еще на нѣсколько десятилѣтій, никогда не обнаруживалъ большого старанія распространять употребленіе своего языка. Въ числѣ немногихъ идей британскаго правительственнаго класса, къ сожалѣнію, преобладаетъ идея, что распространеніе школъ и колледжей слѣдуетъ поощрять какъ можно менѣе; и вдобавокъ у этого класса отсутствуетъ всякая способность понимать политическое значеніе вопроса о языкѣ. Индусъ, старательно изучающій англійскій языкъ и говорящій на немъ, видитъ со стороны англичанъ въ награду за свои труды нѣчто сильно смахивающее на ненависть въ юмористической формѣ и рѣдко встрѣчаетъ въ англійской печати какіе-нибудь отзывы о своей расѣ, не отмѣченные грубымъ презрѣніемъ. Существовавшая и все еще не со-

вѣмъ исчезнувшая возможность для энергичныхъ государственныхъ людей сдѣлать англійскій языкъ общимъ языкомъ въ международныхъ сношеніяхъ всей Азіи, на югѣ и востокѣ отъ Гималайскихъ горъ, должна развиться своею внутреннею силою или исчезнуть. Послѣднее вѣроятнѣе. Нѣтъ и признаковъ, что англичане или американцы настолько сознають когда-нибудь важность лингвистическаго преобладанія ихъ расы въ будущемъ, чтобы своимъ вмѣшательствомъ направить естественный процессъ развитія этого вопроса.

Среди людей, не состоящихъ въ англійскомъ или въ американскомъ подданствѣ и не служащихъ кельнерами или странствующими приказчиками, побужденіе изучать скорѣе англійскій языкъ, чѣмъ французскій или нѣмецкій, не усиливается. Если мы не ошиблись въ нашей исходной точкѣ, то рѣшительнымъ факторомъ въ этомъ вопросѣ служить количество знанія и идей, приобретаемое изученіемъ того или другого иностраннаго языка; поэтому весьма большое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что въ настоящее время въ Англіи выходитъ меньше книгъ, чѣмъ во Франціи или Германіи, и процентъ серьезныхъ книгъ между ними гораздо меньше. Большая часть новыхъ англійскихъ книгъ состоитъ изъ романовъ, приспособленныхъ къ умамъ женщинъ, подростковъ и престарѣлыхъ, удалившихся отъ дѣлъ купцовъ и всякаго рода дѣльцовъ. Эти романы скорѣе усыпляютъ, чѣмъ будятъ мысль, но издатели и писатели находятъ, что такая литература всего выгоднѣе для ихъ кармановъ. Въ поставленномъ нами те-

зистъ вопросъ не въ выгодѣ этихъ людей. Едва ли иностранецъ станетъ изучать англійскій языкъ ради удовольствія прочесть въ оригиналѣ произведенія Маріи Корелли или другихъ подобныхъ ей писателей, между тѣмъ англійскій книжный рынокъ не сулитъ въ этомъ отношеніи никакой перемѣны въ близкомъ будущемъ. Англичанинъ или американецъ, посвящающій годъ или болѣе добросовѣстному изслѣдованію какого-нибудь широкаго научнаго вопроса, не можетъ разсчитывать не только на награду, на поощреніе, но даже на обезпеченный кусокъ хлѣба и уголь. Интересующаяся наукой публика въ Англіи такъ малочисленна, что большая часть важныхъ научныхъ сочиненій, выходящихъ въ Европѣ, даже не переводится на англійскій языкъ. Даже такія интересныя компиляціи, какъ книга Бліоха о войнѣ, англичанамъ приходится читать на французскомъ языкѣ. На англійскомъ имѣется только краткое извлеченіе изъ нея съ заключеніями автора, подъ сенсационнымъ заглавіемъ ¹. Съ Шопенгауеромъ англичане, знающіе только свой языкъ, знакомы лишь въ формѣ „избранныхъ“ мѣстъ съ глупыми комментаріями. Многіе переводы на англійскій языкъ дѣлаются только въ видахъ сбыта эксплуатируемыми женщинами и дѣвушками, очень часто лишенными всякаго понятія о сюжетѣ переводимой книги; такіе переводы трудно читать и нельзя съ увѣренностью цитировать. Книгоиздательство въ Англіи поставлено въ зависимость отъ вкуса и пониманія

¹ „Возможна ли теперь война?“

издателя, а этотъ послѣдній, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда издаетъ самъ авторъ, стоитъ въ настоящее время даже ниже обыкновеннаго купца въ отношеніи разборчивости въ продаваемомъ товарѣ. Незаурядныя книги, говоритъ онъ (а всѣ хорошія книги незаурядны), трудно сбывать, и авторъ долженъ покрывать убытокъ, который обыкновенно превышаетъ авторскую долю въ прибыли. Критики не контролируютъ рекламныхъ объявленій издателей и писателей, а читающая публика недостаточно развита, чтобы отличать въ массѣ хорошее отъ дурного и поощрять критику дѣлать свое дѣло. Органы важнѣйшихъ профессій и техническихъ промысловъ еще не признали роли своихъ читателей въ общественной жизни будущаго и ничего знать не хотятъ, кромѣ строго техническихъ сочиненій. Въ періодической печати хвала и осужденіе распредѣляются большею частію служащими у издателя, и критика состоитъ въ прямомъ родствѣ съ отдѣломъ рекламныхъ объявленій.

Ни въ Англіи, ни въ Америкѣ нѣтъ кружка вышихъ умовъ и нѣтъ среди англійской аристократіи такихъ людей, которые вознаграждали бы въ той или другой формѣ философа или ученаго за бѣдность и общественное пренебреженіе. Чѣмъ сильнѣе у человѣка умъ, тѣмъ яснѣе онъ видитъ, что посвящать себя накопленію научнаго или философскаго богатства англійскаго языка значитъ жертвовать своимъ комфортомъ, своею популярностью среди массъ и всѣмъ, что есть наиболѣе пріятнаго въ жизни, ради безплоднаго самодоволь-

ства, даже безъ увѣренности въ его основательности. Варя пиво и продавая его въ переполненныхъ пивныхъ ¹ или торгуя свининой и чаемъ, или спекулируя на акціяхъ и помогая получать прибыль родовитымъ богачамъ, энергичный чловѣкъ можетъ питать надежду, что ему удастся подняться въ почетѣ и общественномъ значеніи до верховъ, недоступныхъ даже для самыхъ блестящихъ умственныхъ способностей. Сохрани меня Богъ преувеличивать важность официальныхъ почестей и общенія съ сильными міра! Однако, не очень-то пріятно, когда кэбы обрызгиваютъ васъ грязью. Въ прежнія времена было, по крайней мѣрѣ, принято думать, что дворъ и аристократія служатъ центрами облагораживающаго умственного вліянія, что они хоть до нѣкоторой степени исправляютъ сужденія толпы. Но нынѣ дворъ и аристократія, поскольку они вліяютъ на литературу и науку, только содѣйствуютъ умаленію ихъ значенія въ глазахъ публики.

Если бы это зло было только кабинетнымъ зломъ, мы и не затрогивали бы его; но мы считаемъ своею обязанностью указать на него, потому что умственное пониженіе англійской литературы, подразумѣвая книги всякаго рода, ведетъ къ упадку языка и вредитъ всѣмъ политическимъ выгодамъ, связаннымъ съ широкою распространенностью его. Если бы въ будущемъ была сдѣлана разумная попытка доставить средство къ основательному изу-

¹ Въ Англіи нѣсколько пивоваровъ произведены въ баронеты не за какія-нибудь общественныя заслуги, а просто-на-просто за свое богатство.

ченію англійскаго языка всѣмъ, кто нуждается въ этомъ и кто находится подъ контролемъ англійскаго правительства; если бы почетъ и доходъ давались по праву литераторамъ и не предоставлялось имъ самимъ достигать того и другого часто не совсѣмъ безупречными способами; если бы нынѣшняя издательская промышленность была настолько поднята, что сдѣлала бы литературу, науку и современную мысль всего міра—не какую-нибудь часть литературы или устарѣвшую энциклопедію, которую суютъ жаждущимъ пищи умамъ, а настоящую энциклопедію всего, что сдѣлано и что сдѣлается въ міровой литературѣ,—если бы все это стало доступно каждому человѣку, который желаетъ учиться англійскому языку, то я смѣло предсказалъ бы, что къ 2000 году все дѣятельное человѣческое общество будетъ читать, а можетъ быть и говорить на англійскомъ языкѣ. Мало того, онъ сдѣлался бы господствующимъ языкомъ въ Скандинавіи, Даніи и Голландіи, во всей Африкѣ, въ Сѣверной Америкѣ, на азіатскихъ и индійскихъ берегахъ Тихаго океана; онъ сдѣлался бы всемірнымъ международнымъ языкомъ и, пожалуй, даже всемірнымъ обиходнымъ. Но такое предпріятіе требуетъ ума и рѣшимости, какихъ у насъ нѣтъ и признаковъ въ настоящее время; и главное требуетъ возрожденія умственной жизни среди говорящихъ по-англійски народовъ. О возможности подобнаго возрожденія будетъ болѣе кстати поговорить въ позднѣйшихъ главахъ, когда мы попытаемся нарисовать въ общихъ чертахъ предстоящую борьбу за міровое преобладаніе. Но

ясно и теперь, что отъ такого возрожденія зависятъ не только распространеніе языка, но и поддержаніе военнаго и морскаго могущества Англіи, а отъ поддержанія этого могущества зависитъ самое существованіе народовъ, говорящихъ по-англійски.

Французскій и нѣмецкій языки несомнѣнно будутъ распространяться въ наступившемъ столѣтіи, но изъ этихъ двухъ, я думаю, что французскій распространится шире. Въ настоящее время повсюду замѣчается склонность—раздѣляемая самими французами—сильно преуменьшать значеніе въ будущемъ Франціи и всего французскаго. Корень этой склонности лежитъ въ пораженіи французовъ нѣмцами въ 1870 г. и еще въ томъ, что французы не плодятся, какъ кролики или негры. Но эти соображенія не могутъ повліять на распространенность французскаго языка. Публика, читающая по французски, гораздо распространеннѣе французской политической системы, и большей части ея мало дѣла до этой системы. На французскомъ языкѣ издается болѣе книгъ, чѣмъ на англійскомъ. Каждая французская книга встрѣчается серьезной критикой, чѣмъ писатель всегда долженъ дорожить; французскіе переводчики самые проворные и дѣятельные изъ переводчиковъ всего міра. Довольно взглянуть на парижскую книжную лавку и сравнить ее съ англійской, чтобы понять, какъ далеко обогнали насъ въ литературѣ французы. Въ длинныхъ рядахъ томовъ лимоннаго цвѣта заключалась въ прошломъ вся гамма человѣческихъ идей и интересовъ, и въ этой гаммѣ нѣтъ ни гра-

ницъ, ни запретовъ; вы можете имѣть все, что хотите, отъ неприкрытой скабрёзности до глубокой мудрости. Я помню, съ какимъ удивленіемъ нашёлъ я въ одной лавкѣ въ Avenue de l'Opera три экземпляра перевода превосходной книги профессора Уилліама Джемса „The Principles of Psychology“—три экземпляра книги, которой я нигдѣ не видалъ въ Англіи, кромѣ моего собственнаго дома! А я внимательный созерцатель витринъ книжныхъ лавокъ. И притомъ же французскія книги имѣютъ такой заманчивый видъ и такъ дешевы! Ихъ покупаютъ, чтобы читать. А представьте себѣ англійскую книжную лавку съ ея раззолоченными, тиснеными томами романовъ, напечатанныхъ ужаснымъ шрифтомъ, съ еще болѣе ужасными „иллюстраціями“, съ бессмысленнымъ разнообразіемъ размѣровъ и толщины! Общій видъ ея напоминаетъ лавку старыхъ вещей, и купецъ какъ будто даже сожалѣетъ, что эти вещи—книги. Но онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помочь этой бѣдѣ. Содержимое англійской книжной лавки обыкновенно состоитъ изъ свѣжеиспеченныхъ романовъ, иллюстрированныхъ путешествій или раззолоченныхъ томовъ толкованій старыхъ классиковъ, связанныхъ въ кипы для сбыта букинистамъ, тогда какъ французская книжная лавка переполнена произведеніями современной мысли.

Все это уже и теперь даетъ французскому языку перевѣсъ надъ англійскимъ, въ будущемъ же дастъ несравненно большій. Во многомъ французы опередили и нѣмцевъ. Несмотря на то, что въ Германіи издается болѣе книгъ, чѣмъ во Франціи,

едва ли нѣмецкій читатель имѣетъ такой большой выборъ хорошихъ книгъ, какъ французскій. Масса нѣмецкихъ романовъ, вѣроятно, такъ же неинтересна для иностранца, какъ популярныя англійскіе и американскіе романы. Да и нѣмецкій языкъ не такъ привлекателенъ, какъ французскій; немелодичный, негибкій, онъ къ тому же надѣленъ безобразнымъ, пестрящимъ въ глазахъ шрифтомъ, съ которымъ нѣмцы изъ патріотизма не хотятъ разстаться. Тенденціозность нѣмцевъ задержала упрощеніе ихъ языка и помѣшала развитію новыхъ словъ классическаго происхожденія. Хуже всего то, что она препятствуетъ употребленію международныхъ научныхъ терминовъ. У англичанъ, французовъ и итальянцевъ есть нѣкоторая общая техническая, научная и философская фразеологія, и для англичанина, обладающаго специальнымъ знаніемъ какого-нибудь предмета, часто бываетъ легче понять и оцѣнить французскую книгу по техническому предмету, чѣмъ вполне понимать общеупотребительный французскій языкъ. Къ тому же техническіе термины у этихъ двухъ народовъ, не приходящіе такъ непосредственно и постоянно въ соприкосновеніе и противорѣчіе со своими латинскими и греческими корнями, какъ они приходили бы, если бы происходили отъ корней мѣстнаго языка (подобно патріотическимъ нѣмецкимъ), могутъ принимать то или другое значеніе, даже различное съ первоначальнымъ, а въ развивающейся и измѣняющейся научной терминологіи это условіе имѣетъ большую важность. Нѣмецкіе же техническіе термины, взятые отъ туземнаго корня, не имѣютъ

такой гибкости и путаютъ понятія своей тѣсной связью съ разговорнымъ языкомъ, вызывая въ умѣ длинный рядъ неумѣстныхъ ассоціацій. Оттѣнки мысли, ограниченная квалифікація, которые французомъ или англичаниномъ достигаются простымъ оборотомъ фразы, для нѣмца составляютъ такое затрудненіе, что онъ долженъ или уклоняться отъ него, или преодолевать его съ помощью длиннаго поясненія въ скобкахъ... Вдобавокъ, нѣмецкому языку противопоставляются и непріязненные границы. Есть враждебные ему народы, которые боятся преобладанія Германіи и поэтому всѣми силами противоудѣйствуютъ употребленію нѣмецкаго языка. Въ Румыніи, въ славянскихъ земляхъ, въ Богеміи и Венгріи французскій языкъ побиваетъ нѣмецкій и имѣетъ всѣ шансы на преобладаніе въ будущемъ.

Эти два языка неизбежно придутъ въ рѣзкое столкновеніе. Возможно, что они сразятся за лингвистическое покореніе Европы или, пожалуй, и всего міра—въ обширномъ городскомъ районѣ, который возникнетъ на берегахъ Рейна. Политически этотъ районъ дѣлится теперь на шесть независимыхъ государствъ, но экономически онъ превратится въ слѣдующіе полвѣка въ одно цѣлое и почти несомнѣнно, что это будетъ величайшій городской районъ въ цѣломъ мірѣ за исключеніемъ двухъ: въ восточныхъ штатахъ сѣверной Америки и около Ханькоу. Прирейнскій районъ будетъ простираться отъ Лилля до Киля, вытянется по рейнской долинѣ въ Швейцарію и вдоль Молдавы въ Прагу. Здѣсь будетъ промышленная сто-

лица Старого свѣта съ Парижемъ въ видѣ Вестъ Энда. Отъ этого центра сѣтъ желѣзныхъ дорогъ и новыхъ моторныхъ путей опутаетъ весь материкъ. Я полагаю, что этотъ огромный городской районъ сохранить свое положеніе, какъ приморскій портъ великой равнины Старого Свѣта, даже въ томъ случаѣ, если каменно-угольная промышленность этой равнины смѣнится примѣненіемъ къ промышленности горнаго электричества. Транзитныя соображенія удержатъ районъ тамъ, гдѣ онъ выросъ, и электричество будетъ доставляться ему кабелями отъ горныхъ потоковъ средней Европы. Западнымъ портомъ этого района можетъ сдѣлаться Бордо или Мильфордъ-Хавенъ, или даже одинъ изъ портовъ юго-западной Ирландіи, если только-что мало вѣроятно—быстрота безопаснаго морского сообщенія превзойдетъ быстроту сообщенія сухопутнаго. Я не предвижу, чтобы такой огромный районъ могъ объединиться безъ какого-нибудь лингвистическаго компромисса—предполагать насильственное онѣмѣченіе говорящихъ по-французски народовъ было бы слишкомъ нелѣпо. Съ увеличеніемъ быстроты и удобствъ сообщеній почти неизбежно установится двуязычный компромиссъ, и я думаю, что даже въ этомъ случаѣ перевѣсъ останется за французскимъ языкомъ. Этому можетъ помѣшать только великое возрожденіе народовъ, говорящихъ по англійски, которое окажетъ подавляющее вліяніе на европейскіе города, принудить ихъ къ три-язычной системѣ и поведетъ къ тому, что весь міръ, наконецъ, заговоритъ по-англійски.

Я не думаю, чтобы какой-нибудь другой языкъ, кромѣ этихъ трехъ, могъ удержаться въ будущемъ. Итальянскій можетъ продолжать процвѣтать въ долину По, но только въ компаніи съ французскимъ. Испанскій и русскій—языки сильные, но у нихъ недостаточно читающей публики, чтобы стать господствующими, а какая же будущность можетъ быть у языка, не имѣющаго читающей публики? Я полагаю, что эти два языка уже осуждены на вытѣсненіе. Къ 2000 г. всѣ такіе языки станутъ второстепенными въ двуязычныхъ странахъ рядомъ съ господствующимъ французскимъ или англійскимъ, а быть можетъ и нѣмецкимъ, хотя это менѣе вѣроятно.

Самыя странныя возможности представляетъ Китай. Повидимому синтезъ, достаточно сильный, чтобы устоять, возможенъ только на азіатскомъ востокѣ, гдѣ онъ возникнетъ внѣ и независимо отъ такой разграничительной системы механически соединенныхъ народовъ, которая развилась изъ средневѣковаго христіанства. Безъ сомнѣнія, восточная Азія находится еще въ дикомъ состояніи въ отношеніи языковъ, но надъ всѣми ея діалектами царитъ китайская письменность, и есть большое вѣроятіе, съ которымъ слѣдуетъ считаться, что эта письменность, вылившись въ правильную ассоціацію звуковъ, сдѣлается міровымъ языкомъ. Японская письменность и японскій литературный языкъ стремятся ассимилироваться съ китайскимъ и новыя китайскія слова и обороты постоянно прививаются къ японскому языку. Японцы—народъ, не подходящій ни подъ какое мѣрило, и бу-

душность его неопредѣленна; у него есть и романтическій оттѣнокъ, и честность, и воображеніе, и ясный умъ,—словомъ все, что сулитъ ему будущность исключительную. Быть можетъ, я обманываюсь эффектами перспективы, но когда я отрываюсь отъ мелочныхъ дразгъ англійской палаты общинъ, отъ этого великолѣпнаго храма, щеголяющаго тѣмъ, что онъ похожъ на клубъ, когда я отворачиваюсь отъ него къ этому мужественному, улыбающемуся японскому народу, воображеніе рисуетъ передо мною смѣлою рукой его будущія судьбы. Предположимъ, что японцы вздумаютъ ускорить процессъ достиженія синтеза, возможнаго для Китая! Предположимъ, наконецъ, что я не обманываюсь и японцы именно такой честный, храбрый и умный народъ, какимъ я представляю его себѣ: вѣдь въ такомъ случаѣ они несомнѣнно встрѣтятъ содѣйствіе среди образованныхъ элементовъ китайскаго народа... Но это все. Впереди и позади Китая господствуетъ англійскій языкъ. Онъ ближе къ цѣли, чѣмъ всѣ другіе языки, за нимъ механическая выгода: положеніе. Если бы только мы, думающіе, пишущіе, издающіе англичане, сдѣлали такъ, чтобы нашъ языкъ былъ достоинъ такой цѣли!

VIII

ОБЩІЙ СИНТЕЗЪ

Мы видѣли, что существеннымъ результатомъ развитія науки и механики, а въ особенности постоянно совершенствующихся новыхъ средствъ сообщенія, является распаденіе старыхъ соціальныхъ организацій и стремленіе ко все болѣе и болѣе широкимъ и сложнымъ общественнымъ организациямъ. Поэтому, сколько бы вѣковъ опасностей, столкновеній, недоразумѣній и кровопролитія ни пришлось еще пережить человѣчеству, можно предвидѣть, что въ концѣ-концовъ оно доживетъ до установленія единого мірового государства, въ которомъ будетъ царить миръ. Въ экономическомъ смыслѣ такое государство существуетъ уже и теперь. Всѣ мы покупаемъ и продаемъ на однихъ и тѣхъ же рынкахъ, хотя люди, которымъ принадлежатъ нѣкоторыя старинныя права, взимаютъ съ насъ мѣстами пошлины, и индусъ голодаетъ, а итальянецъ живетъ впроголодь раньше, чѣмъ нѣмецъ или англичанинъ ощутятъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Фактически автономныхъ государствъ не существуетъ болѣе, какъ не существуетъ и права на абсолютную независимость, какимъ пользовалась въ прежнія времена Швейцарія.

Конечно, достиженіе этого великаго синтеза, какъ и соціальное распаденіе и переустройство, о которыхъ мы раньше говорили, кажется процессомъ, независящимъ отъ коллективной или сознательной воли человѣка, а какъ бы выраженіемъ воли высшей. Процессъ этотъ дѣйствуетъ и, быть можетъ, подвигается быстро къ своей цѣли, но временами почти незамѣтно, подобно какому-нибудь дѣйствию природы, которое длится вѣка, какъ напримѣръ, поднятіе материка или разрушеніе горной цѣпи. Можно также сравнить этотъ процессъ съ сѣтью, накинутаю на большую и разношерстную толпу людей и все болѣе и болѣе сжимающеюся. Мы можемъ одобрять ихъ взаимную вражду, можемъ вѣрить въ непреступаемость границъ, составлять заговоры и контръ-заговоры, воевать до истощенія силъ, а сѣть все будетъ сжиматься.

Потребность въ синтезѣ, болѣе широкою, чѣмъ настоящія національныя организаціи, такъ очевидна, что уже и теперь мы видимъ, по меньшей мѣрѣ, пять широкихъ движеній въ пользу объединенія: англо-саксонизмъ, сродный съ нимъ, но совершенно различный британскій имперіализмъ, пангерманизмъ, панславизмъ и великій союзъ латинскихъ народовъ. Рядомъ съ этимъ уже много лѣтъ видимо зрѣетъ, подъ вліяніемъ насильственной политики бѣлыхъ народовъ, идея объединенія желтой расы. Всѣ эти движенія имѣютъ основательныя причины, заставляющія людей пренебрегать второстепенными различіями для объединенія однородныхъ элементовъ въ болѣе важныхъ вещахъ,

чтобы обезпечить, если не матеріальное преобладаніе, то, по крайней мѣрѣ, достаточную оборонительную силу за особенностями своей расы, морали, обычаевъ и языка противъ натиска другихъ коалицій. Но всѣ эти синтезы или другія подобныя синтетическія концепціи найдутся вынужденными вступить въ борьбу за физическое преобладаніе въ мірѣ, если имъ не удастся установить между собою какое-нибудь раціональное соціальное единеніе посредствомъ разумно условленныхъ союзовъ. Въ мірѣ все направлено противъ сохраненія мѣстныхъ соціальныхъ системъ, какъ бы ни были широки идеи, лежащія въ основѣ ихъ. Но все же возможно, что нѣкоторыя или даже всѣ культуры, которыя создадутся благодаря развитію этихъ объединительныхъ движеній, переживутъ въ своихъ главныхъ чертахъ свое политическое исчезновеніе, какъ пережила его еврейская культура, и, какъ она же, распространятся по всему міру. Единство отнюдь не означаетъ однородность. Чѣмъ больше общественный организмъ, тѣмъ разнообразнѣе его части и тѣмъ сложнѣе соотношенія въ немъ культуръ, расъ и характеровъ.

Сомнительно, чтобы латинская или панславистская идея обѣщали сильное политическое объединеніе. Элементы латинскаго синтеза разбѣяны въ южной и центральной Америкѣ и по берегамъ Средиземнаго моря такъ широко, что экономическое единеніе между ними врядъ ли возможно. Лучшіе элементы французской націи населяютъ западную часть той области, которая должна образовать величайшій

городской районъ Стараго Свѣта,—прирейнско-нидерландскій. Интересы сѣверной Италіи будутъ оттянуты этимъ райономъ отъ Рима и южной Италіи къ Швейцаріи и южной Германіи, а метисы Южной Америки, говорящіе по-испански и по-португальски, должны будутъ объединиться между собою, да и къ тому же они находятся въ политическомъ отношеніи подъ опекой Соединенныхъ Штатовъ. Нигдѣ, кромѣ Франціи и сѣверной Италіи, не предвидится такой умственной и воспитательной эволюціи, какая необходима для подготовки великаго плана объединенія. Еще болѣе серьезныя затрудненія стоятъ на пути къ панславянскому объединенію. Осуществленіе этой идеи встрѣчаетъ сильное препятствіе въ разнообразіи языковъ и въ томъ фактѣ, что чешскій, польскій и русскій языки имѣютъ, каждый, свою литературу почти равнаго достоинства, но одинаково недостаточную по количеству и значенію, чтобы утвердить за однимъ изъ этихъ языковъ господство надъ всѣми другими славянскими діалектами. Россія, которая должна бы образовать центральное зерно этого синтеза, слишкомъ отстала отъ западныхъ странъ; въ ней не замѣтно еще и признаковъ развитія того мощнаго по своему образованію средняго класса, которому принадлежитъ будущее. Я полагаю, что большинство западныхъ славянъ послѣдуетъ за пруссаками и литвой и будетъ включено въ городской районъ Западной Европы.

Я не вижу, гдѣ могли бы возникнуть въ Россіи такіе сравнительно густо населенные городскіе районы, какіе навѣрное возникнутъ въ при-

рейнскихъ странахъ и въ восточныхъ штатахъ Сѣверной Америки. Смѣло выработанный планъ желѣзнодорожныхъ путей позволилъ бы сдѣлать изъ Одессы русскій Чикаго; но для желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Одессу и около нея, Азія какъ будто еще не открыта. Съ пробужденіемъ торговли въ томъ краю, который называется теперь Турецкой имперіей, желѣзные дороги, вѣроятно, пойдутъ въ Константинополь не съ сѣвера или юга Россіи, а отъ болѣе научно-просвѣщеннаго пункта центральной Европы. Въ будущемъ длинныя сухопутныя линіи сообщеній будутъ все болѣе превосходить быстротой и удобствами навигацію по Балтійскому морю, вслѣдствіе чего ростъ Петербурга врядъ ли будетъ продолжаться. Онъ былъ основанъ человѣкомъ, который не предвидѣлъ другихъ путей торговли и цивилизаціи, кромѣ моря, а въ будущемъ морю предстоитъ играть послѣднюю роль въ этомъ отношеніи.

Я считаю невѣроятнымъ, чтобы панславистскій синтезъ могъ одержать верхъ надъ силами, ведущими къ присоединенію большей части славянскихъ народовъ къ великому западно-европейскому городскому району.

На первый взглядъ всѣ шансы говорятъ въ пользу захватывающаго пангерманскаго могущества, которое стремится занять господствующее положеніе поперекъ центральной Европы и западной Азіи, и наляжетъ, наконецъ, на разбитый и разстроенный славянскій элементъ. Въ настоящее время, за сомнительнымъ исключеніемъ Соединен-

ныхъ Штатовъ, нѣмцы представляютъ самый способный средній классъ во всемъ мірѣ. Ихъ быстрый экономическій прогрессъ есть результатъ умственного превосходства; ихъ политическія, военныя и морскія дѣла ведутся съ такимъ умомъ и широтою взглядовъ, какимъ нѣтъ равныхъ на свѣтѣ. Но самые таланты нѣмцевъ, какъ нѣмцевъ, самые ихъ обычаи и побѣдоносныя традиціи, накопившіяся у нихъ за послѣднія сорокъ лѣтъ, могутъ оказаться въ концѣ-концовъ весьма сомнительнымъ благодѣяніемъ для Европы въ ея цѣломъ, если не при настоящемъ поколѣніи, то при его внукахъ. Географическія очертанія, экономическія силы, все теченіе научныхъ изобрѣтеній и соціальнаго развитія направлены къ объединенію западной Европы, но никакъ не германизации ея. Я уже излагалъ, на какихъ основаніяхъ я предвижу что французскій языкъ не только удержится рядомъ съ нѣмецкимъ, но возьметъ перевѣсъ надъ нимъ въ западной Европѣ. Но существуютъ препятствія даже къ объединенію самихъ нѣмцевъ. Въ особенности одинъ элементъ въ настоящемъ положеніи Германіи будетъ съ годами все сильнѣе и сильнѣе давать чувствовать свое неудобство. Германская идея плотно сплелась съ имперскими традиціями и съ военной дисциплиной прусской монархіи. Умственное развитіе нѣмцевъ подчинено въ значительной мѣрѣ вліянію officialныхъ сферъ, руководимыхъ дворомъ. Правда, дворъ во многихъ отношеніяхъ слѣдуетъ въ дѣлѣ образованія и дисциплины благороднымъ традиціямъ тѣхъ временъ, когда Германія испыты-

вала неудачи, и господствующая воля императора несомнѣнно придаетъ германской политикѣ единство цѣлей, много способствующее ея успѣхамъ. Но за умнаго правителя націи приходится расплачиваться въ концѣ - концовъ еще дороже, чѣмъ за блестящаго тупицу. Энергичные и талантливые люди обыкновенно неохотно терпятъ рядомъ съ собою другихъ талантливыхъ людей, не сочувствующихъ имъ, и, движимые эгоизмомъ, часто бываютъ ревнивы, самовластны и придиричливы. Въ настоящее время въ Германской имперіи нѣтъ другихъ великихъ людей, которые уравновѣшивали бы вліяніе личности императора, и я даже не предвижу возможности, чтобы такіе люди явились при настоящемъ порядкѣ вещей.

Въ странѣ есть много умныхъ и талантливыхъ людей, но они не могутъ выдвинуться, заявить себя, затмеваемые чрезмѣрно преобладающею монархіей. Дѣятельность императора ставитъ извѣстныя границы дѣятельности нѣмецкаго народа, что должно, наконецъ, дурно отразиться на умственной атмосферѣ Германіи, а въ этой атмосферѣ заключается ея высшая сила.

Склонность его величества видѣть враждебность во всякой критикѣ его дѣйствій душитъ общественную мысль въ Германіи. Вильгельмъ II съ замѣчательною самоувѣренностью вмѣшивается въ университетскія дѣла и въ литературные и художественные вопросы, что приводитъ къ неисчислимымъ послѣдствіямъ. Инерція вѣка помогаетъ ему и его Германіи идти отъ успѣха къ успѣху; но тѣмъ не менѣе есть поводъ опа-

саться, что необычайная сила умственной жизни, которою отличалась Германія въ началѣ прошлаго вѣка, когда росли для будущей славы такіе люди, какъ Блюменталь и Мольтке, и росло величіе самой Германіи, — что эта сила все болѣе линяетъ подъ дѣйствіемъ императорскаго солнца. Дисциплина и образованіе подняли высоко эту страну; то и другое имѣетъ существенную важность, но не менѣе существенную надобность для будущаго составляетъ и свобода людской инициативы и мысли. Не истощилась ли у Германіи способность родить выдающихся людей? — вотъ въ чемъ для нея жизненный вопросъ, а не въ томъ, умна или глупа ея политика, истинно или раздуто ея торговое значеніе. Пока Германія только реализируетъ богатства, накопленныя въ прошломъ.

Впрочемъ, я не нахожу, чтобы она была теперь много сильнѣе въ политическомъ отношеніи, чѣмъ была Франція въ началѣ 60-хъ годовъ; во многомъ нынѣшнее преобладаніе Германіи представляетъ любопытную аналогію съ преобладаніемъ Французской имперіи въ тѣ годы. Смерть можетъ каждую минуту пресѣчь дни германскаго императора; ничья жизнь не обезпечена съ этой стороны, и онъ оставитъ Германію вполнѣ организованной въ зависимости отъ двора, а ничто не ручается, что преемникъ его не будетъ несравненно болѣе тщеславенъ и агрессивенъ, или, наоборотъ, слабъ волей и распущенъ, или же недостаточно патріотиченъ и равнодушенъ къ своему нравственному долгу. Въ прошломъ Германіи, несравненно

менѣе требовательномъ, чѣмъ настоящее, многое дѣлалось руководителями—Чемберленами, Бисмарками, дальновидной силой, стоявшей за престоломъ и безкорыстно интриговавшей, чтобы понудить монарха идти тѣмъ путемъ, какимъ нужно. Но такую систему можно сравнить съ писаніемъ перомъ, которое держать не рукой, а щипцами; и весьма легко представить себѣ рядъ случайностей, которыя опять отдадутъ Германію во власть такихъ шаткихъ щипцовъ.

Строго монархическая и аристократическая организація Германской имперіи станетъ препятствіемъ для политическаго синтеза пангерманизма еще и въ другомъ отношеніи. Необходимыми факторами этого синтеза были бы Голландія и Швейцарія, маленькіе, выгодно помѣщенные народы, проникнутые идеями личной свободы. Не трудно представить себѣ нѣмецкаго швейцарца, поглощеннаго великой пангерманской республикой, но трудно представить себѣ, чтобы тотъ же швейцарецъ сталъ гражданиномъ германской имперіи.

Къ тому же, для соединенія съ Востокомъ Германіи пришлось бы воевать съ русскими, а для соединенія съ Западомъ ей понадобилось бы вести войну съ Франціей, быть можетъ, и съ Англіей или съ коалиціей этихъ державъ. Я полагаю, что военныя силы Франціи сильно преуменьшаются. Слѣдуетъ прочесть, что говоритъ объ этомъ Бліохъ. Безспорно, что она была разбита въ 1870 г.; безспорно, что она потерпѣла пораженіе въ долгой борьбѣ съ Англіей за равновѣсіе морскихъ силъ, но все это еще не лишаетъ Францію будущаго.

Несчастія 1870 г., вѣроятно, принесли французамъ величайшую пользу, научивъ ихъ обуздать свое слишкомъ пылкое воображеніе. Теперь французы достаточно доказали возможность прочной военной республики. Они сдали въ архивъ корону и дворъ, и, несмотря на то, въ ихъ республикѣ цѣлыхъ тридцать лѣтъ царить порядокъ; они отдѣлили свою національную жизнь отъ всякаго религіознаго культа и установили у себя такую свободу мысли и печати, какая невозможна среди народовъ, говорящихъ по-англійски, сколько бы они ни хвастались противнымъ. Я не вижу причины сомнѣваться въ заключеніи Бліоха, что на сушѣ французы теперь гораздо сильнѣе, чѣмъ они были въ 1870 г.; что эволюція военного искусства была вся къ выгодѣ французскихъ темперамента и ума, и что въ настоящее время война между Франціей и Германіей имѣла бы совсѣмъ другой исходъ, чѣмъ въ 1870 г., даже если бы она велась одинъ на одинъ. Въ такой войнѣ Германіи, а не Франціи пришлось бы доказать народамъ англійской расы свою силу на морѣ. Франція не была бы одинокой. Она сражалась бы за Швейцарію или Люксембургъ, или за устья Рейна, сражалась бы съ рѣшимостью страны, не забывшей прошлыхъ униженій, и, вѣроятно, съ поддержкой народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, тогда какъ въ тылу ея противника было бы все враждебное ему, проснувшееся славянство.

Нельзя не замѣтить, съ какою силою обнаруживается въ Германской имперіи стремленіе воспроизвести исторію Голландіи въ широкихъ размѣ-

рахъ. Въ то время, когда Голландія истощала всѣ свои силы на флотъ въ конфликтѣ съ Англіей, который, самое большее, могъ только открыть ей новый торговый путь, она упустила единственный случай вызвать къ жизни великій ниже-германскій союзъ (въ то время Нижняя Германія простиралась до Арра и Дуэ) и положительно втянула Англію въ число своихъ враговъ. То же самое дѣлаютъ въ настоящее время нѣмцы. Вторгаясь на моря съ угрожающимъ и преднамѣреннымъ видомъ, нѣмцы побудятъ Америку усилить свой флотъ, заставятъ Англію совершенно измѣнить свою политику и, пожалуй, вызовутъ синтезъ говорящихъ по-англійски народовъ.

При такихъ обстоятельствахъ я не думаю, чтобы существующій германскій союзъ могъ, какъ сплоченная экономическая единица, взять перевѣсъ надъ будущимъ городскимъ райономъ въ западной Европѣ. Я полагаю, что Германская имперія, то есть организованное выраженіе германской наступательной политики, будетъ тогда расшатана и доведена рядомъ войнъ на сушѣ и на морѣ до важныхъ компромиссовъ. Во время этихъ войнъ она будетъ вынуждена развязать руки своему образованному среднему классу, и это приведетъ къ торжеству не имперско-германскихъ идей, а центрально-европейскихъ, родственныхъ швейцарскимъ концепціямъ. Наиболѣе яснымъ выразителемъ цивилизованнаго республиканизма будетъ французскій языкъ, который и утвердится на двуязычной базѣ во всей западной Европѣ, а къ концу XX вѣка сдѣлается господствующимъ на всемъ евро-

пейскомъ материкѣ и въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Блестящая мечта о федеральной Европѣ, которую открылся девятнадцатый вѣкъ во Франціи, быть можетъ, до извѣстной степени осуществится въ началѣ двадцать перваго. Сколько нужно на это времени, и мирно или насильственно произойдетъ осуществленіе, все это зависитъ отъ степени умственного уровня, до котораго поднимется къ тому времени населеніе Европы. Невѣжественный, только обученный или только культурный народъ не пойметъ значенія этихъ объединеній, будетъ лелѣять старую вражду, старыя тяжбы, и удѣломъ такого народа будутъ бѣдствія, насильственное принужденіе и война. У Европы будутъ свои Ирландіи и свои Шотландіи,—Ирландіи, помнящія зло, крикливыя, дерущіяся, отчаянно воющія неизвѣстно о чемъ. Откроется большой просторъ для диллетантовъ - акціонеровъ; явятся удобные случаи для литературнаго шарлатанства въ видѣ „національных“ движеній, лингвистическихъ лигъ, драматическихъ заговоровъ; начнутъ изощряться въ изобрѣтеніи „національных“ костюмовъ, какихъ никогда и міръ не видывалъ. Мелкія націи возопіють къ небесамъ, ссылаясь на неотъемлемое право всякаго маленькаго народа плотно уѣсться среди большой дороги, среди люднаго торговаго пути, со всѣми своими любезными игрушками и забавляться ими, какъ они забавлялись до проведенія этихъ дорогъ.

Но великія государства европейскаго материка будутъ прорубать себѣ путь сквозь всѣ обструкціи языковъ и національныхъ традицій и поднимать

уровень образованія массъ до пониманія выгодъ объединенія. А пока все это дѣлается въ Европѣ и въ восточной Азіи идетъ борьба за преобразование подъ руководствомъ ли Россіи, Японіи, Англіи или Китая, — будетъ ли, рядомъ съ тѣмъ, совершаться и объединеніе народовъ, говорящихъ по-англійски? Я склоненъ думать, что будетъ и что головой и центромъ новаго единства станетъ великій городской районъ, который образуется между Чикаго и Атлантическимъ океаномъ, главнымъ образомъ, но не цѣликомъ, на югѣ отъ рѣки св. Лаврентія. Только этотъ районъ и можетъ, по моему мнѣнію, сдѣлаться умственнымъ, политическимъ и промышленнымъ центромъ прочнаго союза народовъ англійской расы. Около этого центра разовьется, вѣроятно, великая федерація бѣлыхъ народовъ съ центромъ на сѣверѣ Мексики (возможно, что и Скандинавія войдетъ въ эту федерацію). Федеральное правительство будетъ содержать общій флотъ, и большая часть, если не всѣ цвѣтные подданные нынѣшней британской имперіи, будутъ находиться подъ покровительствомъ, господствомъ или фактическимъ управленіемъ этой федераціи и, кромѣ того, значительная часть южнаго и средняго пространства Тихаго океана, Восточная и Западная Индія, остальная Америка и большая часть африканскаго материка. Помимо подвластныхъ расъ, такое англійское государство составило бы къ концу вѣка практически однородный народъ, по меньшей мѣрѣ изъ ста милліоновъ здоровыхъ, образованныхъ и трудоспособныхъ людей. Это было бы первое изъ трехъ великихъ государствъ

міра; оно слѣдило бы съ разумнымъ сочувствіемъ за организующимися объединеніями Европы и восточной Азіи. Къ 2000 году всѣ граждане англійскаго союза вступятъ, при посредствѣ французскаго языка, въ умственное общеніе съ континентальной Европой. За предѣлами ея англійскій языкъ уже пустить глубокіе корни, и государственные люди будутъ открыто и увѣренно обсуждать съ общественнымъ мнѣніемъ Европы и, вѣроятно, также и Желтаго государства, возможныя коалиціи и договоры объ уничтоженіи таможенъ и разницы мѣръ и вѣса, объ урѣзаніи монополій и специальныхъ правъ,—словомъ, обо всемъ, чѣмъ можно окончательно и навсегда упрочить миръ на землѣ. Такой синтезъ я считаю не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ народамъ, говорящимъ по-англійски. Возможныя препятствія, какъ ни велики они, все же ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя предвидятся въ дѣлѣ менѣе широкаго европейскаго объединенія. Главное изъ нихъ имѣетъ отрицательный характеръ: это отсутствіе стимула, сравнительное благосостояніе большей части государствъ, которыя должны вступить въ союзъ. Стимулъ можетъ однако найтись въ возрожденіи восточной Азіи или въ появленіи на океанѣ большого германскаго флота.

Всѣ эти три великія объединенія, это изглаживаніе и исчезновеніе границъ, будутъ только внѣшними признаками внутренняго соціального преобразования, которое составляетъ главную цѣль нашихъ предсказаній. Я старался показать, что какъ

въ мирное, такъ и въ военное время на землѣ происходитъ со всею терпѣливостью и неизбѣжностью естественныхъ силъ природы извѣстный процессъ, посредствомъ котораго настоящія безформенныя, гипертрофированныя общественныя массы должны дать изъ себя образованный классъ людей, такой, какого еще не было на свѣтѣ, и этотъ классъ естественнымъ путемъ создастъ новую республику, которая будетъ господствовать надъ міромъ. Ни одно изъ нашихъ современныхъ правительствъ не въ состояніи вызвать этотъ великій разсвѣтъ; онъ можетъ быть вызванъ только массой умственной силы внѣ нынѣшнихъ официальныхъ государственныхъ системъ, которая, какъ новый Геркулесъ, раздавить змѣю международной вражды.

Чѣмъ ниже спускаемся мы съ высотъ широкихъ обобщеній на равнины частныхъ, тѣмъ опаснѣе становится путь нашихъ предсказаній. Однако все же можно предвидѣть, по крайней мѣрѣ, въ англійскомъ синтезѣ, какимъ образомъ начнетъ создаваться и принимать видимую форму новая республика. Первымъ шагомъ къ ней будетъ, вѣроятно, организація интеллигентныхъ, а въ иныхъ случаяхъ и богатыхъ людей, въ формѣ движенія, направляемаго къ опредѣленнымъ социальнымъ и политическимъ цѣлямъ, — движенія, явно игнорирующаго большую часть существующаго механизма политическаго контроля, или пользующагося имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ орудіемъ къ достиженію своихъ цѣлей. Въ первой своей стадіи организація будетъ очень слабо связана и явится про-

сто движеніемъ нѣкотораго числа людей въ извѣстномъ направленіи. Для иныхъ изъ этихъ людей будетъ даже своего рода сюрпризомъ, когда они узнаютъ, къ какой цѣли они идутъ.

Уже и теперь нѣкоторыя интересныя стороны общественной дѣятельности, при всемъ разнообразіи ихъ цѣлей, показываютъ, въ какомъ направленіи будутъ развиваться идеи новой республики. Къ такимъ предварительнымъ шагамъ до начала широкаго движенія можно, пожалуй, причислить и мелкія англо-американскія ассоціаціи и лиги, какъ та, напримѣръ, которая задалась цѣлью принимать путешествующихъ американцевъ празднаго класса въ аристократическихъ англійскихъ замкахъ, съ цѣлью доставить имъ возможность встрѣчаться на завтракахъ и обѣдахъ съ титулованными лицами или собирать ихъ на лекціи популярныхъ англійскихъ писателей и духовныхъ лицъ. Конечно, эти затѣи малозначущи, но иногда снобъ вѣрнѣе серьезнаго человѣка показываетъ, куда дуетъ вѣтеръ. Въ умахъ американцевъ и англичанъ таится нѣчто болѣе серьезное и широкое, чѣмъ подобныя вещи; это замѣчалось, напримѣръ, въ измѣнившемся тонѣ печати обѣихъ странъ послѣ венецуэльскаго посланія и испано-американской войны. Возникали уже и болѣе широкіе проекты, какъ, напримѣръ, предложеніе взаимнаго обмѣна гражданскими правами. Этотъ интересный проектъ состоитъ въ томъ, что англичанинъ, поселяясь въ американской странѣ, можетъ сдѣлаться гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ, а съ другой стороны, американецъ, поселившійся въ одной изъ автономныхъ

англійскихъ колоній, можетъ пользоваться въ ней избирательнымъ правомъ.

Такіе планы, вѣроятно, будутъ часто возникать въ слѣдующія десятилѣтія и давать пищу преніямъ и обмѣну мнѣній. Американская конституція и британская конституціонная монархія будутъ измѣнены или сданы въ архивъ въ одну изъ стадій этого синтеза, и для умовъ извѣстнаго типа это будетъ самой интересной задачей. Въ преніяхъ по этому поводу скажутся нѣкоторыя любопытныя перемѣны въ колоніальной точкѣ зрѣнія. Соединенные Штаты быстро берутъ — или уже взяли — перевѣсъ надъ Англіей въ желѣзодѣлательной, стальной и электрической промышленности; у нихъ гораздо шире и полнѣе развита система высшаго научнаго образованія, чѣмъ въ Англіи, и, вѣроятно, и въ общественныхъ дѣлахъ, какъ въ промышленныхъ, сѣверо-американскій народъ превосходитъ своими способностями англичанъ. Весьма возможно, что въ слѣдующія два-три десятилѣтія нынѣшнее господство Англіи въ торговлѣ и на моряхъ перейдетъ къ Соединеннымъ Штатамъ, а разъ, что это случится, вопросъ, насколько вѣрность колоній связана съ господствомъ на моряхъ, приблизится къ рѣшенію. Интересно бы знать, какое рѣшеніе постановитъ новая республика въ нѣкоторыхъ частныхъ затрудненіяхъ настоящаго времени. Такъ напримѣръ, правительство, избираемое важнѣйшими британскими фамиліями, сдѣлало изъ Ирландіи и Южной Африки двѣ незаживающія раны. Эти два говорящихъ по-англійски народа никогда не успокоятся

и никогда не примирятся со своимъ положеніемъ при колеблющемся, зависящемъ отъ выборовъ британскомъ имперіализмѣ, и нельзя ожидать, чтобы британское правительство, вооружившее ихъ противъ Англіи, рѣшилось когда-нибудь дать имъ свободу. Но при такомъ широкомъ синтезѣ, какъ новая республика, эти государства вступятъ въ союзъ равноправными членами, и прошлое потеряетъ для нихъ свою горечь.

Другой типъ общественной дѣятельности, позволяющій предугадывать, въ какой формѣ возникнетъ новая республика,—это появляющіяся съ недавнихъ поръ въ Англіи неофіціальныя организациі, наблюдающія за офіціальными учрежденіями и подвергающія ихъ своей критикѣ. Такова, напримѣръ, морская лига, общество умныхъ и дѣятельныхъ экспертовъ, вмѣшательство котораго въ контролированіе дѣлъ англійскаго флота въ послѣдніе года дало очень полезныя результаты. Замѣчается также въ послѣднее время весьма разумное и широко распространенное, хотя и неорганизованное недовольство комиссіей по преобразованію арміи въ военномъ министерствѣ, занимающейся мелочами. Все показываетъ, что при парламентскомъ правительствѣ не можетъ быть хорошо организованной и вполне надежной арміи, поэтому иные естественно ищутъ какого-нибудь легальнаго пути къ улучшенію арміи внѣ контроля военнаго министерства. Даже наборъ волонтеровъ оскудѣваетъ и, вѣроятно, будетъ оскудѣвать все болѣе по мѣрѣ того, какъ патріотическій энтузіазмъ, вызванный бурской войной,

будетъ остывать; и никакія надбавки къ жалованью, никакія привилегіи не воспламенятъ его вновь. Начальное образованіе настолько подняло умственный уровень низшихъ классовъ англійскаго народа, что перспектива войны въ далекихъ странахъ подъ предводительствомъ дворянчиковъ, мало смыслящихъ въ военномъ искусствѣ, при плохой организаціи и плохомъ оружіи, утратила большую долю своего романтическаго нимба. Напротивъ того, если бы вмѣсто военнаго министерства дѣйствовалъ частный совѣтъ свѣдущихъ людей, который учредилъ бы хорошую школу военныхъ наукъ, содѣйствовалъ бы здоровой реформѣ, организаціи и критикѣ новыхъ опытовъ въ тактикѣ и вооруженіи, ввелъ бы призывы для такихъ опытовъ добровольческихъ ротъ и батальоновъ, то въ охотникахъ поступить на военную службу не было бы недостатка...

Попытки неофіціального набора охотниковъ къ военной службѣ были бы совершенно въ духѣ новой республики, какъ я ее понимаю; но растущее сознаніе народа гораздо яснѣе скажется въ другомъ направленіи его дѣятельности. Опытъ доказалъ, что организація и контроль общественнаго образованія не подъ силу демократическому правительству. Скудно, хотя и съ претензіями обставленные частныя школы въ Англіи, руководимыя невѣжественными и неспособными молодыми людьми, существуютъ лишь какъ доказательство того, что народное образованіе не такое дѣло, которое можно вести какъ торговое предпріятіе, эксплуатируя невѣжество и предразсудки ро-

дителей. Необходимымъ условіемъ преуспѣянія новой республики можетъ быть только широкая, разнообразная и доступная всѣмъ система народного образованія, дѣйствующая въ средѣ свободной критики и общаго умственного подъема. Однѣхъ школъ недостаточно, а университеты служатъ только притонами карьеристовъ, когда учителя, учительницы и лекторы не обладаютъ зрѣлыми умами, проникнутыми свѣтомъ современной науки. Въ настоящее время учителя, которымъ поручено образованіе вліятельныхъ людей ближайшихъ десятилѣтій,—обыкновенно личности дюжинныя, натянутыя, выцвѣтшія созданія, напичканныя вызубренными учебниками, выросшія и огражденные отъ всякихъ новыхъ идей винигретомъ университетскаго устава. Многіе изъ нихъ менѣе способны и умны, чѣмъ даже учителя народныхъ школъ. Общество настоятельно нуждается въ школѣ совсѣмъ новаго типа,—въ школѣ, по крайней мѣрѣ настолько искусно руководимой, чтобы она доставляла необходимыя упражненія въ математикѣ, діалектикѣ, языкахъ и рисованіи и необходимыя научныя знанія, не поглощая всѣхъ свободныхъ часовъ ученика, и не лишая его индивидуальности, какъ лишаютъ ея нынѣшніе самонадѣянные невѣжды. Не менѣе явная необходимость ощущается и въ университетѣ новаго типа,—не такого, въ которомъ взращиваются тѣ блестящіе скороспѣлые юноши, блескъ которыхъ нерѣдко служить признакомъ органическаго недостатка умственныхъ способностей и передъ которыми двери университета отворяются раньше,

чѣмъ имъ минетъ девятнадцать лѣтъ. Новые образовательные элементы или вырастутъ постепенно, отъ постоянного болѣзненнаго давленія безпощадныхъ фактовъ, или же будутъ разомъ вызваны къ жизни сознательными усиліями способныхъ и знающихъ людей, когда стремленіе къ новой республикѣ сдѣлается болѣе сознательнымъ и обдуманымъ. Само собою разумѣется, что призваніе къ жизни такихъ элементовъ никогда не будетъ плодомъ мудрости правительствъ сѣрыхъ массъ, хотя сознаніе необходимости въ нихъ растетъ и проявляется,—правда, пока лишь въ формѣ личныхъ, неорганизованныхъ попытокъ. Такіе крупные воротилы въ финансовомъ мірѣ, какъ Эндрю Карнеги и другіе американскіе богачи, обнаруживаютъ явное нерасположеніе основывать семьи праздныхъ акціонеровъ и сильную склонность обезпечивать будущность всѣхъ народовъ, говорящихъ по-англійски, посредствомъ основанія колледжей, библіотекъ и другихъ подобныхъ учреждений, щедро обезпеченныхъ. Правда, Карнеги не специалистъ въ школьномъ дѣлѣ, и добрыя намѣренія его широко эксплуатируются энергичными посредственностями, контролирующими у насъ дѣло народнаго образованія; но мы говоримъ здѣсь о намѣреніяхъ, а не о методахъ выполненія ихъ. Американскіе милліардеры, безспорно, приносятъ такими пожертвованіями огромную пользу и, несомнѣнно, многіе изъ ихъ преемниковъ—мы подразумѣваемъ не наслѣдниковъ ихъ частнаго богатства, а людей одного съ ними типа, которые наслѣдуютъ ихъ общественную роль,—будутъ продолжать ихъ дѣло

еще съ большею широтою взглядовъ и съ лучшимъ взаимнымъ пониманіемъ.

Но однѣхъ новѣйшихъ и лучшихъ школъ еще недостаточно для умственныхъ нуждъ будущаго. Школа и университетъ служатъ только подготовленіемъ къ живой умственной дѣятельности будущаго государства. Три университетскихъ года и цѣлая жизнь болтливаго застоя, составляющіе всю исторію умственнаго развитія новѣйшихъ учителей и большей части нынѣшняго духовенства, станутъ невозможными у людей ихъ профессіи въ будущемъ обществѣ. Старый университетъ, полагаясь на свое всевѣдѣніе, только учитъ; будущій университетъ, сознавая свою широкую функцію, будетъ анализировать и учиться. Онъ будетъ организованъ для изысканій, для анализа мысли и природы, поэтому важнѣйшая задача тѣхъ, кто уже предвидитъ новую республику и считаетъ себя ея подданнымъ, состоитъ въ поощреніи здоровой умственной дѣятельности, главнаго элемента человѣческой жизни. Какъ бы то ни было, несмотря на претензіи обманщиковъ, спекулирующихъ печатнымъ словомъ, современная литература есть душа цивилизованной жизни, и люди, искренно и честно трудящіеся на этомъ поприщѣ, составляютъ соль общественнаго организма. Пережевывать старое, жить классицизмомъ, какъ это ни прекрасно, но доказываетъ старческую слабость. Новая республика будетъ поддерживать своихъ писателей. Въ настоящее время писатель ограниченъ интересами своего патрона и руководитъ общественною мыслью—если только

руководить—изъ этой клѣтки. Онъ существуетъ въ предѣлахъ особенно неустойчиваго и дурно управляемаго рынка; онъ долженъ понравиться публикѣ и заинтересовать ее прежде, чѣмъ начать разсуждать съ нею; а иногда приходится угождать ей не однимъ писательствомъ, чтобы заставить ее внимать нашимъ словамъ. Быть хорошимъ писателемъ уже достаточный трудъ для человѣка, однако, если авторъ не дополняетъ своего литературнаго труда корреспонденціями или денежными спекуляціями, то онъ вскорѣ убѣждается, что одними литературными трудами нельзя спастись отъ бѣдности, какъ бы благосклонно ни относилась къ нимъ публика. Книгоиздательство стало дѣломъ торговымъ, разнящимся съ торговлей масломъ или свининой лишь въ томъ отношеніи, что издатель ведетъ свои счета халатнѣе и относится безразличнѣе къ качеству своего товара. А между тѣмъ, если авторъ этой книги не ошибается въ своихъ общихъ выводахъ, то печать такъ же близко—если еще не ближе—касается интересовъ публики, какъ и школа, и также мало способна отвѣчать этимъ интересамъ, находясь въ рукахъ людей, имѣющихъ въ виду только личную выгоду. Съ другой стороны, печать не можетъ достигнуть своей истинной цѣли и въ рукахъ правительства сѣрой массы, такъ какъ путаница не можетъ разобраться въ себѣ сама собою: это дѣло необходимо должна будетъ взять на себя новая республика.

Граждане ея будутъ людьми, способными относиться къ вещамъ съ разумной критикой и имѣ-

ющими мужество не скрывать своихъ выводовъ, каковы бы они ни были. Ради интересовъ англійскаго языка и говорящихъ на немъ народовъ, они позаботятся о томъ, чтобы всѣмъ читающимъ на этомъ языкѣ была въ изобиліи доступна живая литература. Они организуютъ большіе издательскіе трѣсты и ассоціаціи, которые будутъ имѣть такое отношеніе къ нынѣшнимъ издательскимъ фирмамъ, какое имѣютъ ассоціаціи врачей къ торговцамъ аптекарскими товарами. Эти новые трѣсты будутъ не только издавать, но и продавать; книжныя лавки, ихъ разумная система распредѣленія книгъ замѣнятъ нынѣшнее случайное отношеніе къ нимъ совершенно невѣжественныхъ людей, которые служатъ руководителями провинціальныхъ читателей. Если одна изъ будущихъ издательскихъ группъ рѣшитъ, что книга—новая или старая—заслуживаетъ вниманія читателей, то ассоціація обезпечитъ за собою право на изданіе ея и распространитъ ее по всему свѣту въ различномъ форматѣ и по разной цѣнѣ, какіе признаетъ полезными для быстрой распродажи книги. Мало того, тѣ же издательскія ассоціаціи будутъ поддерживать широко задуманные органы литературной критики и обмѣна мнѣній, которые зарекомендуютъ себя неукоснительною добросовѣстностью и серьезностью и тѣмъ пріобрѣтутъ вліяніе. И чѣмъ опредѣленнѣе будетъ сказываться духъ новой республики, тѣмъ менѣе будетъ опасности, что для этихъ ассоціацій явится возможность пережить свою живую дѣятельность и застыть въ сухомъ авторитетѣ. Какъ дѣти выучи-

ваются говорить, такъ будутъ возникать новыя издательскія ассоціаціи изъ группъ людей съ новыми точками зрѣнія ¹.

Пока развивается идея новой республики и зрѣетъ духъ ея, она будетъ постепенно вырастать изъ хаоса запутанныхъ дѣлъ, предпріятій и общественныхъ службъ настоящаго и матеріализироваться въ видимыя формы. Съ этой точки зрѣнія нельзя не придавать огромной важности происходящему въ настоящее время синтетическому процессу въ наиболѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, въ организаціи трестовъ, играющихъ теперь такую важную роль въ американской жизни. Первый импульсъ къ образованію

¹ Авторъ считаетъ одною изъ дурныхъ чертъ настоящей умственной атмосферы отсутствіе здоровой полемики. Прослѣдить за частной и тонкой полемикой и прійти къ опредѣленному выводу въ какомъ-нибудь сложномъ вопросѣ общественнаго интереса было бы лучшимъ умственнымъ упражненіемъ для читателей, безъ котораго едва ли кого можно назвать вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Въ настоящее время мы видимъ другое. Люди расходятся во мнѣніяхъ по всевозможнымъ вопросамъ, но противники не вступаютъ въ открытый споръ, не возражаютъ другъ другу прямо и обстоятельно, а стараются косвенно подорвать мнѣніе противника, *зартзатъ* его, поймавъ на какомъ-нибудь промахѣ, раздуть этотъ промахъ хотя бы въ сущности незначительный. Такъ было, напримѣръ, съ начала до конца во время разногласій по поводу англо-бурской войны. Авторъ предвидитъ, что и его настоящая книга вызоветъ много противорѣчій, и отъ души желаетъ, чтобы напелся рано или поздно такой издатель, который присоединилъ бы къ ней рядъ выносокъ или прибавленій съ возраженіями болѣе серьезныхъ антагонистовъ.

трестовъ, безъ сомнѣнія, дало просто желаніе контролировать конкуренцію и уменьшить расходы на рабочій трудъ; но въ первыхъ же своихъ стадіяхъ этотъ процессъ объединенія перешелъ изъ области торговыхъ операцій въ область общественныхъ дѣлъ. Тресты организуются между людьми гораздо болѣе способными, чѣмъ какіе бы то ни было чиновники, людьми всякаго рода промышленности, всякихъ сферъ общественной жизни, и стоятъ внѣ форменной системы демократическаго правительства. Весь аппаратъ путей сообщенія, который, какъ мы видѣли, имѣетъ такую первостепенную важность для будущаго, обѣщаетъ перейти, въ Соединенныхъ Штатахъ по крайней мѣрѣ, изъ области конкуренціи въ область разумнаго контроля. Тресты уже и теперь почти сознательно забираютъ въ свои руки наиболѣе жизненные отрасли національной промышленности. Желѣзнодорожная и стальная промышленность, соединенная въ рукахъ американскихъ трестовъ, приняли то развитіе, которое должно служить вступленіемъ къ владычеству на моряхъ, и эта цѣль явно входитъ въ операціи этихъ трестовъ. Такія предпріятія не могутъ быть дѣломъ глупцовъ, гонящихся только за дивидендами; они организуются людьми, для которыхъ богатство имѣетъ только условное значеніе, какъ средство къ достиженію широкихъ матеріальныхъ цѣлей. Въ Лосъ-Анджелосѣ выходитъ маленькая, очень живая газетка, органъ м-ра Уильшира, во главѣ которой стоятъ слова: „Пусть трестами владѣетъ нація!“ Подъ покровомъ собственности тресты постоянно

разрастаются въ болѣе совершенные и дѣятельные органы производительности и общественной пользы, тогда какъ собственно нація занимается пустяками и читаетъ иллюстрированныя газеты. Признаюсь, мнѣ не вѣрится, чтобы негры, ирландскіе бѣдняки и европейскіе отбросы, образующіе главную массу населенія американской „пропасти“, соединившись въ великую партію, о которой мечтаетъ Уильширъ, могли, съ помощью демонстрацій и вотумовъ, отобрать литейные заводы, электрическія и желѣзнодорожныя станціи и телеграфы отъ болѣе способныхъ людей, въ рукахъ которыхъ они находятся. Я считаю гораздо болѣе вѣроятнымъ, что сліяніе трестовъ и университетовъ и преобразованные арміи и флоты, сознавъ существенное единство своихъ цѣлей, создадутъ новую литературу и начнутъ дѣйствовать какъ государство...

Мнѣ представляется новая республика въ своей болѣе развитой фазѣ какъ нѣчто въ родѣ явнаго „тайнаго общества“, съ которымъ могутъ находиться въ открытой связи даже выдающіеся люди формально существующаго государства.

Такимъ или подобнымъ образомъ разовьется самосознаніе въ новѣйшемъ классѣ трудоспособныхъ людей и начнетъ обнаруживаться въ интересахъ и стремленіяхъ, въ настоящее время разнородныхъ и различныхъ, но которые будутъ потомъ согласовываться и сливаться. Возможно, что идея синтетическаго преобразованія въ организмахъ государствъ, говорящихъ по-англійски, облечется въ другую форму, а не въ ту, которую

я называю новой республикой; но какъ бы то ни было, а нужда въ преобразованіи ощущается, социальные элементы будущаго уже развиваются среди насъ; дѣла складываются такимъ образомъ, что нужны только руки, которыя взяли бы направлять ихъ, и я полагаю, что идея широкаго общаго дѣла не замедлитъ явиться умамъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и люди, не видящіе теперь передъ собою цѣли,—люди, безнадежно взирающіе на распаденіе стараго либерализма,—прямо скажутъ себѣ и другъ другу, что они присоединяются къ новому общественному идеалу. Они будутъ работать въ школахъ и газетахъ, на литейныхъ заводахъ или фабрикахъ, въ колледжахъ и лабораторіяхъ, въ провинціальныхъ и школьныхъ совѣтахъ, быть можетъ, даже проповѣдывать съ церковныхъ кафедръ, прокладывая дорогу новой республикѣ. Заря ея займется и въ юридическихъ школахъ, гдѣ юриспруденція будетъ толковаться съ новой, научной точки зрѣнія. Когда эта идея овладѣетъ классомъ милліонеровъ, пишущихъ свои духовныя завѣщанія, число новыхъ богачей, быть можетъ, уменьшится, но зато увеличится число университетскихъ кафедръ...

Такимъ образомъ будутъ, какъ мнѣ кажется, образовываться элементы новой республики, набираясь изо-всѣхъ классовъ, изъ акціонеровъ, изъ паразитствующихъ спекулянтовъ, изъ бѣдствующихъ сонмищъ пропасти, и сливаясь въ одну общую массу. Они будутъ всѣми способами вліять на форменный правительственный механизмъ и контролировать его; будутъ урѣзывать безотвѣт-

ственную собственность, обуздывать спекулянтовъ, контролировать паденіе въ пропасть; но косвеннымъ контролемъ, этой своего рода фикціей, новая республика не можетъ ограничиться уже по самому характеру своихъ основныхъ идей. Придетъ пора среди мира или среди бѣдствій войны,—когда новая республика окажется готовой вступить въ жизнь; когда теорія будетъ выработана, подробности ея всѣми признаны и новый порядокъ созрѣвшимъ. Тогда онъ и наступитъ. Останется ли еще настолько жизненной силы въ старомъ, чтобы помѣшать этому?

IX.

ВѢРА, МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА НОВОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Если наша идея новой республики, долженствующей сдѣлаться въ послѣдствіи всемірнымъ государствомъ рациональныхъ, трудоспособныхъ людей и развивающейся среди полинялыхъ красокъ и стершихся контуровъ современныхъ націй и учрежденій,—если эта идея не праздная мечта и въ будущемъ осуществима, то не безинтересно составить себѣ нѣкоторое теоретическое понятіе объ общемъ характерѣ и отчасти о подробностяхъ будущихъ господствующихъ убѣжденій въ новой республикѣ, когда она оформится и эти убѣжденія опредѣлятся. Предположивъ, какъ мы это сдѣлали, что она еще до конца текущаго столѣтія будетъ сознательно и свободно контролировать общія человѣческія дѣла, надо признать, что общими принципами и мнѣніями ея необходимо должно опредѣлиться и дальнѣйшее будущее, къ которому настоящій вѣкъ послужить только вступительной фазой. Существуетъ много процессовъ, много сторонъ вещей, которые въ наше время считаются законами природы, не подлежащими человѣческому контролю, или контролируются безсмысленно и суевѣрно, но которые, при новой республикѣ, будутъ

окончательно взяты въ свои руки свѣдущими людьми какъ часть общечеловѣческаго дѣла, подобно тому, какъ съ начала XIX вѣка взять въ свои руки правительствами контроль надъ распространѣніемъ эпидемій. Есть и въ частности нѣкоторые широкіе вопросы, которымъ до сихъ поръ я умышленно придавалъ слишкомъ мало значенія.

Пока новая республика собирается съ силами и приходитъ къ самосознанію, элементъ, который я называю „населеніемъ пропасти“, будетъ продолжать идти къ своей судьбѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій эволюція его будетъ наводиться если не всецѣло, то въ огромной степени внѣ человѣческаго контроля. Къ возрастающей массѣ отбросовъ бѣлой и желтой цивилизацій присоединятся въ громадной пропорціи черная и коричневая расы и все это сонмище людей задастъ обществу вопросъ: „Что вы будете дѣлать съ нами, сотнями милліоновъ, неспособныхъ угоняться за вами?“ Если новая республика когда-нибудь возникнетъ, то она должна будетъ рѣшить эту задачу, устранить этого сфинкса, стоящаго на ея пути. Но этого мало: неизбѣжное послѣдствіе реакціи безотвѣтственнаго богатства на слабую человѣческую волю, распространяющаяся нравственная зараза азартной игры, связанная съ безотвѣтственнымъ богатствомъ, будутъ продолжать свое губительное дѣйствіе, пока на свѣтѣ существуютъ незаработанные доходы, и новой республикѣ придется считаться и съ этимъ зломъ. Я говорилъ въ предшествовавшей главѣ, что, по мѣрѣ

того, какъ будетъ развиваться самосознаніе и вліяніе ея лучшихъ гражданъ, она будетъ обуздывать и контролировать эти вредныя общественныя явленія, но остается еще опредѣлить тѣ широкія начала, на которыхъ будетъ основанъ этотъ контроль, и характеръ методовъ, которые будутъ примѣняться. Чтобы опредѣлить ихъ путемъ дедукціи, необходимо предположить начала, на которыхъ будетъ основано міросозерцаніе людей господствующаго класса въ новое время,—ихъ основныя религіозныя и нравственныя идеи.

Они неизбѣжно будутъ людьми религіозными.

Какъ люди самостоятельныя, какими они будутъ по самой природѣ вещей, сдѣлавшей ихъ людьми отборными, съ твердой волей и сознательными цѣлями, они будутъ доискиваться въ обществѣ характеръ вещей причинности и найдутъ источникъ ея. Вселенная есть или одно систематически составленное цѣлое, сдерживаемое въ своей цѣльности какимъ-нибудь вездѣсущимъ качествомъ, или же случайное скопленіе безъ всякаго внутренняго единства, кромѣ единства личности, которая видитъ ее. Вся наука и большая часть новѣйшихъ религіозныхъ системъ предполагаютъ первое, а это для человѣка, не прибѣгающаго къ софизмамъ, значитъ вѣрить въ Бога. Я полагаю, впрочемъ, что выдающіеся люди будущаго, формулировавъ такимъ образомъ свои основныя вѣрованія, не станутъ претендовать на возможность познания истиннаго естества Бога. Никакихъ положительныхъ

опредѣленій на этотъ счетъ у нихъ не можетъ быть. Для душъ ихъ будетъ служить достаточнымъ откровеніемъ все то, что они видятъ вокругъ себя и въ себѣ, и, положившись на это откровеніе, они будутъ ревностно и мужественно искать его значеніе около себя. Самое существенное въ человѣкѣ—это его воля; онъ живетъ сознательно только для того, чтобы дѣйствовать; главный интересъ въ его жизни заключается въ выборѣ между альтернативами, а такъ какъ всѣ его движенія, всѣ его дѣйствія и послѣдствія ихъ проходятъ въ пространствѣ и времени, то и пониманіе имъ своего назначенія ограничено пространствомъ и временемъ. Онъ можетъ понимать Бога только какъ всепроникающую цѣль, частью которой является и его личная свобода воли, но въ то же время онъ можетъ понимать, что цѣль, заключенная во времени и пространствѣ,—не Богъ, какъ не человѣкъ—голосъ, слышимый изъ непроницаемой мглы. Для активно существующаго человѣка вѣра въ Бога, олицетвореннаго въ цѣли, неизбежна, и для просвѣщеннаго ума всякое представленіе о Богѣ, кромѣ какъ о всенаполняющей, не вполне постижимой цѣли, въ предѣлахъ которой проявляется наша индивидуальная воля, было бы непонятно. Природа человѣка и существующій порядокъ вещей дѣлаютъ только то, что реальный міръ, доступный нашему опыту и нашей волѣ, кажется намъ не только прогрессивнымъ существованіемъ въ пространствѣ и времени, но и планомъ добра и зла. Свобода выбора, антагонизмъ между добромъ и зломъ, какъ и формулированіе

вещей во времени и пространствѣ,—не болѣе какъ ограничительныя условія человѣческаго естества; въ идеѣ Бога, какъ мы понимаемъ Его при свѣтѣ вѣры, антагонизмъ исчезаетъ. Богъ не моралистъ и не сторонникъ той или другой партіи; Онъ все обнимаетъ собою и не можетъ быть объятъ, и мы имѣемъ дѣло лишь съ той частью Его цѣлей, которая сосредоточивается около нашей личной воли.

Такъ или въ подобныхъ терминахъ люди новой республики будутъ, какъ я полагаю, формулировать свои отношенія къ Богу. Они будутъ жить, чтобы служить Его цѣлямъ безъ самонадѣянности и безъ страха. При такомъ широкомъ понятіи о вѣрѣ идея гнѣвнаго и мстительнаго божества была бы смѣшна и невѣроятна...

Люди новой республики будутъ понимать и вѣрить, что въ мірѣ, доступномъ человѣческому опыту, существуетъ свобода воли и что самое условіе существованія для человѣка состоитъ въ постоянномъ выборѣ между альтернативами, и въ умѣ его происходитъ постоянный конфликтъ между мотивами различной нравственной цѣнности. Но тотъ конфликтъ между предопредѣленіемъ и свободой воли, который такъ смущаетъ недисциплинированныя умы, для новыхъ людей не будетъ существовать, такъ какъ имъ будетъ извѣстно, что въ реальномъ мірѣ чувственного опыта воля такъ же свободна, какъ зелена свѣжая трава, какъ твердо дерево, холоденъ ледъ, болѣзненна зубная боль. Въ абстрактномъ же мірѣ умозрительной науки нѣтъ ни зеленаго, ни другихъ цвѣтовъ, а есть

только вибраціи опредѣленной длины; нѣтъ твердости, а есть извѣстная реакція молекулъ; нѣтъ ни холода, ни боли, а есть молекулярныя явленія въ нервахъ, невѣрно понимаемая сознаниемъ. Кроме того, въ абстрактномъ мірѣ умозрительной науки существуетъ строгая и неизбѣжная послѣдовательность между причиной и дѣйствіемъ; каждое дѣйствіе человѣка можетъ быть предсказано во всѣхъ подробностяхъ, если только мы хорошо знаемъ дѣйствующую личность и всѣ обстоятельства ея жизни. Въ абстрактномъ мірѣ умозрительной науки всѣ вещи существуютъ потенціально до послѣдней минуты безконечныхъ временъ. Но въ этомъ абстрактномъ мірѣ атомовъ и вибрацій, въ этомъ строго предначертанномъ планѣ вещей въ пространствѣ и времени, человѣческой воли не существуетъ. Она можетъ быть только въ матеріальномъ мірѣ мужчинъ и женщинъ, зеленой травы и подстрекающихъ вождельнѣй, гдѣ выборъ нерѣдко такъ широкъ и ясенъ между желаемымъ и болѣе правильнымъ и широкимъ, но отдаленнымъ. Въ этотъ мірѣ чувствъ и обыденной жизни люди будутъ вѣрить съ полнымъ убѣжденіемъ въ существованіе свободной воли и личной нравственной отвѣтственности передъ той неясно видимой цѣлью, которая служитъ достаточнымъ откровеніемъ Бога людямъ, поскольку это возможно на землѣ...

Понятіемъ, которое составляютъ себѣ люди объ этой цѣли, опредѣлится и этическое міровоззрѣніе ихъ. Слѣдовательно, если мы дѣйствительно вѣруемъ въ Бога, то чѣмъ ревностнѣе и успѣшнѣе

изучаемъ мы самихъ себя и Его творенія, чтобы понять порядокъ и прогрессъ вещей, тѣмъ яснѣе прозрѣваемъ мы въ Его цѣли и тѣмъ прочнѣе и систематичнѣе складывается наша этическая основа.

Если даже мы, подобно Гэксли, положительнымъ образомъ не вѣримъ въ Бога, то придерживаемся иногда извѣстной этической системы, сдѣлавшейся органическою частью нашей жизни и нашихъ привычекъ; и тогда, если мы находимъ, что она противорѣчитъ ходу вещей, мы говоримъ, что въ мірѣ нѣтъ этического порядка. Но для всякаго, чей умъ проникнуть вѣрой въ Бога, неэтическая вселенная, состоящая въ противорѣчій съ непонятно-этической душою агностика, такъ же невѣроятна, какъ матеріально-активный чортъ съ рогами, копытами, хвостомъ и когтями. Вѣровать въ Бога значитъ вѣрить въ конечную правильность всего существующаго. Этическая система, осуждающая процессы жизни какъ неправильные, или указывающая на процессы смерти какъ на правильные,—система, поддерживающая то, что осуждается общимъ планомъ вещей, и осуждающая проявляющуюся въ немъ общую цѣль, какою она открылась теперь для насъ—такая система должна приготовиться послѣдовать за теологическимъ зданіемъ, на которомъ она была первоначально основана. Если вселенная кажется намъ неэтической, то мы должны подвергнуть пересмотру наши понятія объ этикѣ и исправить ихъ, чего бы ни стоило это нашимъ традиціямъ, привычкамъ и чувствамъ; колебаться—значитъ быть нетвердымъ въ вѣрѣ.

Въ исторіи умственной жизни человѣчества настоящее время существенно составляетъ вступительную фазу въ періодъ этического преобразованія. Новая республика пожнетъ его зрѣлые плоды. Девятнадцатый вѣкъ прошелъ въ такихъ потрясеніяхъ основныхъ идей и перечеркиваніяхъ вступленій къ этическимъ задачамъ, какихъ еще не знавалъ до сихъ поръ міръ. Эта логика и выдерживаніе съ корнемъ почти всѣхъ главныхъ посылокъ, на которыхъ покоились умы XVIII вѣка, составляетъ процессъ, хотя и независимый отъ развитія механики, на послѣдствія котораго мы выше указали, но сродный съ нимъ. Это часть того процесса анализа и смѣлой критики, который составляетъ самую суть науки; широкое развитіе механики и весь физическій и соціальный переворотъ, который мы выше описали, суть только побочные матеріальные продукты этого процесса. Въ настоящее время онъ является, съ моральной и этической стороны, процессомъ разрушенія: каждый видитъ, какъ летятъ щепки, но у кого хватитъ вѣры и терпѣнія, тотъ увидитъ и будущее зданіе, такъ какъ въ сущности это разрушеніе есть только разбиваніе мрамора скульпторомъ.

Первая глава исторіи этого умственного развитія, когда оно опредѣлилось и оформилось, совпала съ наступленіемъ XIX вѣка и съ выходомъ въ свѣтъ книги Мальтуса „Опыты о народонаселеніи“. Мальтусъ представляетъ собою одну изъ тѣхъ выдающихся личностей въ исторіи умственного развитія, устанавливавшихъ навсегда какой-нибудь фактъ, который, разъ, что его формулировали, ка-

зался очевиднымъ, тогда какъ раньше его никто не хотѣлъ признавать. Мальтусъ внесъ въ сферу обсужденія жизненно важный вопросъ, который до тѣхъ поръ постоянно отклонялся и оставался подъ запретомъ: онъ установилъ тотъ основной фактъ, что вся человѣческая дѣятельность вертится около вопроса о воспроизведеніи рода. Онъ ясно, строго, цѣломудренно и неотразимо формулировалъ аргументъ, который послѣ него *открылъ* и провозгласилъ Шопенгауеръ въ выраженіяхъ, отчасти неудобныхъ для перевода на англійскій языкъ. Установивъ свое положеніе, Мальтусъ предоставилъ другимъ дѣлать изъ него выводы.

Едва ли когда была или будетъ написана книга, сильнѣе поколебавшая установленныя понятія, чѣмъ эти „Опыты о народонаселеніи“. Авторъ мѣтитъ въ либерализмъ деистовъ и атеистовъ XVIII вѣка. Онъ доказываетъ какъ дважды два, что всякія формы общественнаго переустройства, всякія мечты о золотомъ вѣкѣ на землѣ останутся праздными, пока человѣчество не взглянетъ смѣло въ глаза роковому вопросу о размноженіи народонаселенія. Авторъ не предлагаетъ никакихъ мѣръ къ разрѣшенію этого вопроса (вопреки предубѣжденію, связанному съ его именемъ), а просто доказываетъ несбыточность раціоналистическихъ утопій своего времени, да, по предвидѣнію, и всѣхъ коммунистическихъ и социалистическихъ теорій и гаданій о земномъ раѣ, которыми такъ изобиловали послѣдующіе годы. Таковы были его цѣль и ея непосредственные результаты. Для идеалистическихъ душъ чтеніе этой книги составляетъ пытку. Но еще

сильнѣе было ея косвенное вліяніе. Цѣлясь въ неправовѣрныхъ мечтателей, она привела въ движеніе такія силы, которыя въ корнѣ подорвали принципы правовѣрной добродѣтели въ западномъ мірѣ. Совпавъ съ геологическими открытіями, она почти одновременно пробудила въ умахъ Дарвина и Уоллеса то направленіе мысли, которое выразилось, а потомъ демонстрировалось въ теоріи естественнаго отбора. И чѣмъ болѣе прививалась къ умамъ эта теорія, тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе разбивала она вѣру въ равенство людей, присущую всѣмъ либеральнымъ движеніямъ. Вмѣсто равенства по существу, нарушаемаго только традиціями и образованіемъ, равенства, которому такъ же мало вредятъ различія цвѣта кожи, какъ шахматнымъ пѣшкамъ ихъ черный или бѣлый цвѣтъ, люди открыли, что каждый человѣкъ индивидуаленъ и единственъ въ своемъ родѣ; каждый выше или ниже другихъ во множествѣ различныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что цѣлыя массы населенія имѣютъ болѣе или менѣе шансовъ въ будущемъ, чѣмъ другія массы; что не каждому народу можно предоставить такія права и власть, какія можно ввѣрить народамъ болѣе развитымъ; что свойственныя первымъ слабости бываютъ разительны, разрушаютъ цивилизующіе элементы, деморализуютъ сильныя единицы въ своей средѣ. Признать за ними равноправіе—значить спуститься до ихъ уровня; покровительствовать имъ и оберегать ихъ—значить увязнуть въ ихъ плодовитости. Оптимистическій, довѣрчивый радикализмъ первой половины XIX вѣка и гуманитарно-филантропиче-

скій либерализмъ безнадежно увязли въ осуществленіи своихъ идей. Соціализмъ уклонился отъ нихъ, какъ уклонился и отъ мальтузіанства. Либерализмъ—ученіе прошлаго; теперь это даже не ученіе, а фикція. Человѣчеству нужны новыя идеи.

Широкія перспективы, открытыя геологіей и астрономіей, заставили мыслящихъ людей глядѣть не въ прошлое, а въ будущее; такой поворотъ замѣчается, по крайней мѣрѣ, въ умственныхъ вопросахъ, если не въ вопросахъ этики и пракческаго поведенія. Въ прошломъ мысль была легальна въ своемъ духѣ; она выводила настоящее изъ предначертаній прошлаго, производила все отъ ошибокъ и обѣщаній минувшаго, идея вселенной какъ мѣста искупленія была вполне естественной теоріей при такомъ процессѣ мышленія. Въ сущности старые теологи видѣли въ мірозданіи не болѣе, какъ возмездіе, непостижимое безсиліе Божества, раздраженнаго неудовлетворительностью своего дѣла, и эту мысль особенно подчеркивало въ своихъ комментаріяхъ меньшинство, поставленное въ благопріятныя условія. Новѣйшая же мысль слишкомъ изобрѣтательна и созидательна, чтобы допускать такую концепцію; въ открывшемся намъ широкомъ прошломъ она не усматриваетъ ни наказанія, ни обѣщаній, ничего кромѣ широкаго плана событій, которыя слѣдуютъ одни за другими, всегда нося въ себѣ задатки конечной цѣли, непреодолимой и непостижимой для большинства человѣческихъ умовъ; событій, таящихъ въ себѣ необходимое качество планомѣрности, такое, какое чувствуется въ великомъ музыкаль-

номъ произведеніи, въ симфоніи Бетховена, напри-мѣръ. Мы видимъ будущее за будущимъ и прош-лое за прошлымъ. Вначалѣ какъ бы заря, без-цвѣтная, блѣдная, обширная, передъ которою клу-бится туманъ; когда онъ разсѣивается, намъ от-крывается не узкая дорога съ видимымъ концомъ ея, какъ мы ожидали, а каменистая, неопредѣлен-ная тропа, по которой мы поднимаемся въ безгра-ничныхъ пространствахъ и времени. На зарѣ холод-но; временами чувствуется даже что-то въ родѣ ужаса среди холодныхъ утреннихъ сумерекъ; но постепенно холодъ смѣняется тепломъ, небо заго-рается, и вотъ изъ свѣтлой полосы на востокъ по-лились жаркіе солнечные лучи... Люди новой рес-публики пойдутъ дорогой, окрестъ которой всѣ предметы явятся ихъ глазамъ въ дневномъ освѣ-щеніи.

При такомъ освѣщеніи дѣломъ людей будетъ не придумываніе системы наказаній за грѣхи по-койниковъ, а сознательное участіе въ великомъ развитіи, заря котораго занялась надъ человѣче-ствомъ. Неразрѣшимыя задачи страданій и смерти, какъ ни страшны онѣ своею таинственностью, зай-мутъ опредѣленное мѣсто въ гигантскомъ планѣ эволюціи. Всѣ предметы занимаютъ свое мѣсто въ этомъ планѣ: убитый созидаетъ тѣло убійцы; волкъ учить лошадь быстрому бѣгу; тигръ воспитываетъ въ человѣкѣ осторожность и мужество. Всѣ вещи суть части цѣлаго, но только человѣку дано быть со-знательной частью, принимать участіе въ процес-сахъ цѣлаго, имѣть желанія, отражающія общія желанія, какъ песчинки отражаютъ блескъ солнца.

Многимъ не суждено понять это, многіе глупо проживуть свою жизнь, глупо будутъ играть религіей и всѣмъ, что есть важнѣйшаго въ жизни, и умрутъ, какъ умираютъ животныя, испытавъ только чувственныя ощущенія. Но тѣ, кому по уму и характеру предопредѣлено участвовать въ реальныхъ процессахъ жизни,—тѣ безстрашно преобразуютъ всѣ свои этическія воззрѣнія и общественную политику, руководясь смѣлымъ самоанализомъ и тою очевидною цѣлью, которая откроется имъ.

Въ настоящее время многіе громко требуютъ вѣры и въ этихъ крикахъ часто слышится искренняя нота. Но чаще всего эти крики исходятъ отъ людей праздныхъ и поэтому несчастныхъ и эгоистически ненасытныхъ. Впрочемъ, часто къ нимъ присоединяются и голоса людей дѣятельныхъ и серьезныхъ, умы которыхъ смущаетъ противорѣчіе выводовъ индуктивной науки съ понятіями о добрѣ и злѣ, выведенными изъ ложныхъ основныхъ принциповъ, не подвергнутыхъ критикѣ. Старые этическіе принципы—принципъ эквивалентности или справедливости, принципъ самоотверженія, смутныя произвольныя идеи о чистотѣ, цѣломудріи, половомъ „грѣхѣ“ свѣтятъ какъ лучи теологическихъ и философскихъ фонарей, носимыхъ людьми въ темнотѣ. Прохожіе идутъ въ направленіи, освѣщенномъ фонарями, какъ по проложенной дорогѣ. Но вотъ теперь открылась новая перспектива на мѣсто человѣка во времени и пространствѣ и новое освѣщеніе—заря. Фонари меркнутъ съ наступленіемъ дня; свѣтъ ихъ, казавшійся въ темнотѣ такимъ яркимъ, сталъ тусклымъ.

Многіе, однако, думаютъ, что это просто оттого, что фонари испортились и надо ихъ исправить или замѣнить новыми. Такіе люди даже осуждаютъ день за его яркій свѣтъ. Иные идутъ стороною, ищутъ темныхъ угловъ, гдѣ бы фонарь ихъ хотя слабо свѣтилъ. Однако новый свѣтъ принесъ новые методы; времена фонарей, времена дедукцій изъ произвольныхъ основныхъ принциповъ миновали. Актомъ вѣры будетъ теперь потушить свой фонарь, а не слѣдовать за его лучомъ. Намъ видно теперь все около насъ и вся окрестность.

Какую же форму приметъ окружающій ландшафтъ для выдающихся людей новаго времени и по отношенію къ нимъ самимъ? Чью волю и цѣль эти люди признаютъ выше ихъ собственной воли и цѣли и заключающими въ себѣ эти послѣднія? Вотъ какъ мы можемъ отвѣтить на это: я полагаю, что эти люди будутъ вѣрить какъ Шопенгауеръ и какъ всѣ, кто основывается на Мальтусѣ и Дарвинѣ, что въ общій планъ человѣческой жизни входитъ борьба существъ за полное развитіе всѣхъ своихъ способностей и за размноженіе рода. Но какъ люди дѣла, они не будутъ чувствовать въ этомъ призваніи ничего несчастнаго и роковаго, что приписываетъ ему извращенный въ половомъ отношеніи акціонеръ Шопенгауеръ. Конечнаго объекта борьбы за существованіе эти люди не будутъ понимать; они откажутся отъ изысканій конца концовъ и будутъ видѣть въ планѣ борьбы за существованіе свою ближайшую цѣль, достаточно широкую и отдаленную, чтобы обнимать и объяснять всякаго рода дѣятельность. Они

будутъ доискиваться цѣлей Бога въ сферѣ своей дѣятельности и не будутъ желать ничего болѣе, какъ солдатъ на полѣ сраженія не желаетъ ничего, кромѣ какъ сразиться и одолѣть врага. Они будутъ допускать неудачу какъ личную случайность, точно такъ же, какъ и солдатъ, стремясь къ побѣдѣ, допускаетъ возможность быть убитымъ. Но чего не будутъ допускать люди будущего въ своей вѣрѣ въ Бога—такъ это, что чья-нибудь жизнь, хотя бы совершенно незамѣтная, была ненужна и напрасна; тѣмъ или другимъ способомъ она реагируетъ на жизнь другихъ людей, и въ этомъ ея смыслъ и оправданіе. Въ новыхъ людяхъ—нужно понимать, что я говорю о классѣ людей, естественно скопившихся въ группу, а не обо всемъ человѣчествѣ — будетъ сказываться страстное желаніе созидать и организовать, приводить въ порядокъ, извлекать максимумъ результатовъ изъ извѣстныхъ возможностей. Всѣ они будутъ художниками - реалистами, со страстью къ простотѣ и непосредственности, съ отвращеніемъ къ неопредѣленности и безталанности. Рамкой ихъ этическихъ стремленій, широкимъ планомъ, къ которому они будутъ пригонять планы своей личной воли, будетъ выработка будущего всемірнаго государства, къ которому идетъ все на землѣ. Они не будутъ представлять его себѣ золотымъ вѣкомъ, земнымъ раемъ, застывшимъ въ блаженномъ состояніи, напротивъ того, всемірное государство будетъ поприщемъ широкой дѣятельности людей, полныхъ энергіи и знанія, свободныхъ, избавленныхъ отъ многихъ низостей и стѣсненій,

ненужныхъ страданій и позорныхъ дѣлъ, неизбѣжныхъ при настоящемъ неустройствѣ, но все же людей;—людей, борющихся противъ ограниченій, хотя и расширенныхъ, но все еще слишкомъ тѣсныхъ, за болѣе широкія цѣли, чѣмъ мы могли показать въ нарисованной нами перспективѣ. Къ этой общей цѣли, къ которой будетъ вести специальное дѣло каждого, будутъ пригнаны всѣ ихъ личные планы и правила жизни.

Ясно, что этическая система, преобразованная въ свѣтѣ новѣйшей науки и въ тѣхъ видахъ, чтобы она отвѣчала нуждамъ темпераментовъ и характеровъ, сгруппировавшихся и развившихся подъ вліяніемъ прогресса механики, будетъ давать совѣмъ другую оцѣнку почти всѣмъ главнымъ вопросамъ нравственности, чѣмъ какую даютъ настоящія системы (если только ихъ можно назвать системами). Научный анализъ очень ясно показываетъ, что существенныхъ фактовъ въ жизни два: рожденіе и смерть. Вся жизнь состоитъ изъ усилій рожденнаго существа, движимаго страхомъ, руководимаго инстинктами и желаніями, избѣжать смерти, хотя бы только частной: увѣчья, ограниченія способности владѣть всѣми своими органами чувствъ, дать жизнь другому существу. Рожденіе другого существа есть торжество надъ смертью; для человѣка же, соединяющаго съ тѣломъ умъ, торжество заключается не только въ рожденіи ребенка, но и въ пропагандѣ своихъ идей, въ выраженіи его духа во всемъ, что онъ сдѣлалъ и совершилъ. Этическая система людей въ міровомъ государствѣ будетъ прежде всего способствовать

воспроизведенію всего, что есть хорошаго, талантливаго и прекраснаго въ челоуѣчествѣ: красиваго и сильнаго тѣла, свѣтлаго и мощнаго ума, растущаго запаса знаній, и ограничивать воспроизведеніе типовъ низкихъ и рабскихъ, душъ робкихъ и трусливыхъ, всего дурнаго, безобразнаго и животнаго въ душѣ, тѣлѣ и привычкахъ челоуѣка. Дѣлая послѣднее, будутъ дѣлать и первое; эти двѣ вещи нераздѣльны. Методъ же, которому слѣдовала природа при образованіи міра, который препятствуетъ людямъ слабымъ производить такихъ же слабыхъ людей и предохраняетъ трусовъ и слабоумныхъ отъ исполненія ихъ желаній; методъ, представляющій только одинъ исходъ и все-таки призываемый въ иныхъ случаяхъ челоуѣкомъ къ себѣ на помощь, этотъ методъ—смерть. Съ новой точки зрѣнія смерть не внушаетъ непонятнаго ужаса и не кажется безцѣльнымъ, страшнымъ заключеніемъ житейскихъ невзгодъ; это конецъ всѣхъ страданій, всей горечи неудачъ; это милосердная поправка всего дряннаго, глупаго и безполезнаго...

По новой этикѣ жизнь есть привилегія и отвѣтственность, а не родъ ночлежнаго пріюта для ничтожествъ, пришедшихъ изъ пустого пространства. По-настоящему, челоуѣку не должно быть другого выбора, кромѣ полной, прекрасной и полезной жизни или смерти. Люди новой республики не будутъ питать большой жалости и снисхожденія къ сонмищу глупыхъ, презрѣнныхъ созданій, трусливыхъ, безпомощныхъ и бесполезныхъ, несчастныхъ или гнусно счастливыхъ въ омутѣ гряз-

наго порока; созданій слабыхъ, безобразныхъ, рожденныхъ отъ необузданной похоти и плодящихся по невоздержанію и тупости. Стараться сдѣлать жизнь возможной для приплода такихъ людей будетъ въ глазахъ новаго общества не добрымъ и полезнымъ дѣломъ, какъ теперь думаютъ, а прямо возмутительнымъ. Дѣтороженіе—дѣло избѣжимое для здороваго человѣка даже съ самыми сильными страстями, и граждане новой республики будутъ смотрѣть на воспроизведеніе рода такими людьми, дѣти которыхъ *неизбѣжно* обречены быть больными или слабоумными,—въ будущемъ медицина, вѣроятно, будетъ въ состояніи опредѣлять такіе случаи,—какъ на самый страшный грѣхъ, какой можно себѣ представить. Общество будетъ допускать въ своей средѣ существованіе небольшой части населенія, страдающей болѣзнями, несомнѣнно отражающимися на потомствѣ, какъ умственное разстройство, неизлѣчимая страсть къ опьяняющимъ веществамъ, только изъ жалости и подъ условіемъ, что эти люди не будутъ плодить дѣтей; но если этимъ снисхожденіемъ будутъ злоупотреблять, то едва ли новое общество остановится передъ истребленіемъ такихъ элементовъ. Я полагаю, что и доказанная болѣзнь какого-нибудь важнаго преступника будетъ признаваться не правомъ на помилованіе, а дополнительнымъ поводомъ къ казни. При тѣхъ принципахъ, какими будетъ руководствоваться новое общество, едва ли вѣроятно, чтобы оно поступало иначе.

Люди новой формаціи будутъ безстрашно смотрѣть въ лицо смерти какъ собственной, такъ и

другого человѣка, потому что они будутъ полнѣе понимать жизнь во всей ея разносторонности, чѣмъ мы понимаемъ ее. Какъ и вообще люди, стоящіе выше толпы по умственному развитію, они будутъ видѣть въ очень продолжительномъ заключеніи наказаніе несравненно болѣе тяжкое, нежели смерть; наказаніе, которое къ ужасу смерти прибавляетъ необходимость влечить несчастную жизнь. Поэтому, когда общій итогъ дѣятельности преступника, — а не только одинъ какой-нибудь случайный или импульсивный поступокъ его, — будетъ служить доказательствомъ, что онъ не можетъ жить на свободѣ, то его, послѣ тщательнаго испытанія, осудятъ и устранятъ изъ жизни. Всѣ такія убійства будутъ совершаться съ помощью опія, такъ какъ смерть слишкомъ серьезная вещь, чтобы смотрѣть на нее какъ на устрашающее средство и дѣлать ее съ этой цѣлью болѣзненной и ужасной. Если въ кодексъ будущаго еще найдутъ себѣ мѣсто устрашающія наказанія, то преступника будутъ не убивать, не калѣчить физически, не губить его жизнь заключеніемъ, а только примѣнять къ нему хорошее научное средство, причиняющее боль, но оставляющее слѣды только въ памяти. Впрочемъ, и одно воспоминаніе о страшной боли есть уже своего рода калѣченіе души. Идея, что можно допустить жить только тѣхъ, кто можетъ жить на свободѣ въ благоустроенномъ всемірномъ государствѣ, совершенно исключаетъ надобность въ устрашающихъ наказаніяхъ. Быть-можетъ, за насилія надъ дѣтьми или женщинами, или за другіе особенно гнусные и

подлые поступки, будущее общество найдетъ полезнымъ наказаніе болью, по крайней мѣрѣ, въ переходные годы, пока человѣкъ-животное еще находится на свободѣ. Но такъ какъ большая часть подобныхъ актовъ совершается при условіяхъ, не свидѣтельствующихъ о мучительномъ или изступленномъ состояніи преступника, то они указываютъ на коренную порочность его, а въ этихъ случаяхъ люди новой республики будутъ болѣе склонны убивать, чѣмъ мучить. Имъ придется взглянуть на этотъ вопросъ еще и съ другой стороны. Сознательное причиненіе боли *ради боли* противорѣчитъ лучшей сторонѣ человѣческой натуры, и брать на себя эту деморализующую обязанность опасно для всякаго. Убивать же при подобныхъ условіяхъ, пользуясь средствами, которыя доставляетъ наука, гораздо менѣе предосудительно. Будущіе правители едва ли захотятъ дѣлать изъ порядочныхъ людей тюремщиковъ, сторожей, палачей, сидѣлокъ и надзирателей въ тюрьмахъ. Если человѣкъ не можетъ жить счастливо и на свободѣ, не портя жизни другихъ людей, то лучше и не жить ему. Это и теперь всѣми чувствуется, а у гражданъ новой республики хватитъ мужества заявлять свои мнѣнія.

Тотъ типъ людей, который я представляю себѣ въ будущемъ, будетъ поступать просто и логически, не только въ вопросѣ о смерти, но и о рожденіи. Въ настоящее время нравственныя правила цивилизованнаго міра въ половомъ отношеніи представляютъ самую нелогичную и безсвязную систему дикихъ потворствъ и безсмысленныхъ за-

претовъ, безумной терпимости и возмутительной жестокости. Нынѣшняя цивилизація—это половое помѣшательство. Она потеряла разсудокъ въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ подъ вліяніемъ стѣсненій, которыя стояли и до сихъ поръ стоятъ, хотя и въ меньшей степени, на пути къ здоровому обсужденію этого вопроса въ его цѣломъ. Стоитъ только коснуться его, чтобы вызвать раздраженіе. Повидимому, такъ мало людей ведутъ счастливую и здоровую половую жизнь, что самое слово „половое“ приводитъ людей въ возбужденіе, зажигаетъ огонь въ глазахъ, заставляетъ понижать голосъ, краснѣть и блѣднѣть словно въ сознаніи вины. Всѣ мы имѣемъ свои секреты и прячемъ свой стыдъ. Одинъ изъ самыхъ курьезныхъ случаевъ, обнаружившихъ этотъ фактъ, произошелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда откровенныя изліянія въ беллетристикѣ нѣкоторыхъ молодыхъ женщинъ, искавшихъ разъясненія мучившихъ ихъ задачъ (и это естественно въ ихъ положеніи, какъ будущихъ женъ и матерей), вызвали цѣлую бурю осужденій со стороны разныхъ почтенныхъ лицъ. Понятно, что есть основательныя причины и постоянная необходимость въ соблюденіи стыдливости и въ болѣе строгомъ подавленіи того, что направлено лишь къ возбужденію чувственности, чѣмъ это дѣлается въ настоящее время. И главная изъ этихъ причинъ лежитъ въ необходимости предохранять молодежь отъ преждевременнаго пробужденія половыхъ инстинктовъ. Въ интересахъ цивилизаціи безусловно важно, чтобы періодъ роста и подготовленія къ зрѣлости длился у людей

по возможности долѣе. Но, съ другой стороны, не хорошо и то, если невѣдѣніе и невинность длятся черезчуръ долго; невинность такъ же мало приличествуетъ людямъ взрослымъ, какъ погремушка или соска; и стыдливость, мѣшающая разсуждать объ извѣстныхъ предметахъ, или позволяющая это дѣлать лишь съ глупыми недомолвками, часто приводитъ къ жестокимъ и позорнымъ послѣдствіямъ, къ семейному разладу, къ печальнымъ кризисамъ и напрасно портитъ жизнь множества людей. Мы слишкомъ часто доводимъ нашу стыдливость до того, что она оказываетъ вызывающее и неестественно возбуждающее дѣйствіе; мы облачаемъ простое дѣло воспроизведенія рода въ мистическую тайну, способную оказывать гораздо болѣе вреда, чѣмъ нагота дикаря.

Существенная сторона всѣхъ этихъ дикихъ или легкомысленныхъ междуполовыхъ отношеній есть дѣлоторожденіе. На счетъ отношенія къ этому простому факту люди новой республики, вѣроятно, договорятся не колеблясь. Главное значеніе полового вопроса въ нравственномъ отношеніи лежитъ въ томъ фактѣ, что въ этомъ вопросѣ замѣшана жизнь людей, которымъ принадлежитъ будущее. Если бы не это, если бы можно было отдѣлать половыя сношенія отъ ихъ послѣдствій, то вопросъ объ отношеніяхъ между полами имѣлъ бы не болѣе важности, чѣмъ вопросъ о нравственности игроковъ въ шахматы или игрѣ подъ открытымъ небомъ. Вѣроятно, онъ сталъ бы совершенно аналогиченъ съ вопросомъ о пользѣ или вредѣ игры въ гольфъ. Въ обоихъ случаяхъ пришлось

бы рѣшать врачу или психологу, до какого предѣла это занятіе можетъ быть здоровымъ и дозволительнымъ, и на какой чертѣ оно переходитъ въ злоупотребленіе и въ напрасную трату времени и энергіи. Трудоспособный человѣкъ, который занимается только любовными дѣлами, не имѣющими въ результатѣ дѣторожденія, былъ бы такъ же глупъ и нравственно ничтоженъ, какъ здоровый человѣкъ, который отдавалъ бы всю свою энергію на толканье шариковъ по лункамъ гольфа,—но не болѣе. Оба, вѣроятно, заставляли бы и другихъ людей попусту тратить время,—у игрока въ гольфъ долженъ быть помощникъ. Но дѣторожденіе и другія соображенія, которыя мы теперь изложимъ, исключаютъ аналогію, не исключая, впрочемъ, возможности, что во многихъ случаяхъ люди новаго времени будутъ считать безплодное удовлетвореніе половыхъ вожделѣній дѣломъ нравственнымъ и законнымъ. Св. Павелъ говоритъ, что лучше жениться, чѣмъ горѣть; но плодитъ дѣтей только по этой причинѣ, вѣроятно, будетъ казаться людямъ новой республики слишкомъ гнуснымъ дѣломъ. Они не станутъ препятствовать распространенію знаній, способныхъ уменьшить плодовитость населенія трущобъ, кишачихъ дѣтьми; и нерасположеніе пустынькой дамы „изъ общества“ сдѣлаться матерью будетъ казаться имъ самой милой чертой въ ея глупости. Наше стыдливое отношеніе къ этимъ вещамъ заставляетъ насъ говорить массу глупостей. Крики о быстромъ размноженіи „неспособныхъ“ и о будущности низшихъ расъ принимаютъ совсѣмъ другой оттѣнокъ, какъ скоро

мы рѣшаемся прямо взглянуть въ глаза извѣстнымъ, но щекотливымъ фактамъ. Большая часть тѣхъ человѣческихъ типовъ, которые нежелательны съ точки зрѣнія цивилизаціи, очень охотно согласились бы на то, чтобы родъ ихъ вымеръ съ помощью извѣстныхъ средствъ, если бы общество сколько-нибудь поощряло ихъ къ этому. Они плодятся часто по невѣжеству даже и теперь, не желая этого, и нѣтъ ничего легче, какъ заставить ихъ бояться дѣторожденія. Чувственность стремится къ самоудовлетворенію, а не къ размноженію жизни. Я полагаю, что граждане новой республики положить въ основаніе своей политики именно эти соображенія. Они будутъ иллюминировать городскіе притоны и разгонять чернь, которая скопляется въ нихъ, чтобы плодиться; они настоятъ на изданіи законовъ, въ силу которыхъ будутъ останавливаться переселенцы черной, желтой и низшей бѣлой расъ; новые люди будутъ наблюдать, чтобы никто изъ родителей не могъ получать прибыли черезъ своего ребенка, такъ что дѣти не будутъ болѣе служить праздному бѣдняку предметомъ выгодной спекуляціи; содержаніе ребенка будетъ вмѣнено въ первый долгъ родителямъ. Только такимъ способомъ прогрессивное общество можетъ избѣжать обремененія себя продуктами обезпеченности жизни, которую оно создастъ. Прогрессъ науки, избавившей человечество отъ бремени голода и эпидемій, избавить его и отъ войны, но не съ тою цѣлью, чтобы содѣйствовать его безпорядочной и въ конечномъ результатѣ жестокой плодовитости.

Люди сентиментальные и всѣ тѣ, чье нравственное чувство воспиталось въ старой школѣ, безъ сомнѣнія, найдутъ наши идеи ужасными. Значитъ, „пропасть“ должна стать разсадникомъ безплодной безнравственности, чтобы согласоваться съ разумной политикой господствующаго класса въ будущемъ? Но вѣдь, во всякомъ случаѣ, это положить конецъ другому злу. Въ настоящее время „пропасть“ служитъ очагомъ нежелательнаго плодородія и слишкомъ часто разсадникомъ страшно несчастныхъ дѣтей. Это похуже сентиментальнаго ужаса. При настоящей, дѣйствительной морали, если тупой, низкорослый, болѣзненный челоуѣкъ, совершенно неспособный зарабатывать достаточное содержаніе даже для одного себя, женится на невѣжественной, некрасивой, глупой и болѣзненной женщинѣ, живущей впроголодь, и наплодитъ съ нею дюжину больныхъ дѣтей, то такая семья считается чрезвычайно назидательнымъ зрѣлищемъ, и родители видятъ въ своей плодovitости особое право на помощь менѣе плодovitыхъ и болѣе зажиточныхъ классовъ. Благотворительные люди набрасываются на такой случай съ особеннымъ рвеніемъ, съ жаромъ стараются подкрѣпить мать для дальнѣйшей производительности и покровительствовать дѣтямъ до ихъ совершеннолѣтія,—пока ихъ, благотворителей, вниманіе не будетъ отвлечено къ новому подобному случаю... И подъ внушеніемъ господствующихъ взглядовъ на вещи, рѣдко кто и цонимаетъ, какое ужасное и преступное зло представляетъ подобная семья съ точки зрѣнія общественной фізіологіи.

А какъ скоро вступятъ въ дѣйствіе изложенные нами принципы—я полагаю, что эта новая фаза человѣческой исторіи начнется съ будущаго же вѣка—такъ возобновится и процессъ физическаго и умственнаго улучшенія человѣческаго рода, и повышеніе средняго уровня человѣчества, замѣтно пріостановившееся въ продолженіе большей части историческаго періода. Въ послѣднія сто лѣтъ въ большей части цивилизованныхъ государствъ этотъ уровень положительно понизился. Всѣ наши филантропы и проповѣдники религіозныхъ ученій какъ бы состоятъ въ естественномъ заговорѣ между собою, съ цѣлью поддерживать мистическое невѣдѣніе на счетъ этихъ вопросовъ, а при неудержимомъ половомъ импульсѣ это невѣдѣніе приводитъ къ распложенію множества маленькихъ, жалкихъ существъ. Представьте себѣ, что произошло бы, если бы, положимъ, половина населенія земного шара въ каждомъ поколѣніи воздерживалась избѣгать его! Безболѣзненное вымирание слабыхъ и чувственныхъ возможно. По принципамъ, которымъ вѣроятно будутъ слѣдовать господствующіе классы новаго времени, стремиться къ этому будетъ дозвоительно, и я почти не сомнѣваюсь, что въ будущемъ это дѣло будетъ выполняться по опредѣленному плану.

Если бы для созданія цивилизованнаго человѣка довольно было родить его, то люди будущаго, на основаніи тѣхъ принциповъ, которые мы приписываемъ имъ, считали бы во всякомъ случаѣ рожденіе здороваго физически и умственно ребенка не болѣе, какъ самымъ извинительнымъ изъ

проступковъ. Но рожденіе есть только начало, дающее сырой матеріалъ будущаго цивилизованнаго человѣка. Въ своемъ совершенномъ видѣ онъ не только долженъ быть здоровъ и силенъ физически, но долженъ еще обладать хорошимъ умственнымъ аппаратомъ, долженъ быть фабрикой нравственныхъ инстинктовъ, которые переходятъ въ умственные привычки, складомъ болѣе или менѣе систематизированныхъ идей, схемой знанія, воспитанія и эстетической культуры. Человѣкъ—дитя не только своихъ родителей, но и своей семейной среды, своего воспитанія. Его нужно тщательно оберегать отъ физической и нравственной заразы. При тѣхъ общихъ правилахъ, какія мы предполагаемъ, *небезнравственное* рожденіе дѣтей обусловливается достаточною вѣроятностью обезпеченнаго домашняго очага, воспитанія и защиты безъ паразитной зависимости отъ людей постороннихъ. Эти условія исключаютъ разумность такого случайнаго смѣшенія между здоровыми людьми, за какое стоялъ будто бы Грэнтъ Алленъ, хотя, насколько я понимаю его, онъ вовсе не стоялъ за это ¹. Но ведутъ ли вышеуказанныя условія къ возстановленію неразрывнаго моногамическаго брака, какъ требуетъ старая мораль, — это другой вопросъ. Признаюсь, насчетъ этого вопроса въ будущемъ я еще не составилъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія, такъ какъ въ немъ замѣшаны очень темныя фізіологическія и психологическія соображенія. Человѣкъ, мѣтящій въ рома-

¹ Въ романѣ „The Woman who did“.

нисты, естественно черпаетъ въ этомъ вопросѣ свои матеріалы, когда только можетъ; но въ существенныхъ фактахъ часто бываетъ трудно разобратся. По всѣмъ вѣроятіямъ, существуетъ очень много людей, которые, соединившись въ четы, могли бы создать счастливые и удачные моногамическіе домашніе очаги для своихъ здоровыхъ и разумныхъ дѣтей, и нѣкоторая свобода перегруппировокъ въ продолженіе опредѣленнаго періода времени могла бы привести къ этому. Я убѣжденъ, что огромная пропорція существующихъ супружескихъ паръ подобрана не вполне удачно, что въ очень многихъ случаяхъ ихъ раздѣляютъ взаимное отчужденіе, охлажденіе и ожесточеніе. Семья, въ которой царятъ ссоры, хуже, чѣмъ отсутствіе семьи для ребенка, а въ будущемъ все должно въ этихъ дѣлахъ соображаться единственно съ интересами ребенка. Я не думаю, что соединеніе въ четы универсально примѣнимо, или что единственной альтернативой можетъ быть только холостая жизнь, смягченная безплоднымъ порокомъ. Я не вижу также причины считать союзъ бездѣтныхъ супруговъ неразрывнымъ и недопускающимъ болѣе удачнаго сочетанія. Въ настоящее время вопросъ этотъ сильно усложняется невыгоднымъ положеніемъ женщины въ экономическомъ отношеніи,—положеніемъ, которое дѣлаетъ для нея бракъ часто единственнымъ средствомъ къ существованію, тогда какъ для мужчинъ онъ только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть источникомъ дохода. Кромѣ того, почти у каждой женщины бываетъ періодъ мак-

симальной привлекательности, послѣ котораго было бы нечестно покинуть ее. Съ той точки зрѣнія, на которую мы стали, хорошія матери, способныя сдѣлать изъ своихъ дѣтей лучшее, что возможно—важнѣйшія лица въ государствѣ. Онѣ составляютъ первую необходимость для будущей цивилизаціи. Спрашивается, можетъ ли женщина въ какомъ бы то ни было родѣ полигамическаго союза, или женщина съ неопредѣленнымъ положеніемъ въ жизни имѣть такую возможность быть образцовой матерью, какую имѣетъ идеальная моногамическая жена? Мы склонны отвѣтить: нѣтъ. Однако, съ другой стороны, пользуется ли этой возможностью заурядная моногамическая жена?.. Мы имѣемъ теперь дѣло съ лучшими людьми будущаго, съ людьми сильной индивидуальности, которые будутъ гораздо свободнѣе отъ стереотипной морали и гораздо менѣе подходящи для гуртовой оцѣнки, чѣмъ люди настоящаго времени.

Я уже показалъ причину, заставляющую видѣть въ настоящее время періодъ распушенности и лицемерія въ вопросахъ половой морали, и склоненъ думать, что, по минованіи этого періода и съ наступленіемъ новой республики, окажется много подходящихъ для брака паръ, и сильная рука государства будетъ настаивать лишь на обезпеченіи и защитѣ дѣтства. Неизбѣжное перенесеніе дѣторожденія въ категорію доступныхъ обсужденію актовъ усилитъ въ огромной степени отвѣтственность отца за ребенка—вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность государства, не сумѣвшаго отвадить отца отъ плодовитости. Разъ, что допущено рожденіе ре-

бенка, общественная политика, согласно старымъ понятіямъ о справедливости, требуетъ, чтобы ребенка кормили, любили и воспитывали не въ пропорціи приличнаго минимума, а въ полной мѣрѣ его способностей. Поэтому государство будетъ запаснымъ опекуномъ всѣхъ дѣтей. Если будутъ плохо кормить ихъ, пренебрегать ихъ воспитаніемъ, то оно вмѣшается, возьметъ отвѣтственность за ребенка на себя и увеличитъ налогъ на родителей. Первою обязанностью отца будетъ обязанность передъ ребенкомъ и за ребенка; даже должное любимцу настоящаго кодекса, лэндлорду, отступить на второй планъ. Идея отвѣтственности родителей и государства передъ ребенкомъ и передъ будущимъ идетъ въ разрѣзъ съ общими идеями настоящаго времени, извращающими мрачную дѣйствительность. И наниматель благословляетъ религію и нравственность, дающія такіе результаты; а недалководидные англійскіе епископы, ни одного дня не сидѣвшіе безъ обѣда во всю свою жизнь и не имѣющіе понятія о горечи вступленія въ этотъ міръ для тѣхъ, кому во всемъ суждено отставать отъ другихъ, съ самодовольствомъ указываютъ на контрастъ своей страны съ невѣрующей Франціей. Необходимо, чтобы реальное значеніе такихъ результатовъ было понято вполне людьми, которые будутъ править міромъ,—людьми свободными отъ клейма невѣжества, отъ нравственной тупости и отъ догматическаго откровенія, оправдывающаго такую утонченную жестокость.

Новые республиканцы, задавшись дѣломъ улуч-

шенія качества человѣческаго потомства, позаботятся о томъ, чтобы новорожденные находили въ этомъ мірѣ надежные шансы на счастье. Полуобразованные, недалекіе претенденты на учительскую профессію, проповѣдующіе невозможныя вѣрованія и читающіе комическіе курсы,—эти учителя, которымъ несчастные современные родители вынуждены поручить умственное развитіе своихъ дѣтей,—эти тяжелорукіе брадобреи ума съ ихъ невѣжественными помощниками будутъ замѣнены способными, сознающими собственное достоинство мужчинами и женщинами, которые сдѣлаютъ изъ преподаванія важнѣйшую профессію въ мірѣ. Пустыя притязанія на „формулированіе характера“, на нравственное воспитаніе и тому подобное, которыми нынѣшніе педагоги маскируютъ свою неспособность отвѣчать своей частной задаче—развитію и обогащенію ума, будутъ отложены въ сторону будущими учителями. Не дозволятъ имъ и подчинять свои прямыя обязанности совершенно постороннему дѣлу спорта учениковъ. Учитель будетъ учить, а въ отношеніи нравственнаго воспитанія ограничится подкрѣпленіемъ въ ученикѣ правдивости и дисциплины, развитіемъ въ немъ способнаго человѣка, сознательно исполняющаго свои обязанности. Учитель будетъ знать, что на немъ лежитъ только часть воспитательнаго процесса, что не менѣе важное воспитательное вліяніе имѣютъ домашняя среда и та атмосфера умственной жизни, въ которой живутъ ученики и учителя. Весь міръ будетъ думать и учиться; старое понятіе о „довершеніи“ образованія разсѣт-

ся, какъ разсѣялась фантазія о неподвижности земли; колледжи, какъ и каждая школа, будутъ вѣроятно, приготовительными ступенями, дающими только ключи къ наукамъ, развивающими умственный аппаратъ. Они выучатъ владѣть тѣмъ или другимъ языкомъ, математическому мышленію, рисованію, разовьютъ широкіе и продуманные философскіе взгляды, дадутъ упражненія въ діалектикѣ и навыкъ въ пользованіи фактами изъ запасовъ, накопленныхъ наукой. Съ такимъ запасомъ молодой человѣкъ или молодая женщина поступятъ въ техническую школу, отвѣчающую избранной ими профессіи, ознакомятся съ критикой современной практики по своей специальности и съ литературой современной мысли въ видахъ общаго саморазвитія.

Принимая мѣры къ ограниченію перенаселенія пропасти, кишашей дѣтьми, и развивая показаннымъ способомъ моральную и воспитательную систему будущаго, новая республика позаботится также и о мѣрахъ противъ накопленія безотвѣтственной собственности, этого неизбѣжнаго и грознаго зла при настоящихъ условіяхъ. Атака на нее, конечно, произойдетъ по тѣмъ линіямъ, которыя проложитъ прогрессъ экономической науки въ ближайшемъ будущемъ. Налогъ на наслѣдство и постепенно увеличиваемое обложеніе доходовъ съ безотвѣтственной собственности, быть можетъ, съ придачей системы срочнаго прекращенія долговыхъ обязательствъ, вѣроятно, окажутся достаточными мѣрами для контролированія этого кредитора, этой своего рода слоновой проказы. Раз-

работать въ подробностяхъ этотъ планъ—дѣло специалистовъ. Если въ какихъ-нибудь изъ общественныхъ актовъ новой республики будетъ чувствоваться горечь, то это, вѣроятно, въ мѣрахъ противъ паразитовъ или противъ попытокъ къ паразитству на общественномъ тѣлѣ, посредствомъ ли игры или манипуляцій на биржѣ, или же путемъ вмѣшательства въ юридическія сдѣлки, какъ, напримѣръ, замышляемое англійскими трэджюніонами въ отношеніи недвижимой собственности. Среди людей сентиментальныхъ все еще находятся такіе, которые смотрятъ на игрока или спекулянта какъ на смѣльчака или авантюриста, и противопоставляютъ его эффектную расточительность трезвой расчетливости честныхъ людей. Но граждане новой республики будутъ нечувствительны къ этимъ романическимъ чарамъ; они будутъ смотрѣть на игрока просто какъ на низкое созданіе, которое льнетъ къ обществу въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь даромъ, рискуя стянуть, подобно вору, что-нибудь принадлежащее другому. Для новыхъ людей оба будутъ стоять на одной ногѣ, и щедрый игрокъ, какъ и добродушный пьяница, встрѣтитъ одинаково мало снисхожденія къ своимъ маленькимъ слабостямъ и перестанетъ говорить, что худшій врагъ его—онъ самъ. Противъ спекуляціи у новой республики будетъ сила твердой вѣры и опредѣленной цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ресурсы экономической науки, котсрая пока еще въ пеленкахъ. Въ этихъ дѣлахъ она будетъ чужда суевѣрнаго уваженія къ лозунгу *laissez faire*. Деньги и кредитъ

такія же человѣческія изобрѣтенія, какъ и велосипедъ, и точно такъ же подлежатъ измѣненіямъ и улучшеніямъ, какъ и всякая распространенная, но несовершенная машина.

Какъ же будетъ поступать новая республика съ низшими расами? Какъ будетъ она относиться къ неграмъ, къ желтой расѣ, къ евреямъ—этимъ, какъ иные утверждаютъ, термитамъ, точащимъ дерево цивилизациі? Конечно, не какъ къ расамъ. Ея цѣлью будетъ учрежденіе всемірнаго государства съ единымъ языкомъ и единымъ кодексомъ, и она достигнетъ этой цѣли, хотя, быть можетъ, только черезъ два вѣка. Тогда по всему міру пройдутъ ея дороги, повсюду установятся ея законы, ея кодексъ нравственности, механизмъ ея контроля. Она сдѣлаетъ, какъ я показалъ, распложеніе людей, отставшихъ отъ извѣстной нормы общественной полезности, дѣломъ труднымъ и непріятнымъ, и отмѣнитъ всякіе законы, оберегающіе взрослыхъ людей отъ нихъ самихъ ¹. Она не станетъ терпѣть у себя ни темныхъ угловъ, гдѣ плодитъ свои болѣзни населеніе пропасти; ни разсѣянныхъ по лицу земли трущобъ сельскаго населенія, никакихъ заплеснѣлыхъ резервуаровъ заразы. Люди же, способные быть полезными гражданами, какого бы цвѣта они ни были, бѣлые, черные, коричневые,—всѣ найдутъ себѣ мѣсто въ міровомъ государствѣ, всѣ будутъ приняты, евреи, какъ и другіе. Иные увѣряютъ, будто

¹ См. прекрасную и идейную книгу Эрчдаля Рида: „The present evolution of Man“ (Современная эволюція челоѣка).

еврей—неисправимый паразитъ на механизмѣ кредита. Но если на этомъ механизмѣ возможны паразиты, то обязанность законодателей очистить самый механизмъ, ставить же евреевъ въ исключительное положеніе нѣтъ резона. Если правда, что они неисправимо склонны къ общественному паразитству, то надо сдѣлать паразитизмъ невозможнымъ, и еврей будетъ устраненъ. Если же окажется, что эта склонность вовсе не присуща ему, то зачѣмъ же и устранять его? Мнѣ совсѣмъ непонятно исключительное предубѣжденіе противъ евреевъ. Еврейскія лица часто бываютъ очень некрасивы;—но и у христіанъ не рѣже встрѣчаются такія же рѣзкія и непріятныя черты лица. Еврей часто выставляетъ свою національность съ особенной безтактностью, но не англичанину укорять его въ этомъ. Многіе изъ евреевъ очень вульгарно держатъ себя, одѣваются, многіе матеріалистичны въ образѣ мыслей, хитры и низки въ своихъ методахъ,—но не болѣе, чѣмъ многіе изъ христіанъ. Еврей раньше зрѣетъ физически и умственно, раньше старится и умираетъ, чѣмъ въ среднемъ европеецъ; но въ этомъ, какъ и въ нѣкоторой скрытности, онъ только не отстаетъ отъ смуглаго валлійца. Еврей отдаетъ предпочтеніе людямъ своей расы, покровительствуетъ имъ, но также поступаетъ и шотландецъ. Я, съ своей стороны, не вижу ничего опаснаго или исключительно дурнаго въ этой любопытной, разсѣянной по землѣ расѣ. Еврей представляетъ собою пережитокъ и наслѣдіе среднихъ вѣковъ; быть можетъ, онъ сентименталенъ, но отнюдь не тайный заго-

ворщикъ противъ новѣйшаго прогресса. Еврей былъ средневѣковымъ либераломъ; неискоренимое существованіе его расы, изблечивъ во лжи католицизмъ съ его притязаніями во времена его могущества, изблечаетъ въ томъ же и нашихъ лающихъ націоналистовъ. Узы сочувствія, соединяющія эту расу, разметанную по всему міру, какъ бы предназначаютъ планъ будущаго всемірнаго государства. Евреи никогда не старались подавить какое-нибудь ученіе. Ихъ ростовничество имѣетъ въ значительной мѣрѣ характеръ общественной ассенизаціи. Въ будущемъ времени они, вѣроятно, утратятъ въ значительной мѣрѣ свой партикуляризмъ, перемѣшаются въ брачныхъ союзахъ съ христіанами и, лѣтъ черезъ сто, не будутъ представлять и въ физическомъ отношеніи особаго элемента въ человѣческомъ обществѣ. Но я надѣюсь, что многое изъ ихъ моральныхъ традицій сохранится навсегда...

Что же будетъ съ другими расами — коричневыми, грязно-бѣлыми и желтыми, — которыя не будутъ отвѣчать новымъ общественнымъ нуждамъ?

Я думаю вотъ что: міръ не благотворительное учрежденіе и, вѣроятно, этимъ расамъ наступитъ конецъ. Все содержаніе и смыслъ міровой жизни ведутъ къ этому. Если эти расы не станутъ выдѣлять изъ себя здоровыхъ, сильныхъ, выдающихся людей въ міръ будущаго, то имъ суждено вымереть и исчезнуть.

Цѣль міра выше счастья; мы должны служить нашей жизнью цѣли Творца, а человѣкъ не есть Его конечная цѣль; онъ только орудіе къ дости-

женію болѣе великихъ результатовъ... Сознаніе этого будетъ, какъ я полагаю, отличительной чертой вѣры людей новой республики. Въ виду этого, я даже не ставилъ вопроса, будутъ ли они вѣровать въ безсмертіе человѣческой души. Навѣрное, новые люди, при своемъ понятіи о высшемъ разумѣ Творца, не будутъ вѣровать въ посмертныя награды и наказанія, и я не предвижу, чтобы они нашли возможность какой-нибудь взаимной реакціи между этимъ міромъ и какимъ-либо міромъ безплотныхъ существъ. Такой результатъ представитъ много любопытнаго, когда мы перевернемъ страницу, но пока мы еще не можемъ перевернуть ее. По сую сторону, въ этой жизни, свойство вещей не даетъ ни малѣйшаго указанія на безсмертіе нашихъ себялюбивыхъ личностей, но все неотразимо сводится на то, что человѣческая раса имѣетъ необозримое будущее. Наши слабыя, хотя, быть можетъ, и притязательныя „предвидѣнія“ служатъ какъ бы туманнымъ отраженіемъ его въ мелкомъ и мутномъ прудѣ.

Вотъ для какого будущаго люди живутъ и умираютъ.

КОНЕЦЪ.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

~~1.50~~

3p.